

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ХОРОГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. НАЗАРШОЕВА**

На правах рукописи

КАРАМХУДОЕВА ЛАТИФА ТУТИЁЕВНА

**ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ
В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО СТРОЯ**
(на материале английского и таджикского языков)

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Джамshedов Парвонахон

Душанбе – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Общие теоретические аспекты и анализ пространственности..	11
1.1. История исследования существующих категорий пространственности.....	11
1.2. Характеристика пространственных отношений в науке языкознания..	22
1.3. Исследование функционального и семантического областей пространственности с учетом ее структурной локализации.....	29
1.4. Группировка методов для репрезентации функционального и семантического отраслей пространственности языков.....	46
1.5. Пространственные предлоги – проблемы семантического анализа в английском и таджикском языках.....	55
1.6. Выражение категории пространственности в таджикском языкознании.....	60
Глава II. Семантико-структурный анализ пространственных отношений в языках разного строя	65
2.1. Существительные в английском языке в роли способа образования пространственных взаимосвязей	65
2.2. Наречия в английском языке как самостоятельные выражения пространственности.....	75
2.3. Местоимения и местоименные слова для выражения пространственных взаимосвязей таджикского и английского языков.....	84
2.4. Предлоги в виде отдельного метода пространственных отношений в науке о лингвистике.....	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	143
БИБЛИОГРАФИЯ	151

ВВЕДЕНИЕ

Лексические средства, выражающие пространственные отношения в таджикском и английском языках в последние годы активно привлекают внимание ученых своим разнообразием. Интерес ученых к данной вызван необходимостью лингвистического осмысления способов выражения пространственности в языках различного строя.

Функционально-семантическое поле пространственности входит в состав основных лексико-грамматических категорий слов, а лексические носители, выражающие пространственную семантику, относятся к разным частям речи. В рассматриваемых языках к полю пространственности примыкают словарные единицы, обладающие значением пространственности – это *существительные, наречия, глаголы, местоимения предлоги и союзы со значением пространственных отношений*. Сравнительный анализ в различных языках выявит сходства и отличия лексических средств выражения пространственных отношений.

Актуальность темы исследования обусловлена также теоретической и практической важностью изучения категории пространства и средств его выражения в лингвистической интерпретации в контексте двух языков: таджикского и английского. Изучение языковых средств выражения в этой категории важно, поскольку позволяет глубже анализировать структуру предложения, раскрывать их пространственное значение.

Интерес к исследованию пространственных существительных, наречий, местоимений и предлогов в разноуровневых языках на примере таджикского и английского языков обусловлен тем, что они являются яркими частями речи, демонстрирующими пространственные отношения и заслуживающими глубокого лингвистического анализа и исследования. Они, несомненно, попадали в сферу внимания лингвистов, описывавших грамматический строй языка, но никогда исследование какой-либо тематики,

в данном случае пространственности, не является достаточным, потому, что всегда открываются новые аспекты, требующие научного изучения.

Выбор темы исследования обусловлен тем, что сопоставительный анализ выражения пространственности в языках различного строя направлен на выявление сходства и различия в значении и употреблении предлогов, местоимений, наречий и существительных в двух языках, как одних из средств, представляющих пространственные отношений в языках, где порядок предлогов и слов служит как основное средство соединения слов в предложении.

Предлоги современного английского языка **at, to, on** и их соответствия с предлогами таджикского языка **болои – рӯи, тарафи – суй, пеши – назди** и др. чаще других используется для отражения реально существующих пространственных ситуаций. В то же время они обладают многозначностью, благодаря чему создается возможность синонимии. Изучение синонимии упомянутых частей речи в рамках семантико-структурной лингвистики позволяет учесть влияние экстралингвистических факторов, а также представить их концептуальную структуру удобным для восприятия.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в диссертации использован комплекс методов и приемов сопоставительного анализа фактического материала разноструктурных языков. В исследовании применялись структурно-семантический и сопоставительный методы, а также метод лингвистического описания дейктических слов.

Степень изученности проблемы. Данная проблема изучена в научных трудах В.В. Виноградова, В.Г. Гак, В.Н. Ярцевой, Т.В Булыгина, Б.А. Серебренникова, А.А. Реформатского, а также в исследованиях таджикских ученых Н. Масуми, Р. Гаффарова, Д. Таджиева, контрастивистами А.В. Бондарко, Л.С. Бархударова, Л.В Успенской, П. Джамшедова, М.Б. Нагзибековой, С. Камаловой, Д. Бурхановой Г, Неменовой Р.Л, Садировой, Б, Мамадасламова, А. Мамадназарова и др. Сравнительному изучению предлогов в разносистемных языках посвящен ряд работ, в частности Х.А.

Артыковой, Н.Ф. Раджабова, М.Н. Наханговой, Б. Сиёева, П.Т. Авлиёева и др.

Однако вопросы выражения пространственного отношения в языках различных типологий, ставшие особенно актуальными в последнее время, не исследованы в плане сопоставления лексики таджикского и английского языков.

Цель исследования – выявить структурно-семантические, категориально-грамматические и функциональные особенности лексических средств таджикского языка и соответствующих им структурных единиц английского языка, выражающих семантику указания на пространственные отношения, позволяющее установить их системную связь, различия и сходство в семантическом и структурном аспектах.

Для достижения цели важно решить следующие **задачи**:

- сравнить, существующие методологии исследования пространственных отношений в системе различных языков;
- определить функционально-семантическое поле пространственности и его структурную локализацию в разноструктурных языках;
- изучить способы выражения функционально-семантического поля пространственности в сопоставляемых языках;
- проанализировать функционально-семантическое поле пространства;
- выявить специфику предлогов, наречий местоимений и существительных как средств, выражающих пространственные отношения в грамматических и лексических значениях рассматриваемых языков;
- выделить английские соответствия таджикских предлогов с пространственным значением;
- исследовать наречия как выражения пространственности в английском языке;
- изучить местоимения как средство выражения пространственных отношений в таджикском и английском языках;

– выявить сходство и различия между существительными таджикскими и английскими языками в системе общего представления пространственных отношений.

Объект исследования - проблемы выражения пространственности в языках различного строя.

Предмет исследования - морфологические, синтаксические и лексические средства, выражающие пространственные отношения в языках разного строя.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что результаты проведенного исследования явятся определенным вкладом в разработку общей теории и методики семантико-сопоставительного изучения пространственности в разносистемных языках. В теоретическом плане многие положения диссертации могут способствовать последующим научным изысканиям области общего, таджикского и сопоставительного языкознания, а также представляют интерес для исследования языковой картины мира.

Результаты исследования могут быть полезными для дальнейшей всесторонней разработки проблемы в рамках каждого из языков в целом.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования результатов исследования при составлении учебников и научных исследований в ведении по грамматике таджикского и английского языков. Данные, полученные в ходе исследования, могут найти применение в практике преподавания в школе и в вузах по лексикологии и теоретической грамматике таджикского и английского языков, теории и практике перевода межкультурной коммуникации, а также при написании выпускных квалификационных работ по соответствующей проблематике на филологических факультетах вузов.

Материалом для исследования послужили примеры, собранных методом сплошной выборки из лексикографических источников (толковых, энциклопедических, англо-таджикских и таджикско-английских, русско–

английских и англо-русских словарей) и художественных произведений современных таджикских и английских, американских авторов.

Научная новизна темы исследования заключается и в том, что в диссертации впервые в сопоставительном плане подвергается системному анализу комплекс лексических средств таджикского и английского языков, выражающих семантику указания на пространственные отношения. В работе впервые подвержены анализу пространственные предлоги, наречий, существительные, местоимения таджикского и английского языков.

В диссертации, путем сравнения, с помощью предлогов, наречий, существительные и местоимений выявляется специфика их функционирования, устанавливаются системные пространственные грамматические отношения в семантическом поле английского и таджикского языков, осуществляется распределение локальных предлогов по тематическим разрядам, определяется степень насыщенности отдельных лексико-семантических классов, групп, микрополей в сопоставляемых языках:

- произведено сравнение и обобщены существующие методологии исследования пространственных отношений в системе и установлены конкретные методы и приемы исследования данных отношений в языках;
- определено функционально-семантическое поле пространственности и его структурная локализация;
- диагностированы способы репрезентации функционально-семантического поля пространственности в сопоставляемых языках;
- проанализировано функционально-семантическое поле пространства;
- обобщены пространственные предлоги, составляющие проблемы семантического анализа и представить их решение;
- выявлена специфика предлогов как средства пространственных отношений в грамматических и лексических значениях в рассматриваемых языках;

– исследованы наречия как выражения пространственности в английском языке;

– изучены местоимения как средство выражения пространственных отношений в таджикском и английском языках;

– выявлены сходство и различия между существительными таджикскими и английскими языками в системе общего представления пространственных отношений.

Основные положения, выносимые на защиту:

– в таджикском и английском языках выражение пространственных отношений реализуется различными языковыми средствами (различными частями речи). Для выражения пространственных отношений в таджикском и английском языках используются пространственные предлоги, сочетаясь с именами в глагольных сочетаниях, а также наречия с пространственными значениями, выражающими разнообразные оттенки пространственных значений.

– по категориально-грамматическим отношениям и структурным свойствам сочетания с именными пространственными предлогами в таджикском языке резко отличаются от других сопоставляемых языков, так как с семантикой каждого предлога в английском языке связано формирование определенной грамматической формы имени существительного, в связи с которым выделяются три лексико-грамматических групп предлогов.

– проведенный анализ сферы сочетаемости анализируемой группы предложных единиц на морфологическом и синтаксическом уровне подразделяются на две группы: первичные (первообразные), вторичные (отыменных).

– система пространственных отношений в таджикском и английском языках образует строгую структуру, представляющую строго взаимосвязанные лексико-семантические группы, объединенные на основе определенных семантических характеристик, иерархических по своим

характерным характеристикам, в центральной и периферийной частях в зависимости от полноты. или частичное размышление об общих соматических особенностях, семантических пространственных отношениях.

– система пространственных отношений в сопоставляемых языках, несмотря на свою универсальность представления, служит как элемент отображение свойств объективной действительности и единство познавательной деятельности и логической структуры мыслительной деятельности носителей сопоставляемых языков, тем самым отражая своеобразие национального восприятия инвариантных для всех языков логических структур и проявляет некоторые существенные отличия в способах содержательной и формальной вербализации этих отношений, что представляет собой производное от того, как, каким образом представляет собой общее и частное в общей системе данной языковой картины концептуальной действительности.

– характеризуя способы отражения пространственной картины мира в сопоставляемых языках, следует указать на то, что ее отображении в таджикском и английском языках выявляется все большее разграничение пространства на частные семантические компоненты, чем в таджикском. В английском языке это явление обусловлено также семантической оппозицией указательных местоимений по трем видам дейктического обозначения по степени дальности.

– предлоги, наречия места, местоимения и существительные, и пространственные прилагательные являются продуктивными средствами выражения пространственных отношений, как в таджикском, так и в английском языках.

– пространственные отношения, как прямое отражение реальности, и средства их выражения служат базой для формирования более абстрактных отношений, которые пользуются готовыми пространственными структурами, наполняя их новым содержанием. Материал по таджикским и английским

языкам, задействованный в предлагаемом исследовании, может послужить новым подтверждением данной теоретической посылки.

– основными пространственными координатами абсолютного пространства являются местонахождение внутри и на поверхности локума и движение внутрь и на поверхность локума. Семантически и синтаксически в пространственных конструкциях предикат передает одно базовое локативное отношение. Эти конструкции монопропозитивны и монопредикативны.

Апробация исследования. Результаты исследования излагались на ежегодных научно-методических, научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Хорогского государственного университета имени М. Назаршоева (с 2017 по 2021 гг.).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре иностранных языков Хорогского государственного университета им. Моёншо Назаршоева от 26.12.2021 г. (протокол заседания № 5).

По теме диссертации опубликованы 4 статей в ведущих журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ

1.1. История исследования существующих категорий пространственности

Само по себе понятие пространственности является непосредственной частью важных наук, принимает постоянное участие в проложении фундамента в таких дисциплинах как культурология, психология (психолингвистика и другие ее подвиды), естествознание, философия, филология, лингвокультурология, природоведение и тому подобных гуманитарных науках. Как известно, в философии к пространственным отношениям относятся двусторонне, и оба противоречат друг другу – это субстанционность и реляционность, которые были внедрены в обиход Ньютоном и Лейбницем.

«Ньютоновское понимание пространства – это отвлеченное от человека, непосредственного наблюдателя (но не от рефлексирующего субъекта, в голове которого возникает или который создает образ отвлеченного, умозрительного пространства), а лейбницевское – это одушевленное, присутствием человека-наблюдателя» [Брагина, 2007, 98-99].

Современные физики говорят, что «наш мир как минимум одиннадцатимерный. Но большая часть этих измерений компактна, а тех, в которых возможно движение, - три. Если пространство имеет всего два измерения или только одно, то в нем, по современным представлениям, нельзя обеспечить жизнеспособность сложных структур, и, соответственно, жизнь в нем невозможна. При трех измерениях пространства, как известно, орбиты планет, звезд в галактиках, а также галактик в метagalactиках устойчивы» [Рубин 2005], и вот мы приходим к выводу, что человек, как

субъект понимает окружающее его пространство в разных средах, они делятся по метрическим и топологическим показателям.

Вопросы, связанные с исследованием пространства, привлекают внимание ученых различных сфер своим сложным характером, которые не могут дать однозначный ответ о данном явлении. Исследователи пытаются ответить на вопросы о том, что представляет собой пространство и какими свойствами оно обладает? К примеру, по Канту, «пространство и время есть трансцендентальные формы соответственно внешнего и внутреннего созерцания» [Кант И. 1964].

В первой половине XX века естествознание объединяло значение пространство и время, а формализм Минковского редуцирует время к пространству, где «время выступает как одна из координат, причем движение по всем координатам принципиально обратимо и нет объективно выделенного момента «сейчас» [Сазанов А.А. 1988], а вот синергетика, в лице Пригожина, напротив, исходит «из примата времени» [Пригожин И. 1986].

Современная наука ищет новые формы пространственных отношений, способные дать теоретическое объяснение. Современная философия рассматривает пространство как нечто первичное, генетическое начало мира. Радикальное изменение в понятие пространство ввел Эйнштейн, отношение которого расширило представления о пространстве. Ученый утверждал, что донаучное понятие пространства играет в науке фундаментальную роль.

Демокрит, в свою очередь считал, что существует два начала: Бытие и Небытие. Аристотель подчеркивал отсутствие различий в таком понимании пустоты. С.Я. Лурье подчеркивал: «Пустое пространство (кенон)... – «несуществующее» (менон), вернее, ему «соприсуще бытие в ином смысле, чем материи; протяженность есть категория материи; пустота непротяженна; в пустоте не существует расстояний» [Ахундов М.Д. 1974]. Характер непротяженности пустого пространства вытекает из ее пустоты, неактивности и безразличности.

Как показывает обзор, мнения ученых о пространстве отличаются. Сравним, пространство Демокрита бесконечно, у Аристотеля оно ограничено сферой звезд. То есть, если пустота Демокрита является лишь условием движения, то Аристотель характеризует «динамические» особенности места: как «...перемещения простых физических тел, например, огня, земли и подобных им, показывают, что место есть не только нечто, но что оно имеет и какую-то силу. Ведь каждое из них, если ему не препятствовать, несется в свое собственное место» [Аристотель 2005].

На протяжении двух столетий общепринятым оставалось мнение Ньютона о концепции пространства, который считал, что пространство носит чисто метафизический характер и противоречит его установке. Интересна мысль Мора в этом плане, который отождествлял пространство с атрибутом Бога [Гайденко П.П. 2010].

Таким образом, пространство и время относятся к универсальным базовым категориям, «...и время, и пространство отдельно в природе не встречаются, они неразделимы» [Сапаров М.А. 1974]. Он отмечал, что нет ни одного явления в природе, которое ни занимало бы части пространства и части времени. «Только для логического удобства представляем мы отдельно пространство и отдельно время, только так, как наш ум вообще привык поступать при разделении какого-нибудь вопроса» [Там же].

В настоящее время понятиями пространствами стали заниматься и в гуманитарной и социальной направленности, где рассматриваются мировоззренческие и исторические категории.

Отсюда возникает множество научных подходов. Особый интерес представляет исследование форм сопряжения научных концепций пространства и времени и их преломление в искусстве. Нельзя не согласиться с мнением Н. Е. Ястребовой, утверждающей, что именно «понятие пространства меняет свои контуры в зависимости от той модели мира, которая характерна для общества в целом и находится на перекрестке природных факторов и культурных составляющих. Это понятие помогает

интерпретировать формы, в которых человек ментально конструирует мир вокруг себя» [Ястребова Н.Е. 2014]. Начиная с 70-80-х годов XX века, внимание к этому аспекту во многом стимулировалось научными открытиями в области физики, естествознания, оптики и строительной инженерии. Этот факт отсылает к другому историческому периоду, – времени научных революций, когда, по словам Ф. Бэкона «...земной шар каким-то удивительным образом сделался открытым и доступным для изучения» [Нарский И.С. 1974]. Это эпохи научных революций, во время которых меняются представления о пространстве и времени. В период с XVI по XVII века совершается много научных открытий, рождается новая наука механика, осуществляется пересмотр традиционных представлений об устройстве Вселенной, формируются новые научные программы: картезианская, атомистическая, ньютоновская, лейбницева, наконец, происходит «перестройка важнейших принципов научного мышления» [Гайденко П.П. 2010]. Параллелизм данных исторических периодов связан и с рождением особых форм отражения пространственно-временных представлений в произведениях искусства XVII и XX веков. В связи с этим возникают следующие вопросы, – каким образом появляются, и в каких художественных формах актуализируются научные и философские представления о пространстве в XVII веке? Изучение научных теорий о пространстве в философской мысли конца XVI-XVII века с позиции выявления форм их отражения в искусстве этого времени представляется весьма актуальным и своевременным. Период Нового времени в искусстве отмечен различными стилями – барокко, классицизмом, рококо. Автор счел необходимым остановиться на искусстве барокко, поскольку и художественную, и научно-философскую практику этого времени отличает элемент универсальности. Этот факт значителен для понимания специфики искусства, науки и философии указанного периода. С этой позиции любопытно выявить формы проявления категории пространства в

аудиальном (Музыка) и визуальном (Архитектура) искусствах, то есть в тех видах, для которых эта форманта характерна в различной степени.

«Абсолютное пространство по самой своей сущности, безотносительно к чему бы то ни было внешнему, останется всегда одинаковым и неподвижным. Относительное есть его мера или какая-либо ограниченная подвижная часть, которая определяется нашими чувствами по положению его относительно некоторых тел, и которое в обыденной жизни принимается за пространство неподвижное...» [Ньютон И. 1936]. Ньютон рассматривает пространство как пустоеместилище вещей, оно при этом трехмерно, непрерывно, неподвижно, бесконечно, однородно и изотропно, т. е. его части ничем не отличаются друг от друга.. Представление о таких свойствах пространства опиралось на геометрию Эвклида. Пространство Ньютона – это бесконечный «ящик без стенок», по словам Эйнштейна, или «сцена», на которой разыгрывается действие пространства. В философии науки синонимом абсолютной концепции пространства, как и времени, стало понятие субстанциального пространства, т. е. того, что существует «само по себе», безотносительно к чему бы то ни было внешнему.

Реляционная концепция пространства у Лейбница. С критикой ньютоновской концепции пространства выступили многие ученые и философы, такие, например, как Христиан Гюйгенс и Лейбниц. Реляционная концепция Лейбница наиболее известна. Им отвергалось представление о пространстве как об абсолютном, самостоятельном начале бытия, наряду с протяженными вещами и независимо от них. Лейбниц настаивал: «Я... считаю пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство – порядком сосуществований, а время – порядком последовательностей... Говорят, что пространство не зависит от положения тел. На это я отвечаю, что оно, конечно, не зависит от... положения тел, тем не менее, оно является таким порядком, который делает возможным само расположение тел и в силу которого они в своем существовании друг подле друга обладают отношением расположения». Пространство по Лейбницу не

что иное, как «порядок существования вещей», и ньютоновское абсолютное пространство вне вещей не более чем голая абстракция, им критикуемая. В центре дискуссии между Лейбницем и последователями Ньютона, а именно Самуэлем Кларком, оказалось как раз понятие «порядка» (отношения). В концепции Лейбница пространство есть совокупность различных отношений вещей. Понятие протяженности одного тела, рассматриваемого в отрыве от всей совокупности вещей, в его концепции не имеет смысла. Пространство в такой концепции есть только «суть отношения вещей» и имеет смысл, только когда применяется ко всей их совокупности. Несмотря на серьезную критику, предпринятую в то время сторонниками реляционной концепции пространства, концепция абсолютного пространства, казавшаяся простой и самоочевидной, продержалась более двух столетий. В реальности же непосредственный опыт не дает никаких данных о существовании пространства как самостоятельной сущности, ни от чего не зависящей. На практике мы имеем дело только с протяженными телами, занимающими определенное положение относительно других тел, и абсолютное пространство представляет собой чистую абстракцию [Лейбниц Г.В. 1982].

Кантианская концепция пространства. Особо выделяется в философии концепция пространства у Канта. Оно не является у него эмпирическим понятием, не выводится из внешнего опыта. Более того, сам опыт осуществим благодаря представлению о пространстве как необходимом условии пространственного положения внешних сосуществующих объектов и явлений. Кант утверждает: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний» [Кант И. 1966]. Он подчеркивает, что «пространство есть не дискурсивное, или, как говорят, общее понятие об отношениях вещей вообще, а чистое созерцание». Пространство, как и время, выступают у него как субъективные и необходимые условия чувственности, как априорные формы созерцания. Это определяет их эмпирическую реальность применительно лишь к миру явлений, феноменов, но они не имеют никакого отношения к миру ноуменов,

или вещам в себе, которые служат внечувственной основой явлений. В своем учении о пространстве и времени Кант синтезирует субстанциальную и реляционную концепции. Пространство и время, выступая априорными формами созерцания, являются координирующими условиями, представляющими мир феноменов во временной и пространственной форме, т. е. являются определенной системой отношений. Он пишет: «...пространство есть не субстанция, а лишь некоторое явление внешнего отношения субстанций» [Кант И. 1963], однако, как показывает анализ, например, Б.Рассела, пространство Канта абсолютно, подобно пространству Ньютона, а не только система отношений.

Концепция пространства в теории относительности. XX век всегда войдет в историю науки как время великих открытий, заставивших отказаться от устоявшихся представлений о пространстве и времени, господствовавших на протяжении нескольких столетий. Были созданы специальная и общая теории относительности, в которых пространство и время оказались объединенными в единое 4-мерное многообразие. В 1905 году Альбертом Эйнштейном была создана специальная теория относительности (СТО). Она базируется на двух постулатах: принципе относительности и постулате постоянства скорости света. Принцип относительности утверждает равноправие т. н. инерциальных систем отсчета (ИСО), означающее, что все физические процессы, как механические, так и электромагнитные, в инерциальных системах отсчета описываются одинаковым образом. Второй постулат утверждает, что скорость света не зависит от скорости движения источника и одинакова во всех инерциальных системах отсчета.

Квантовая теория гравитации. Последующее развитие идей пространства в физике тесно связано с квантовой механикой и теорией многомерности. Квантовая механика получила свое окончательное завершение в конце 20-х гг. XX в. Почти с самого начала возникновения квантовой механики появляются попытки сопряжения ее аппарата с

формализмом ОТО (А.Эддингтон, Ж.Леметр). Начали появляться квантовые теории пространства-времени, что позднее получило название квантовой теории гравитации.

Многомерные концепции пространства. Одна из особенностей современного описания пространства состоит в использовании понятия многомерия. В настоящее время существует множество теорий, в которых пространство рассматривается как многомерная конструкция. Одной из самых известных является теория суперструн. В ее основе лежат три идеи: 1) идея нелокальности объектов – носителей фундаментальных взаимодействий, 2) наличие суперсимметрии между фермионами и бозонами и 3) идея Калуцы о многомерии физического пространства.

В этой теории первичным объектом является струна – релятивистский одномерный объект (с учетом времени струна 2-мерна). Характерная длина струны – порядка длины Планка, и она погружена в 10-мерное пространство. Реально мы наблюдаем только четыре измерения – три пространственных и одну временную координату. Остальные измерения не наблюдаемы из-за явления компактификации. Идея многомерности пространства восходит к работе начала 20-х гг. XX в. Теодора Калуцы. В основе этой теории лежит идея о том, что наш мир является искривленным 5-мерным пространством. В этом мире четыре измерения пространственные и одна временная координата. Сама теория построена по типу ОТО Эйнштейна, новое состояло в том, что добавлялось новое измерение и оно связывалось непосредственно с электромагнетизмом. По сути, эта теория являлась единой теорией гравитации и электромагнетизма. Объединение происходило за счет увеличения размерности наблюдаемого пространства. Долгое время оставался непонятным факт непосредственной ненаблюдаемости дополнительного измерения. Кардинальной оказалась идея А.Эйнштейна и П.Бергмана, высказанная ими в 1938 г., что пятое измерение «замкнуто» само на себя. Мир вдоль пятой координаты изменяется только в некоторых

пределах, т. е. вдоль этого измерения мир находится как бы в некотором слое определенной толщины. Это и есть идея компактификации.

Долгое время эти идеи находились в стороне от внимания физиков. Теория объединения двух взаимодействий, хотя и давало абсолютно правильные уравнения гравитации и электромагнетизма, не несла ничего нового. Вскоре были открыты еще два взаимодействия: сильное и слабое, и в определенном смысле теория Калуцы устарела. Интерес к этим идеям проснулся полвека спустя, когда стало ясно, что, используя идеи Калуцы, идеи многомерности, можно объединить все наблюдаемые четыре взаимодействия в рамках одной теории. Самой известной из множества возможных теорий является теория суперструн. Наблюдаемые частицы в рамках этой теории есть ничто иное, как моды колебаний струны.

Современные реляционные концепции пространства. В книге «Элегантная Вселенная» Брайана Грина, одного из известных сторонников теории струн, есть раздел под следующим названием: «Что есть пространство-время на самом деле и можем ли мы без них обойтись?». Из этого раздела ясно, что сторонники теории суперструн отдают себе отчет в использовании концепции абсолютного пространства-времени. Грин прямо ставит вопрос: «...можно спросить, является ли геометрическая модель пространства-времени, играющая центральную роль в ОТО и теории струн, всего лишь удобной формулировкой для описания пространственных и временных отношений между различными событиями или необходимо считать, что мы погружены во *что-то*, когда говорим о нашем местонахождении внутри ткани пространства-времени?» [Грин Б. 2004]. Далее он констатирует, что концепция Лейбница, развитая Эрнстом Махом, гораздо ближе к современной картине. Фактически мы ограничиваем теорию, заставляя действовать в рамках существующего пространства-времени. Она сама должна «создавать собственную пространственно-временную арену», однако создание такой теории, как признает Грин, требует «предельного напряжения ума». Грин фактически приходит к выводу Эйнштейна 1948

года, анализировавшего понятие пространства-времени с точки зрения базовых понятий квантовой механики, который также утверждал, что пространственно-временные характеристики не могут быть фундаментальными. Эйнштейн также констатировал, что построение теории такого типа напоминает «попытку дышать в безвоздушном пространстве».

Свойства пространства. Свойства пространства делят на метрические и топологические. К метрическим относят, например, кривизну, однородность и изотропность пространства, свойство протяженности, конечность или бесконечность пространства. На протяжении всей истории на последний вопрос давались различные ответы. Бесконечное пространство у Демокрита, Дж.Бруно, Ньютона; конечное – у Платона и Аристотеля. Кант дает антиномическую концепцию пространства, которую своеобразным образом продолжает общая теория относительности. Пространство в ОТО безгранично, но при этом – конечно.

Однородность пространства означает равноправность всех точек пространства, т. е. не существует такой точки, относительно которой существует некоторая выделенная симметрия. Изотропность говорит об одинаковости свойств пространства во всех направлениях, существует инвариантность, симметрия по отношению к выбору любого направления в пространстве, в противоположность анизотропии.

Из этих геометрических свойств пространства вытекают фундаментальные законы физики. Из однородности пространства вытекает закон сохранения импульса, а из изотропности – сохранение момента количества движения.

Одно из топологических свойств – размерность пространства. Эмпирически наблюдаемое пространство трехмерно, т.е. положение любого тела задается тремя независимыми координатами. Особенностью современного описания реальности является переход, как мы видели, к многомерным концепциям.

К топологическим свойствам относят и свойство непрерывности. Структура пространства может быть как непрерывной, так и дискретной, что возникало уже в апориях Зенона. С появлением квантовой теории концепции квантованного пространства в настоящее время рассматриваются всерьез.

Интересен вопрос о симметрии пространства. В середине XX века выяснилось, что реальное пространство не обладает зеркальной симметрией, т. е. правое отличается от левого. В нашем мире превалирует левосторонняя симметрия. Объяснение этот феномен получил в рамках т. н. СРТ-теоремы, что мир обладает более глобальной симметрией, когда зеркальное отображение должно отображаться инверсией времени и заряда.

1.2. Характеристика пространственных отношений в науке языкознания

В языкознании топология была использована со стороны таких ученых как: Подлесская и Рахилина в 1997 году, Невская в 2005 году, Додуева и Л. Талми в 2008 году для выделения и демонстрации важности и ценности свойств локализуемых объектов и пространственных ориентиров.

Таким образом: «Различаются материальные объекты объемного пространства, а также объекты, имеющие разные стороны предмета: фасадная, тыльная, боковая и другие» [Пете, 1973; Всеволодова, Владимирский, 1982; Рахилина, 1995; Николова 1997].

«Категория пространственности рассматривается как функционально-семантическое поле, охватывающее разноуровневые средства данного языка, участвующие в выражении пространственных отношений» [Невская 2005: 10].

Термин «пространственные отношения» трактуется каждым ученым по-разному, каждое пояснение отличается от другого. Так, например, М.В. Бадхен использует понятие «пространственной локализованности», которое определяется как «один из видов семантических отношений, передаваемых языком, при которых устанавливается связь между предметами, явлениями и их свойствами и другими предметами или явлениями, единственным содержанием которых является их взаимная координация в пространстве» [Бадхен, 1981, 4].

По мнению М.В. Бадхена: «В смысловой структуре «пространственной локализованности» выделяется два неравнозначных элемента: ориентируемое – элемент пространственной конфигурации, положение которого определяется относительно ориентира, и *ориентир* – место или точка отсчета, положение которой в пространстве трактуется как абсолютное, неизменяемое, известное для данного высказывания» [Бадхен

1981, 10], а М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский относят, пространственные отношения как: «Соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира – локума» [М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский, 1982].

В этих разных пространствах, о которых мы ранее говорили, всегда имеется ориентир как субъект и ориентируемое как объект, и в случае их взаимодействия с пространством, соответственно, это порождает новое пространственное отношение. Ученые из западной половины планеты, например, Талми дает определение лингвистической традиции: «Ориентируемое и ориентир существуют разные термины. Например, для описания ориентируемого объекта (пространства) используется термин *figure* (фигура), а ориентир представлен терминами *ground* (фон)» [Л. Талми 2000, 182-183].

Способы размещения предметов в пространстве. Для размещения предметов в пространстве существует несколько способов. Разные народы по-разному воспринимают пространство и способы распределения предметов в нем, их функционирует несколько, тем же западным ученым было определено, что: «Сознание европейского человека воспринимает пространство главным образом геометрически. Используя различные языковые средства, европейцы размещают объект по его геометрическим осям относительно системы координат. Доказательством этому служит система пространственных предлогов английского языка, например, *in the house* «в доме», *into the house* «внутри дома», *over the house* «над домом» [Л. Талми, 2000, 182-183].

Другим американским ученым С. Левинсоном было выделено: «Три способа размещения предмета в пространстве: 1) относительный (Relative); 2) внутренне присущий предмету-ориентир (Intrinsic); 3) абсолютный (Absolute)» [С. Левинсон 1996: 139].

Относительный способ в рассматриваемых языках носит значение размещения предмета в пространстве с центральным координатом, который можно найти в подсознании говорящего. В таджикском и английском языках находят употребление пространственного наречия: «инчо – here», что означает «здесь», а такая замена, как: «ончо – there» в русском языке имеет значение слова «там/ в той стороне/ по ту сторону».

Второй способ распределения пространственности отличается своей обогащенной системой предлогов, которые указывают именно на пространство.

Также в зависимости от локации предмета определяются три разных типов пространственных отношений: «...ситуативные, топологические и эгоцентрические отношения. Каждая из этих типов имеет свою содержательную специфику и свои специализированные разноуровневые средства выражения и может рассматриваться как субполе в функционально-семантическом поле (ФСП) пространственности» [Невская 2005, 11].

Ситуативные пространственные отношения включают в себя статические и динамические отношения. Статические отношения передают постоянную для данного высказывания связь между ориентируемым и ориентиром. Например: «Мошин дар назди роҳ истодааст – The car is standing by the road» (Машина стоит у дороги).

При динамическом пространственном отношении взаимное расположение между ориентируемым и ориентиром изменяется. Например: «Духтар ба берун баромад – The girl went outside» (Девочка вышла на улицу).

«По сравнению со статическими отношениями, динамические отношения являются более сложной разновидностью пространственных отношений, так как понятие пространственности выступает здесь не в своем чистом виде, но в тесной связи с понятием изменения, движения, времени» [Шилова 2003, 1: 40].

Выделяются 3 типа внутрдинамических отношений: 1) отношения к стартовой точке движения; 2) отношения к финишной точке движения; 3) отношения к трассе, по которой происходит движение.

Основываясь на обозначенные отношения, следует выделить четыре типа локализатора: *локатив* – статический локализатор (обозначает местонахождение предмета); *директив-финиш* – направление куда-либо; *директив-старт* – направление откуда-либо; *транслокатив* – трасса, относительно которой происходит движение.

Представленные типы локализаторов важны при построении пространственных моделей предложения, которыми мы тоже в дальнейшем будем пользоваться.

К пространственным эгоцентрическим словам относят пространственные наречия «инчо – here (здесь), ончо – there (там), глаголы «рафтан – go to the subject of observation» (идти от субъекта наблюдения), «омадан – go from the subject of observation» (идти к субъекту наблюдения).

Что касается языковых средств выражения пространственных отношений, то в языках мира для выражения пространственных отношений используется широкий спектр формальных средств от чисто грамматических до лексических. Ни один язык не ограничивается использованием какого-либо одного способа выражения. Все они в комплексе участвуют в выражении пространственных отношений.

Никогда не угасавший интерес ученых к изучению пространства, наблюдающийся как в отечественном, так и в зарубежном языкознании, в последние годы породил мощный поток публикаций. Причина этого явления ясна: становление когнитивной лингвистической парадигмы в конце прошлого века с неизбежностью подвело ученых к осознанию того, что в науке появились иные приоритеты и перед лингвистами встали новые задачи, связанные прежде всего с осмыслением того, как с помощью языка происходит онтологизация и категоризация действительности. В процессе познания и отображения окружающего мира языковыми средствами

пространству принадлежит важная, если не сказать исключительная, роль, поскольку, как показывают результаты многочисленных исследований, именно пространственные представления лежат в основе формирования многих фундаментальных концептов человеческого сознания.

Ввиду невозможности не только описать, но и просто назвать все публикации по данной проблематике, в рамках обзора мы ограничимся упоминанием ряда основополагающих трудов, появившихся в отечественной лингвистике пять-десять лет тому назад и задавших тон в исследовании средств объективации пространства и пространственных отношений многочисленным своим последователям и ученикам, с тем чтобы сосредоточить основное внимание на тех проблемах, которые особенно активно разрабатываются в последние годы.

Среди этих трудов первостепенного внимания заслуживают сборники из серии «Логический анализ языка» под редакцией Н.Д. Арутюновой: «Языки динамического мира» [15, Арутюнова, 1999] и «Языки пространств» [14, Арутюнова, 2000], материалы конференции «Категоризация мира: пространство и время» [123, Резанова, 2003], а также монографии Е.С. Я Ковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» [152, Яковлева, 1994], А. В. Кравченко «Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации» [86, Кравченко, 1996] и другие издания, которые определили основные направления развития отечественной лингвистики на ближайшие годы, если не десятилетия, и наметили пути и перспективы движения исследовательской мысли в изучении языковых средств с пространственной семантикой.

«Пространство обычно подразумевает объективную реальность, первоначальная форма чувственности, условие существования материи, характеризующееся протяженностью и объемом. Пространство относится числу фундаментальных категорий и изучается такими дисциплинами как философия, физика, естествознание, социология, психология, филология, и наконец лингвистика» [Слюсарева, 1982].

В лингвистике категория пространственности рассматривается в аспекте изученной в рамках теории функциональной грамматики категории локативности, понимаемой как «...семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства» [Бондарко, 1996]. Применительно к тексту, категория пространственности истолковывается как категория «отражающая пространственные отношения как с помощью вербальных, так и невербальных, прежде всего иконических (изобразительных средств)». Интересным в этой связи нам представляется исследование Е.Е. Анисимовой, в котором категория пространственности рассматривается на материале креолизованных текстов, автор считает, что средства выражения локативности обусловлено самой категорией пространства, выступающей в одной из своих ипостасей в зрительно осязательной форме [Анисимова, 2003].

Относительно пространственности, следует отметить, что оно подвергалось исследованию, прежде всего с точки зрения презентации пространственных отношений в общем и способы интерпретации языковой картины мира [Апресян, 1995; Арутюнова, 1999], в отдельных исследованиях используются предлоги, наречия и местоимения как важнейшие средства изучения разных свойств и аспектов пространственности [Янко-Триницкая, 1989] лексикосемантического поля локальности [Киферова, 1990], общей характеристики языковых средств обозначения пространственных значений, как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения [Гак].

Пространственные и временные значения предлогов часто изучаются в одной плоскости [Романова 1974]. В последнее десятилетие семантика пространственности исследуется в русле когнитивной лингвистики [Газизова 1999, Дудочкина 1999, Маляр 2002]. Вопросы синонимии пространственных предлогов затрагиваются в ряде работ по английскому языку [Аксененко 1965] и по немецкому языку [Мыльникова 1973], причём исследование

ведётся в рамках традиционного структуралистского подхода без учёта междисциплинарных связей.

Однако не уделяется внимание следующим вопросам: соотношение лексики и грамматики при изучении синонимичных предлогов, степень их семантического и функционального тождества и соотношение реальных пространственных ситуаций с ситуациями, отображаемыми в языке с помощью предложных конструкций. К сожалению, мы так и не нашли единого и убедительного ответа на вопрос о структурировании языка в пространстве. «Большинство существующих работ на эту тему базировалось на структуралистических установках, и изучению подвергался, прежде всего интралингвистический аспект значения пространственных лексем» [3, 56].

Во многих научных исследованиях учными рассматривались только самые репрезентативные случаи функционирования лексем и их использования. Оттого, нам удалось установить подобную точку зрения о пространственности семантики. Более подробно об этом можно отметить, что пространственность семантики может быть описана в терминах из науки о геометрии и топологии, к примеру можем привести такие слова как: «ядро», «геометрическая линия», «плоскость», «включение», «контакт», «совпадение» и т.д. Ныне имеющиеся компьютерные модели и типы в области лексики симулируют семантику пространственных лексем в использовании к разным постановкам из абстрактных геометрических фигур, а не естественных предметов действительности.

1.3. Исследование функционального и семантического областей пространственности с учетом ее структурной локализации

Пространство как одна из основных категорий существования, форма материи давно рассматривается исследователями в области философии и лингвистики текста. Вопрос истории формирования и понимания концепции пространства рассматривался исследователями, и этот вопрос нашел более подробное освещение в исследовательской литературе [Николова 2003].

Пространство интерпретируется как категория, охватывающая всю человеческую деятельность, и рассматривается как универсальная категория, согласно которой оно в основном известно, как философская категория, и его самые тесные связи и восприятия также показывают в других естественных науках: физике, геометрии, географии, биологии. И конкретно в лингвистике.

Наши предки, которые занимались наукой о языкознании, мудрые мыслители и опытные ученые имели большое желание изучать как можно больше аспектов разноструктурных языков. В том числе ими были проделаны попытки глубже самостоятельно понять суть категории места, времени и пространства. На сегодняшний день любой специалист, развивающийся в данной сфере может получить доступ к весьма богатой литературе, посвященной изучению пространственной сущности, истории ее изучения и предпосылок.

Основная характеристика подобных категорий человеческого бытия рассказывается и раскрывается в научных трудах о науке философии. В таких работах в центре внимания поставлены пространства - это форма согласования предметов и состояний материи.

В обыденном восприятии пространство и все его касающиеся аспекты привычно располагаются изначально в определенной взаимосвязи с окружающей средой обитания, как неотъемлемая часть бытия, проявляющая свою сущность в утилитарно-бытовой форме существования пространства. Она объясняется в виде расположения предметов снаружи напротив друг друга. Они могут располагаться, например, по оба бока друг от друга, друг

под другом, позади друг от друга, впереди и лицом друг к другу. Также не исключается их параллельное направление.

Представители всех философских школ и направлений от античности до наших дней пытались понять, определить и объяснить пространство. Общеизвестно и то, что люди непрерывно пытались на протяжении всей своей жизни добиться цивилизации и высших ступеней достижений. Человеком всегда были произведены большие жертвы в пути к организации лучшей жизни. Далее, став более разумным, человек понял, что среда, в которой он находится, может различаться и это само по себе и есть пространство. Со временем данная категория, получив хорошее развитие, постепенно обрела иные, более нераскрытые доступы, в рамки которых вошли особенности пространственности. Самой первой и весьма важной особенностью пространства, стала географическая составляющая, но сложность ее была в том, что она требовала длительного изучения, во благо жизненного пространства, было необходимо распределить приблизительные ориентиры в нем и проанализировать его для практического использования в быту.

Мы пришли к такому знаменателю, что важное влияние на сегодняшнюю грамматику произвели самые примитивные жизненные нужды еще из периода неолита. Наряду с предметами быта огромную роль имеют первые жизненные факторы, окружающие ландшафтные территории. Под этим подразумеваются разные геолокации, но в основном, к тому времени были горы, фермы, холмы, поляны, леса, долины, реки, озера и даже водопады, ведь там жили люди. Итак, мы получаем обоснование принципиальной роли топологических особенностей среды обитания, ареала образования племени в его развитии. Особенности национально-культурного восприятия пространства в развитии людей: «люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним (пространством) по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» (patterns)» [Степанов 1971, 7].

Как утверждается в научных изысканиях, в философии принято рассматривать пространство как «всеобщую форму бытия материального мира, характеризующую протяжённость, соразмерность его структурных форм и преобразований» [Современная философия, 1995: 62-63]. В то же время наиболее важным свойством физических объектов, включенных в определение пространства, является длина, способность занимать пространство между другими объектами и демаркация границ с другими объектам [Новейший философский словарь, 1999].

В зависимости от трактовки категории пространства принято выделять физическое пространство, биологическое пространство, которое характеризуется более сложной классификацией и критериями, социальными и культурными. Первый тип пространства в лингвистической литературе называется «проксимальным», второе «дистальным» [Касевич 1996; Современная философия, 1995].

Язык не может избежать отражения этой важной категории, поскольку пространство находит в языке различные способы отражения. Задача лингвистов - понять, как ментальная категория пространства представлена в языке. Исследования показывают, что язык, как одно из важнейших явлений цивилизации, эволюционировал с помощью пространственных координат и полон слов с пространственным значением.

Появление слов с пространственным значением относится к ранним этапам развития языка, поскольку пространственные особенности были основой представлений о древнем человеческом мире и были жизненно важной информацией. Как Ю.С. Степанов справедливо указывает, что понятие «пространство» вместе с понятием «время», составляющее статичный «мир», представляет собой концепцию в значительной степени тотальности и абстракции. Эти базовые концепции науки, философии и культуры, наряду с множеством сложных связей и взаимодействий с другими концепциями, имеют лингвистическое значение.

Трудность понимания и трактовки категории пространства проистекает из немалого значения термина «пространство» и возможности адаптации его отношения к концепциям «место», «объект» и «язык», и наличием объемности и ёмкостью категории пространства класса можно выделить в нем разные грани. Пример: Дар болои мошин бори ниҳоят зиёд бор карда шудааст.

Функционально-семантическое поле пространственности полностью организовано образуют по категориям, лексические модели различных типов, которые составляют семантическую область, организованы как вертикально, так и горизонтально иерархически.

Составители «Философской энциклопедии» называют это поле местоположением объектов («точками» пространства), расстояниями между местами, углами между разными направлениями, в которых расположены объекты. При этом лексическая единица, выражающая общее неизменное значение - «место», приписывается сущности лексического поля (его доминантной семантике).

Дж. Лич выделяет «в качестве базовых единиц в структуре пространства, места, длины, близости, вертикали, горизонтали, севера, юга, запада, востока, направления, движения, типов движения и местоположения [Дж. Лич 1994, с. 19]. Такую точку зрения английского ученого Дж. Лич также разделяет и А. Вежицкая, она аналогичного мнения о направлении, пространственного ограничения и гравитации.

Своеобразие семантического пространства языка проявляется в особом разделении объективной реальности на предметные сферы с помощью различных языковых единиц (по содержанию и структуре), что позволяет определять национально-культурные особенности языка. При изучении всех этих аспектов появление свойств семантических областей становится предметом специального исследования в сравнительно-модульном дизайне.

Пространство также кажется сложным с точки зрения функционального подхода, что демонстрируется тенденцией описывать

целый набор языковых единиц, специализированных для выражения пространственных отношений. Типы отношений, выделенные в структуре пространственного класса, имеют свои собственные инструменты лингвистического выражения. Однако лингвистические описания этих средств еще не могут полностью охватить средства их представления на языке и часто ограничиваются лишь некоторыми индивидуальными приемами выражения категории пространства [Всеволодова, 1982, с. 3], либо выборочное описание отдельных частей пространственной группы, либо описание цели, которую авторы стремятся минимизировать. Поэтому в учебных целях исследования проводились в работах. Николаев 1961: 36 с] и др.

В конце прошлого века, когда возрос интерес к языковым единицам с пространственным значением, связанным с использованием когнитивного анализа, значительно возросло изучение языкового восприятия мира вместе с лингвистической картиной мира, что привело к смене направления исследований.

На современном этапе развития теория пространства приобрела новое значение в связи с развитием концепции семиотических систем [Лотман 1999], появлением новых данных о восприятии пространства человеком и способов представления знаний о пространстве. [Miller, Johnson – Laird 1976; Талми 1983; Landau, Jackendorff, 1993; Vien 1990; Язык и пространство 1996; Language and Space 2000], развитием теории семантических универсалий [Wierzbicka 1972; Вежбицкая 1999], а также в связи с исследованием когнитивных механизмов концептуализации и классификации в контексте рассмотрения языкового и концептуального образа мира [Кубрякова 1986; Роль ... 1988; Кульшанский 1990; Яковлева 1994; Кравченко 1996; Художник 2002]. Существуют отдельные работы, посвященные изучению особенностей и различных аспектов локативов на разных языках.

К примеру, в польском Арутюновой было выделено описание «понятия «пространство» в фольклоре и отдельных текстах автора, понятие «путь-

дорога» в русском языке и в литературе русской литературы» [Арутюнова 1999], «взаимосвязи когнитивных структур пространства и времени в естественном языке, лексико-семантического поля локальности, общей характеристике языковых средств обозначения пространственных значений, как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения» [В. Гак].

За последние годы, если посмотреть статистику, можно заметить, что особенно актуальной стала проблема исследования категории пространства. Так как идеи, способы и методы когнитивной лингвистики используются и с помощью них появляется возможность ответить на самые сложные и недостижимые вопросы в сфере лингвистики. Переводчик и вопрос о том, какое мысленное представление стоит за языковыми единицами, участвующими в формировании такого образа. К примеру, вопрос о линейном декодировании словесно единичных (устных) и текстовых (письменных) сигналов приводит к формированию образа пространства в мышлении человека.

В этом направлении выполнены работы Ю.Д. Апресян, Р. Кубряковой, где является новаторской методология когнитивного анализа и описания пространства. Это направление исследований важно в том смысле, что пространство, воспринимаемое человеком, всегда ориентировано на человека, потому как «Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр микро- и макро Пространства» [Гак 1998, 127].

Антропоцентричная (Человекоцентричная) ориентация процессов освоения человеком Пространства точно и объективно в работах США. Степанов указывает, что с точки зрения референции мир поглощается человеком «от себя», в направлении ближайшего пространства к тому направлению, которое существует вне его сознания и личности [Степанов 2005].

В самом процессе образности и описания категории пространственности не имеется целого единства подходов к рассмотрению

предметов. Из них разделяются отличия в свойствах статуса категории пространства как объекта исследования.

С точки зрения ученых - пространство как категория, смысл понятия, роль и место, движение, близость или наоборот – далекое или не совсем расстояние. По словам Э. С. Кубряковой: «Семантическое поле, функционально-семантическое поле и т.п. Так, один из ведущих исследователей концептуальных основ когнитивной лингвистики определяет пространства либо как понятие, либо как категорию» [Кубрякова 1997, 22 - 30]. В случае же определения и охарактеризования сверхъестественных отношений в этой системе: «Семантическое поле определяет понятия места, объекта и пространства и относится к сверхъестественным отношениям между понятиями места и пространства» [Кубрякова 1997-2, с. 84 - 91].

Русский научный исследователь А. Новикова отмечает: «Можно насчитать около 90 различных определений. Прилагаясь к слову «пространство» и для определения первоначального названия этой категории в лингвистике, также используются различные термины - такие как место, место» [А. Новикова, 2003].

Фефилов определяет месторасположение и выделяет в структуре пространства хорошо выставленную организацию внутри, по его словам: «Участок эрозии на поверхности или снаружи; Расположение над поверхностью или вне помещения; Дегерляционная локализация в нижнем отделе. Регулируя локализацию в пространстве перед предметом; Относительное положение в пространстве позади вас и расположение недалеко от вас, рядом с вами. Аналогичным образом различаются значения инструкций. Различают явные, обратные, постоянные, предшествующие, нисходящие, восходящие и первичные антагонизмы» [Фефилов 2000].

Такие термины как «пространство/место/специальность/пространственность» всегда используются в лингвистических характеристиках и других сферах разговорной деятельности. В своей работе в 2003 году, русский ученый Новикова отмечала, что: «Для обозначения

явлений, имеющих отношение к категории пространства, используются также прилагательные пространственный, локальный от латинского *Locus*, специальный от латинского *Spado*» [Новикова 2003].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день наибольшее внимание привлекает лексический слой, так называемая пространственная лексика языка, которая подвергается тщательному анализу.

Изучение функционального предметно-локального значения имеет давние традиции в лингвистике и является одной из проблем, которая продолжает привлекать внимание исследователей.

Если взглянуть вглубь истории, мы выявим, что классификация слова и их лексическое значение изучали с пространственной привязкой. Также преимущественно под четким прицелом находились отличия и особенности языкового исполнения, грамматические средства локального использования и их стилистическая оформленность.

Предметом лингвистики является функционально-семантическое поле пространства на парадигматическом и синтаксическом уровнях, с точки зрения формирования и развития естественных языков, семантических инструментов с развитием структуры и языковой системы. конкретные концептуальные категории. В целом, что касается наименования пространственного языка, исследователи подчеркивают, что пространственный диапазон в языках разнообразен и разнообразен и распространяется на всю языковую структуру: лексику, словообразование, синтаксис. Функционально-семантическая пространственная область языка охватывает полный набор языковых категорий. Функционально-семантический диапазон пространства, который встречается в языковых средствах определенных уровней, состоит из разных языковых категорий, которые могут широко представлять соответствующие психологические категории.

У лексического поля пространства ёмкость многогранна и большая. Его образуют нестандартные классы, разнотипные лексические парадигмы,

вертикальная и горизонтальная структура семантического поля.

Ядром лексической области (ее доминирующего значения) является лексическая единица, которая выражает общее понятие «пространство», существующее в словах пространство, место, движение.

ФСП пространственности рассматривается современными лингвистами как важный компонент языкового образа мира. Реальное пространство - это форма материи, но его средства выражения концептуально различаются в разных языках, а это означает, что места могут действовать как средство определения языкового образа мира. В общем смысле ФСП представляет собой пространственное расположение объектов в пространстве и по сути универсален. Семантическая структура пространственных отношений включает различные функциональные области: расположение человека, положение предметов по отношению друг к другу, особенности ландшафта, сферы деятельности человека и административно-территориальное деление.

Несмотря даже на то, что пространственная лексика в таджикском и английском языках ранее уже была подвержена анализу и рассмотрению неких ученых, и по данной теме было написано внушительное количество самостоятельных хорошоквалифицированных работ, в основном с точки зрения их исполнения в структуре, все же остались нетронутые аспекты.

На данный момент в языкознании проблема оригинальности семантической структуры слова, в том числе небольших слов [так называемых префиксов и суффиксов], к которым оно принадлежит, в первую очередь подтверждается лингвистическими данными. Изучение форм работы в процессе общения в пространственно-временных условиях. Системность основных элементов языковой структуры - одна из универсальных черт, характеризующих сущность человеческого языка. В то же время утверждается, что языковые универсалии однородны и неодинаково реализуются в разных языках (особенно семантических универсалиях).

Как известно, окружающие нас предметы предстают перед нами в определенных ситуациях, в различных отношениях друг с другом и с

определенными качествами. Чем глубже человек познает действительность, тем больше новых лиц и качеств проявляется в изучаемых явлениях. Изучая предмет, человек старается охватить как можно больше аспектов, охватить свои связи, потому что предмет не остается прежним, его цель, использование и отношения с окружающим миром меняются. Следует отметить, что с развитием языка меняются и систематические отношения в семантической структуре рассматриваемых языков.

Структурно-семантическая классификация лексем по частям речи важна для лексической системы языка, поскольку деление слов по частям речи характерно и для категории приставок – суффиксов. Он основан на структурных и семантических особенностях приставок и суффиксов, которые выражаются как существительные, прилагательные, глаголы, иными словами, как слова, относящиеся к разным типам структуры и значения.

Следовательно, помимо морфологических, синтаксических и словообразовательных характеристик лексических единиц важна пространственно-временная координация. Зависимость предложно-послелогического значения слова от грамматических свойств той части речи, к которой оно принадлежит, подтверждается лингвистическими фактами. Предлоги и послелоги в сочетании с существительными, прилагательными и глаголами движения. Это выявляется не только путем сравнения разных предлогов, относящихся к разным частям речи, но и путем сравнения лексем, относящихся к разным частям речи.

Например: Дар бозгашт бо як шахри торику ором баргашта омадам - «На обратном пути вернулся через тёмный и спокойный город».

Пространство как одна из основных категорий существования, форма существования материи давно привлекает внимание исследователей в области философии и лингвистики текста. Внимание ученых привлек вопрос истории возникновения и понимания концепции пространства. В литературе этот вопрос освещен в работе Анны Николовой [Николова 2003].

«Файон - универсальная форма существования материи; пространство -

это форма сосуществования материальных объектов и процессы описывают структуру и длину материальных систем. Советский энциклопедический словарь, потому что достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руку, чтобы понять какое пространство тебя окружает. Это одна из первых реальностей существования, которую человек воспринимает и может различить» [Гак, 1998, 670].

Все древние мыслители и философы пытались понять и объяснить пространство. Основные черты этих кардинальных категорий человеческого существования объясняются в научных трудах и учебниках философии, в которых в качестве лидера упоминается пространство как форма гармонии предметов и состояний сосуществования материи. В настоящее время существует очень богатая литература, посвященная изучению как природы Пространства, так и истории его изучения.

Как вы знаете, одним из первых наиболее важных свойств пространства, которые понял человек, было географическое пространство, которое ему нужно было изучить, чтобы понять жизненное пространство, ориентацию в нем и для практического использования. В диссертации рассматривается сочетание префиксов и суффиксов сопоставимых языков с существительными, обозначающими локализаторы, а не объекты. К ним относятся названия, которые более или менее представляют замкнутое пространство — здания и сооружения различных естественных и искусственных уровней на поверхности земли, ограниченные участки земной поверхности вместе с объектами внутри них, а также их части как административные единицы, элементы ландшафта, названия. различных учреждений, мест деятельности человека ... Поэтому наряду с объектами жизни важную роль играли первые реалии человеческого существования, окружающий ландшафт: степи, степи, горы, леса, долины, реки, озера и т.д., где он жил. Все это свидетельствует о существенной роли топологических характеристик ареала, территории, занимаемой племенным образованием, в его развитии.

Ю.С. Степанов, характеризуя особенности национально-культурного восприятия пространства в развитии людей, отмечает: «Люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним (пространством) по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» (patterns)» [Степанов 1971, с.7]. Представители всех школ мысли и направлений, с древних времен до наших дней, стремились понять, определить и объяснить пространство.

Сложность проблемы восприятия и понимания категории пространства обусловлена как неоднозначностью термина «пространство», так и адаптивностью его взаимосвязи с такими понятиями, как «место», «объект», «язык». И размах категории пространственности, возможность различать в ней разные прототипы, следует отметить, что свойства восприятия пространства определяют свойство языковой репрезентации, которое характеризуется смесью различных типов пространств: реального, перцептуального и концептуального, теоретического, физического, геометрического, географического, астрономического.

Многие лингвисты указывают на сложную структуру категории пространства в языке. Ю.М. Лотман в этой связи отмечает: «Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой «здоровый смысл» [Лотман 1989].

Характеристика семантического пространства конкретного языка раскрывается в особом разделении объективной реальности на тематические области с помощью различных языковых единиц (по содержанию и структуре), что позволяет выявить национально-культурные особенности языка. При изучении всех этих аспектов проявление характеристик семантических областей становится предметом специального исследования в сравнительно-типологическом дизайне.

Пространство также возникает с точки зрения комплексного функционального подхода, который проявляется в стремлении описывать

весь набор специализированных языковых единиц для выражения пространственных отношений. Выделенные в структуре категории пространства типы отношений имеют свои средства языкового выражения. Однако лингвистическое описание этого инструмента все же невозможно.

Чтобы получить совокупность его репрезентативного инструмента в языке, мы часто ограничиваемся лишь отдельными приемами выражения категории пространства [Всеволодова, 1982, с. 3] или выборочное описание отдельных частей пространственного комплекса. Либо описание с целью, преследуемой авторами, сведено к минимуму. Поэтому в образовательных целях были проведены исследования в работах [Николова 1997] и других.

В конце прошлого века, когда возник интерес к языковым единицам с пространственным значением в связи с использованием когнитивного анализа, изучения языковой концептуализации мира, языкового образа мира и его особенностей на национальном уровне [Новикова 2003].

С появлением познания, изучающего принципы, методы и инструменты получения, обработки, передачи и хранения, информация об окружающем мире в сознании [KSKT 1996: 59], интерес к пространственным отношениям как способу организации познание мира значительно увеличилось.

В контексте когнитивной лингвистики и близкой семиотики, в которой пространство рассматривается как модель или образ мира и организует различные непространственные отношения (временные, социальные, культурные, идеологические, межличностные и т. Д.). Учеба как средство отображения образов мира разных культур, времен, народов.

Теория пространства обрела новый смысл на современном этапе своего развития в связи с развитием концепции семиотических систем [Лотман 1999], появлением новых данных о человеческом восприятии пространства и способов представления знаний. Больше, чем пространство в языке [Miller, Johnson-Laird 1976; Талми 1983; Ландау, Джекендофф, 1993; Pod 1990; Язык и пространство 1996; Языки пространств 2000], Развитие теории семантических общностей [Wierzbicka 1972; Вежбицкая 1999], а также в

связи с изучением когнитивных механизмов концептуализации и классификации в контексте внимания к языково-концептуальному образу мира [Кубрякова 1986; Кульшанский 1990; Яколова 1994; Кравченко 1996; Классификация 1997 г.; Художник 2002].

В последние годы проблема изучения категории пространства стала особенно актуальной, поскольку уделение внимания идеям и методам когнитивной лингвистики позволяет ответить на самые важные вопросы, с которыми сталкиваются лингвисты, особенно на вопрос о том, как происходит линейная расшифровка знаков. Устное письмо приводит к формированию образа пространства в сознании интерпретатора и к вопросу о том, какие ментальные репрезентации существуют за языковыми единицами, которые способствуют созданию такого образа.

В это время работы Ю. Д. Апресян, Р.М. Фрумкина, Е.С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, А. В. Кравченко, Е. С. Яковлева, И. М. Кобозева, А. Новикова, в которых центральное место занимает методология когнитивного анализа и описания пространства. Это направление исследования важно с точки зрения того, что пространство, воспринимаемое индивидуумом, всегда ориентировано на человека, потому что оно «организовано вокруг человека в центре микромира и макромира» [Gak 1998, 127].

Ориентация на человека процессов освоения Пространства человеком является относительно точным и объективным описанием в работах США. Степанов указывает, что с точки зрения референции в мире доминирует человек «от себя», в направлении ближайшего к тому, что находится за пределами его и его сознания.

Персонаж [Степанов].

При этом следует отметить, что при описании категории

Пространство, нет единства подходов к предмету исследования, становятся очевидными различия в определении состояния пространства как предмета наблюдения и изучения. Исследователи определяют пространство как категорию, понятие, значение / место, движение, близость, расстояние и

так далее.

Семантическая область, функционально-семантическая область и т.д. Поэтому один из основных исследователей концептуальных основ когнитивной лингвистики Э.С. Пространство либо как понятие, либо как категория [Кубрякова 1997: 22, 30], и при определении гипергипонимических отношений в этой системе выделяет понятия места, объекта и пространства и ссылается на гипергипонимные отношения между понятиями места и пространства [Кубрякова 1997 - 14.00 84-91].

Термины пространство, место, специальность, местонахождение и местность используются в лингвистических описаниях и так далее. Для определения явлений, относящихся к категории пространства, пространственные прилагательные, локальный / от участка. Расположение /, пространство / от лота. Пробел /, расширен [Новикова 2003].

Следует отметить, что на сегодняшний день наибольшее внимание уделяется лексическому слою. Тщательно проанализированный пространственный словарь языка. Подробное описание пространства содержится в различных объектах, местах, пространстве и времени, дороге, круге, колесе [Кубрякова 1997, Панова 2001, Мечковская 1997], названиях пространственных параметров [Семенова 1997], пространственных атрибутах [Богуславская 1997], наречия со значением близко-далеко [Яковлева 1993, 1994], большое количество произведений отнесено к глаголам, указывающим на некое место [Рахилина 1998, Зализняк 1997, Кустова 1997, Розина 1997 и др.]. Описание семантической сети различных пространственных суффиксов достаточно обширно [Кустова 2001, Селиверстова, Рахилина, Плунгян 1999 и др.].

Классы лексических единиц изучались с пространственной привязкой с точки зрения выявления особенностей их языкового исполнения, грамматических средств локального выражения и их стилистического значения.

Немногие исследователи лингвистических значений, авторы

теоретической и практической грамматики полностью отрицают, что предлоги имеют собственное лексическое значение. При этом негативные суждения бывают не прямые, а косвенные. Так, автор книги, содержащей большой фактический материал, К. Бисселл утверждает, что «в языке не определяется ничто иное, как употребление предлогов» и что никакой логики их употребления нельзя найти ни в одном языке. Однако многие писатели вообще не упоминают наличие или отсутствие буквального значения в предлогах.

В.А. Зугинцев отмечал, учитывая большую специализацию языка и звуков: «Суффиксы также представляют собой, так называемые звуки («с», «в») и поэтому они должны быть мотивированными, иметь особое значение. Его значение не имеет прямого отношения к звуку. Но его значение подтверждается тем, что подобные расписки имеют то же значение, что и предлоги. Как и другие слова, значение предлогов основано на языковой системе, особенно на производстве слов» [Звегинцев, 1967, 68].

Б.А. Успенский предложил выделять два языка — минимальный стандарт, под которым он понимает «теоретико-множественное произведение всех характеризующих (в определенном аспекте) языков (моделей), то есть как инвариантный для всех этих языков», и максимальный, который представляет собой «теоретико-множественную сумму всех признаков описываемых языков (моделей)».

Другими словами, минимальный язык: стандарт должен сочетать типологические особенности этого уровня или аспекта всех рассматриваемых языков. Максимальный язык: стандарт должен сочетать в себе все особенности описываемых языков.

Пространственная лексика всегда отличается в степени распределения по частям речи. В ходе переделки статистики материала, составляющего лингвистический аспект, были приведены такие результаты, как: в системах обоих сравниваемых языков первоначальными были существительные и только после них стояли прилагательные, после которых пребывают глаголы,

и наречия. В то время как в таджикском языке наречия занимают третье место, а глаголы – последнее.

Локальность входит в состав семантической структуры большинства типов предложений итого получаютс полные характеристики в некоторых синтаксических типах. Таким образом, внутри семантического состава языка имеется ряд инструментов и предметов с пространственными значениями, они представляют собой семантику пространственности и каждая из них – это отдельная языковая единица.

1.4. Группировка методов для репрезентации функционального и семантического отраслей пространственности языков

Пространство – одно из первых реальностей бытия, которую человек воспринимает и осознает. Пространственные локации – главные и незаменимые признаки любой ситуации. Ситуация такая из-за наличия явной и неявной пространственной координаты. Пространственная координата обычно носит предположительный характер. Чтобы отнести высказывание к локальному, необходимо наличие локатива в структуре предложения, а чтобы назвать его пространственным, необходимо обозначить координату не только грамматически, но и лексически.

Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в любом языке существует несколько способов выражения пространственной ориентации и пространственного положения. Однако объективная реальность, в данном случае пространство, весьма своеобразным образом преломляется в сознании определенного этноса, так что пространственный образ мира, совпадающий по своим существенным чертам, имеет ярко выраженную национальную специфику. Принимая во внимание тот факт, что любая ситуация возникает в пространстве, следует отметить, что пространственная особенность с ее неявным явным выражением является неотъемлемой чертой любого высказывания, хотя пространство является основным способом существования отдельного объекта.

В лингвистической литературе сложились две точки зрения на значение пространственного локатива для структуры предложения: является ли оно обязательным или необязательным. Исследования подчеркнули, что пространственное расположение – это, по сути, категория текста. При обновлении в начале текста пространственной локации достаточно для довольно большой матрицы. Пространственное положение важно для структурирования текста: оно определяет дальнейшее развитие сюжета.

Е.А. Реформатский называет временные и локальные локаторы

«началами» сверхфразовой единицы, отмечая ее начало и открывая первое предложение [Реформатский, с.63].

Обновляемый в начале текста пространственный локатив не обязательно обозначать в каждом отдельном предложении как временную координату в виде грамматической формы, потому что, как указывает О.И. Москальская, «отдельное предложение часто не имеет спецификаторов» [Москальская, с. .110]. Локатив, принадлежащий структуре предложения, его значение относится ко всем следующим предложениям, поскольку пространственная координата неявно характеризует предметы и людей до их нового местоположения.

Принимая во внимание тот факт, что любая ситуация возникает в пространстве, следует отметить, что пространственный локатив с явным или неявным выражением является неотъемлемой характеристикой любого высказывания, хотя пространство является основным способом существования отдельного объекта. В лингвистической литературе сложились две точки зрения на значение пространственного локатива для структуры предложения: является ли оно обязательным или необязательным. Admoni считает, что пространственные и временные локативы представляют собой обязательную совместимость глаголов с семантикой нахождения, пребывания [Admoni, с.254]. Сравнивая локальную и временную валентность, Ю.Д. Апресян считает, что локальная валентность обязательна в большей степени, чем причинная и временная [Апресян, 149]. Именование локативных и директивных атрибутов ситуации необходимо для глаголов местоположения и движения. Две формы локативного проявления, пространственная и временная, определяются в структуре предложения семантикой глагола. Отдельная локация служит вместилищем для неограниченного количества не только предметов, но и действий, совершаемых даже одним и тем же человеком.

Балли связывает категорию локализации с индивидуализацией предметов и их количественной определённости: «Индивидуализировать

понятие – значит одновременно локализовать его и определить количественно» [Балли, с.88]. Данное определение локализации позволяет соотнести ее с референцией имён предметов.

Пространственные отношения – функционально-семантическое поле, в состав, которого входят разнообразные лексические, морфологические, словообразовательные и синтаксические средства, в которых данная категория «находит свое воплощение и свою конкретно-языковую и конкретно-речевую реализацию», а сама категория «пространственности» является «коммуникативно-семантической категорией. Которое по-разному обнаруживает себя на различных уровнях языка» [Селивестрова 1985, 82]. Исследователи подчеркивают, что наиболее важными являются лексика, синтаксис, для чего ИП пространственности видоизменяется как межъязыковая и межуровневая лингвистическая категория. В то же время составляющие ФСП пространственности находятся в дополнительных распределительных отношениях, они не дублируются, а способствуют более полному осознанию этого значения «Исходя из этого, изучение лексических единиц с пространственной семантикой будет проводиться на основе комплексного подхода на системном уровне для анализа языковых единиц с учетом их структуры, семантики и функционирования в тексте.

Все эти единицы относятся к разным лексико-грамматическим категориям слов. На этом основании ФСП пространственности также признается межпальцевой категорией.

Одна весьма гибкая черта семантической категории состоит в том, что основа этой единицы может быть выражена любой синтаксической, производной, лексической, лингвистической, морфологической соответствиях. В выбранных нами и сравниваемых языках существует множество изначальных носителей с пространственным значением, которые выражают смысловую пространственность и принадлежащих к разным частям языковой речи.

В большом выборе методов и предпосылок выражения семантической

стороны данной площади мы можем увидеть явное и неявное, дискретное и недискретное, прямое и косвенное, само лингвистическое сочетания языковых средств и элементов дискурсивной ситуации. Формальная бескрайность, которая обычно бывает у ФСП, предполагает формальную полноту действий.

Стоит отметить, что семантика и контекст имени в локативной функции имеет способность различаться друг от друга. По сути, это названия, обозначающие некие «контейнеры (вместилища)» конкретного и абстрактного порядка. Зачастую привычный местный падеж представлен именем, которое указывает непосредственно на определенные место, точку и т.д.

Исключая из поля зрения тот факт, что первичной формой именования локального падежа непременно стоит наречие. Наречия являются вторыми по частоте использования и не содержат указаний на веху пространственной координации в семантике, или, скорее, они имеют неявный или контекстный характер. Позиция наречия воспринимается с помощью предложно-именной конструкции, но зачастую, хотя стоит признать совершенную редкость этого события – представляется с помощью наречия места или времени.

Учитывая, что объект места обычно является субъектом (отдельным предметом), в итоге, обстоятельство места прогрессирует в роли «пространства» его деятельности, исходя из этого, объект выражает и представляет себя/ свои качества/ черты и характер. Другими словами, некая «сделка аренды» места в предложении состоится в зависимости от представленных обстоятельств «арендодателя». В свою очередь, местное существительное отличается своим иным характером – у него имеются определенные и точные пространственные параметры, и функции действия в языке.

Такие части речи (местные существительные) приходятся более самостоятельными и детально точными в русском языке. Однако это зависит не только от них, но и от присутствия предложной конструкции,

определенность подобного существительного (местного) обусловлена большим или маленьким объемом контекста говорящего, и смысла наречия в речи.

В разноструктурных языках, на данный момент, мы изучаем таджикский и английский, лексические методы, средства и способы выражения смысла пространственных отношений различаются друг от друга. В составе базовых лексико-грамматических категорий слов мы можем увидеть пространственность, которая определяет свою семантику. Способы выражения пространственных отношений в разных языках очень разнообразны. Такое явление относится к разным частям речи в обоих языках, например существительные, наречия, глаголы, предлоги, союзы со значением пространственных отношений.

Однако, выявив одно различие, мы также не оставим без внимания и совпадение в обоих языках (таджикский и английский), итак они идентичны в общем аспекте организации пространственных взаимосвязей.

Для двух сравниваемых языков (таджикский и английский), как отмечалось выше, основными лексическими средствами выражения являются лексические классы, группы и наименьшие скопления, такие как подгруппы, в компетенции которых входит высказывание пространственных значений. Такими являются имена существительные с пространственной семантикой, глаголы с пространственной семантикой, наречия места, пространственные прилагательные, указательные местоимения, пространственные предлоги, союзные слова и союзы в частности.

Таджикский язык немного отличается в этом плане. Основным средством выражения пространственных взаимосвязей служат не только вышеуказанные части речи, но и послелог, которые образуют послелогическую и предложно-постпозиционную конструкцию.

Служебные слова, в состав которых входят предлоги, несмотря на значительное количественное ограничение по сравнению с бесчисленным количеством независимых слов, играют очень важную роль в организации

высказывания. Как отмечает В. Матезиус: «В высказывании одновременно имеют место два процесса: процесс выделения некоторых элементов реальной действительности и выражения их с помощью слов данного языка и процесс установления отношений между этими языковыми знаками выделенных элементов действительности, в результате чего создаёт некое органическое целое-предложение» [Матезиус, 1997].

Сложные суффиксы обычно имеют значение, которое вам просто нужно запомнить. Поэтому при изучении этой темы мы остановимся на простых предлогах. В случае сложных предлогов просто используйте словарь, чтобы передать их значения с одного языка на другой.

В составе английских предлогов есть слова, которые образуются с использованием префиксов, например, behind – позади – ақиб, below – вниз – поён, across – через – дар муқобили, along – вдоль – баробари, или путем словосложения, например, without – без – бе, inside – внутри – дар дохили», но этими способами формирование предлогов давно прекратилось.

Такие слова, представляющие собой предлоги «regarding/concerning/considering – относительно; касательно – нисбат ба, дар бораи» в индивидуальном исполнении являются морфологической структурой. В таких словах суффикс «ing» выделяется и ни в коей мере не является словообразующим вспомогательным.

В английском языке синтаксис можно рассматривать как полезный метод в образовывании новых, и неимевшихся в языке ранее предлогов, куда не включаются слова.

В том числе, сложные предлоги могут состоять из таких дуэтов, например, как:

- два предлога: «out of – из – аз», «from behind – сзади – аз ақиб»;
- предлога с существительным
 - предлог – «in spite of – несмотря на – бо вучуди, in view of – ввиду (в связи с) – бо сабаби...»
- союза с причастием

- прилагательные с предлогом или союзом: «as compared with - по сравнению с – дар қиёс бо», as far as – насколько – то чое ки»
- прилагательного или причастия – иногда наречия или союза с предлогом: «previous to – до чего-л. – то чизе, owing to – благодаря (по причине) – бо сабаби, apart from – кроме (не считая) – ғайр аз».

Ранее приведенные примеры и типы отделяют «from behind», который носит в себе предлоги, служащие для выражения пространственных отношений. Все другие предлоги, типа «in spite of» и другие в большинстве случаев подразумевают многосторонние логические отношения.

В литературе периода 700 по 1200 года уже встречается 40 предлогов английского языка, некоторые из которых претерпели фонетические изменения. В то время социальные перемены и бизнес-торговля не смогли помочь системе предлогов английского языка в развитии и не произвели особого влияния.

На данный момент в обиходовом языке насчитывается более 121 слова древнеанглийских и латино-французских предлогов, число таковых пополняют:

- простые предлоги, такие, например, как: «at – в – дар / in – внутри – дар даруни / from – из (с) – аз дохили / for – для – барои / under – под – дар зери / on – на – дар рӯи»;
- сложные предлоги, например: «within – в пределах – дар чорчуби / from – из – аз дохили / outside – за пределами – берун / beyond – вне – берун / upon – на – дар / throughout – на протяжении – дар тамоми»;
- причастные предлоги могут быть: «during/concerning/past/except».

К этому ряду примыкает категория составных предлогов (число их неопределённо - около 280 типа, к примеру, *by means of* – посредством - ба воситаи, *thanks to* – благодаря – бо шарофати, *abreast of* – в линию – най дар най, *with reference to* – в отношении – бо истинод ба, *prior to* – до – пеш аз, *on account of* – из-за – аз ҳисоби, *in spite of* – несмотря на – бо вучуди.

История появления сложных предлогов приобрело свое начало в результате необходимости у человека выразить двойные и пространственно-моторные *взаимосвязи, такие как*: «из-под – аз зери – from under», «снизу на – аз поён ба – from below to», «из-за – аз сабаби – because of».

В разноструктурных языках значение предлогов всех разрядов – разное, в случае с простыми предлогами, то они являются наиболее востребованными. Простые предлоги в большей мере образуют лексические соответствия с глаголами, и намного реже с существительными. Они участвуют в образовании сложных и составных предлогов.

Причастные предлоги, по-видимому, возникли в результате двойного сжатия придаточных предложений: их сказуемое превратилось причастием, а последнее - в предлог. Это самая маленькая и исторически самая молодая группа, состоящая исключительно из предлогов с абстрактным смысловым содержанием: 9 со значением «за исключением, кроме», 6 - со значением «относительно, касательно», 3- временных.

Сложные предлоги образовались из нескольких предложных предложений, значительная часть (существительное) которых во многом утратила материальное значение и формализовалась. В некоторых случаях значение этих слов все еще довольно ясно (by way of – посредством – бо роҳи), но в других оно затушевывается (by virtue of – ба шарофати – благодаря, in spite of – бо вучуди несмотря на).

Что касается сложных предлогов, то они зачастую являются надстройкой в направлении к главной составляющей предлогов. Только небольшая часть сложных предлогов обычно используются в ежедневной разговорной речи, в обыденной жизни. Принцип выбора составных предлогов не изучен и неизвестен, скорее всего, выбор зависит от индивидуального восприятия. Число их квалификации каждый день возрастает и составляет достаточное количество.

Пространственные и временные значения предлогов часто изучаются в одном и том же плане [Романова 1974]. В последнее десятилетие семантика пространственных предлогов исследовалась в основной когнитивной

лингвистике [Газизова 1999, Дудочкина 1999, Художник 2002]. Вопросы синонимии пространственных предлогов рассматриваются в серии работ по английскому языку [Аксененко 1965], и исследования проводятся в рамках традиционного структуралистского подхода без учета междисциплинарных связей.

Однако без внимания остаются следующие вопросы: соотношение лексики и грамматики. Путем изучения синонимичных предлогов, степени их семантической и функциональной идентичности и взаимосвязи реальных пространственных ситуаций с ситуациями, показанными на языке с помощью предложных структур. В таджикском языке связь и отношения между словами, фразами и членами предложения выражаются преимущественно синтаксическими средствами. Это включает использование несамостоятельных (неизменяемых) служебных единиц, особенно предлогов и союзов.

1.5. Пространственные предлоги – проблемы семантического анализа в английском и таджикском языках

Первые работы по семантике пространственных предлогов основывались на геометрической модели интерпретации значения. Авторы Г. Гуггенхайм, Х. Кларк, Г. Лич, Д. Беннетт и другие считали, что появление предлога в определенном контексте полностью определяется геометрической формой и расположением предметов в пространстве. Например, если мы говорим о ситуации, когда объект находится внутри другого, то это объемная конфигурация, характеризующаяся трехмерностью, которая фиксируется на семантике предлога *in* – внутри – дар дохили; если объект находится на поверхности другого, то в такой плоской конфигурации обновляется признак двумерности, характерный для предлога *on* – на – дар рӯи.

Фактически, критерий мерности предлога **on** во многих случаях является решающим: положение книги на столе описывается предлогом *on*, а присутствие человека в комнате – предлогом **in**. Однако менее очевидно, что, основываясь только на этом принципе, невозможно объяснить изменчивость пространственных предлогов в различных контекстах. Например, «*Ӯ ним рӯз дар назди оташдон меистод. (Ӯ нисфи рӯз дар назди оташдон меистод) – Он простоял у очага пол дня – He stood by the fire for half a day*».

Идея функционального подхода получила дальнейшее развитие во взглядах Д. Пайярда, В.А. Плунгян, Э. Рахилиной по проблеме семантики предлога пространства [Паяр, Плунгян 2000], [Плунгян, Рахилина 2000]. В работах, посвященных предлогам *вверх* и *вниз*, очевидно, что пространственная составляющая значения не «решающая для понимания механизмов многозначности предлога», утверждается, что идея доминирования является центральной и характерной связи.

Всем известен значительный фактор человеческого участия в концепте языка с реалиями жизни, постоянный рост и успешность психологии, в итоге приходим к выводу о том, что многие ученые обращались к этой области

знаний в поисках способов решения языковых проблем, одними из которых были лингвисты и языковеды, в частности, эпохи XIX века: Г. Штейнталь, А.А. Потебня, великие представители филологических наук, таких как мировоззренческая или глубоко сознательная, но все же, многие важнейшие аспекты были раскрыты исключительно новыми, «молодыми» исследователями. Несмотря на их несравнимый опыт с ранними учеными, они достигли внушительных высот в своей работе, в основном в области когнитивной психологии и нейропсихологии. Р. Джекендофф, Б. Ландау, Л. Талми, К. Бругман, Дж. Лакофф и другими современными мыслителями были установлены специфические связи между механизмами функционирования психики и сознания человека с семантической составляющей языка.

Проблема многозначности и отношений между обычными значениями предлога поднимается в [Brugman, Lakoff 1988], многие положения которого иллюстрируются анализом семантической структуры предлога *about*. Взгляд на знак, задуманный именно как структура, звенья которой связаны определенными схемами преобразований, наталкивает авторов на мысль о лексической сети. Различные переоценки представлены в виде схематических представлений типичных расположений объектов, с которыми может быть связан данный предлог. Авторы склонны полагать, что графическое представление значений более точно отражает семантику знака, поскольку соответствует когнитивным конструкциям сознания, отвечающим за обработку зрительно-перцептивной информации. Переход от одного «образа» к другому происходит благодаря соответствующему алгоритму преобразования.

Не подвергая сомнению истинность представления о семантике знака как о структуре, хотелось бы отметить, что в интерпретации [Brugman, Lakoff 1988] звеньями этой структуры являются, скорее, денотативные схемы, отражающие различные типовые конфигурации объектов в пространстве, чем непосредственно значения. Это становится понятно хотя бы потому, что

одно и то же графическое изображение, выдаваемое авторами за значение, в принципе, может соответствовать различным знакам, другими словами, рисунок содержит лишь часть информации, закодированной в знаке. Исследования [Маляр 1995] и [Coventry 1998], также посвященные предлогу *over*, показывают, что концептуализация положения объектов в пространстве через данный предлог предполагает дальнейшее переосмысление исходной схемы, в ходе которого она «обрастает» дополнительными пространственно-функциональными признаками, которые отличают исследуемый предлог от синонимически близких ему. Так, в предложении *She held an umbrella over her head* предлог *over* не только содержит информацию о том, что X находится над Y-ом, но и что X выполняет функцию защитного экрана от воздействия падающих на солнечные лучи, капель дождя и т.д. Именно наличие данной функции делает невозможным замену *over* на предлог *above*, который соотносится с той же денотативной схемой.

Смещение акцента на анализ денотата в когнитивных исследованиях семантики знака Н.Н. Селиверстова связывает с «переоценкой значимости перцепции». По ее словам, «эта переоценка приводит к тому, что выделяются по преимуществу концепты, непосредственно отражающие наблюдаемые свойства денотата» [Селиверстова 2000]. Кстати, понятия «концепт» и «концептуализация» в терминологии когнитивистов связаны именно с процессом формирования первичного семантического представления (т.е. того, что становится денотатом знака), тогда как в рамках подхода О.Н. Селиверстовой данные понятия отражают процесс дальнейшего переосмысления этого представления. Не подвергая сомнению истинность представления о семантике знака как о структуре, хотелось бы отметить, что в интерпретации [Brugman, Lakoff 1988] звеньями этой структуры являются, скорее, денотативные схемы, отражающие различные типовые конфигурации объектов в пространстве, чем непосредственно значения. Это становится понятно хотя бы потому, что одно и то же графическое изображение, выдаваемое авторами за значение, в принципе, может соответствовать

различным знакам, другими словами, рисунок содержит лишь часть информации, закодированной в знаке. Исследования [Маляр 1995] и [Coventry 1998], также посвященные предлогу *over*, показывают, что концептуализация положения объектов в пространстве через данный предлог предполагает дальнейшее переосмысление исходной схемы, в ходе которого она «обрастает» дополнительными пространственно-функциональными признаками, которые отличают исследуемый предлог от синонимически близких ему. Так, в предложении *She held an umbrella over her head* предлог *over* не только содержит информацию о том, что X находится над Y-ом, но и что X выполняет функцию защитного экрана от воздействия падающих на солнечные лучи, капель дождя и т.д. Именно наличие данной функции делает невозможным замену *over* на предлог *above*, который соотносится с той же денотативной схемой.

Смещение акцента на анализ денотата в когнитивных исследованиях семантики знака Н.Н. Селиверстова связывает с «переоценкой значимости перцепции». По ее словам, «эта переоценка приводит к тому, что выделяются по преимуществу концепты, непосредственно отражающие наблюдаемые свойства денотата» [Селиверстова 2000]. Кстати, понятия «концепт» и «концептуализация» в терминологии когнитивистов связаны именно с процессом формирования первичного семантического представления (т.е. того, что становится денотатом знака), тогда как в рамках подхода О.Н. Селиверстовой данные понятия отражают процесс дальнейшего переосмысления этого представления.

О.Н. Селиверстова считает, что в интерпретации представителей когнитивного направления в лингвистике передача информации о внешнем объекте языковыми средствами является одноактным процессом. В работах когнитивистов внешний объект идентифицируется путем проецирования на него соответствующего семантического представления или, по его терминологии, паттерна образов всего доступного сознанию. Дополнительное вербальное воспроизведение – это простой «языковой звук» этой схемы. Из этого следует, что

конечный лингвистический продукт целиком и полностью определяется исходной выбранной схемой, т.е. когнитивисты предлагают рассматривать исходное семантическое представление как значение языковой единицы. В соответствии с этим подходом исследователь посвящает себя исключительно анализу взаимосвязи «внешний объект - схема визуализации» и разрабатывает подробное описание всего многообразия типичных фрагментов реальности, соответствующих этой схеме.

1.6. Выражение категории пространственности в таджикском языкознании

В таджикской лингвистике пространственные отношения выражаются существительными, глаголами, прилагательными, наречиями, местоимениями и предлогами. Все они являются словами лексико-грамматических категорий, в семантике которых происходит взаимодействие номинативной и дейктической функций слов [Апресян 1986, А.А. Уфимцева 1974]. Здесь особую роль играют единицы языка, относящиеся к категории пространственного дейксиса (от греческого *déixis* указание), в семантике которого такие важные пространственные характеристики, как форма и место предметов, высота, толщина, длина, глубина, ширина, направление отражаются, ориентация и движение и т. д. В этом случае основным компонентом в обозначении дейктических слов становится связь с речевой ситуацией.

Средства выражения пространственного дейксиса включают единицы, которые содержат указание положения или направления движения относительно данного центра пространственной координации. Демонстративные местоимения могут указывать на положение говорящего, в то время как могут указываться разные степени расстояния, поэтому существуют разные типы указательных местоимений. В индоевропейских языках существует система из четырех терминов (максимум): 1) *deissi* первого лица (вот оно у меня, это мне), 2) *deissi* второго лица (вот оно), 3) *deissi* объекта, расположенного поблизости (здесь), 4) дейксиса объекта, расположенного вдалеке (там, в отличие от, здесь и здесь) [Семереньи 2002, с. 217].

Категория пространственного дейксиса представлена в таджикском языке различными способами. В некоторых языках удаленность предметов имеет разную степень, которую можно зафиксировать специальными словами.

В «Таджикско-русском словаре» («Луғати тоҷикӣ-русӣ») под редакцией М.В.Рахими и Л.В.Успенской слово **фазо** однозначно и переводится на русский язык простор, пространство; горизонт, эфир, в сочетании с лексемами **кушод**, **осмон** характеризую пространство как **фазои кушод** – широкий простор, раздолье; **фазои осмон** – небесное пространство, поднебесье. [Таджикско-русский словарь, 1954 с. 405].

В «Англо-таджикском словаре», составитель проф. П. Джамshedов, приведено лексема «**спасе** – **фазо**, **кайхон**, **фосила**», означающий на русском «пространство, космос, пробел». [Англо-таджикский словарь, 2005 с. 521].

Кроме того, **фазо** в сочетании с лексемой **беинтиҳо** (в 1 значении бесконечный, бескрайний, беспредельный, безграничный), приобретает значение **фазои беинтиҳо** бесконечное пространство; со словом **беҳаво** (в 1 значении безвоздушный) **фазо** характеризуется как **фазои беҳаво** безвоздушное пространство; с лексемой **осмон** (в 3 значении с пометой переносное - судьба; рок; предопределение) определяется как **фазои осмон** небесное пространство.

Таким образом, ключевая лексема **фазо** является полисемичной, при этом следует отметить, что в большинстве переводных словарей лексема **фазо** – это, прежде всего, пространство, Пространство, только затем – место. Однако, согласно данным рассмотренных лексикографических источников **фазо** в значении пространство, простор занимает вторую позицию по отношению к значению место. Таким образом, можно выделить следующие денотативные значения: 1. **Чо** (место); 2.Филос. **макон** (место, местопребывание), **фазо**; 3.**Фалак**, **осмон**, **ҳаво** - небо, небосвод, воздух; атмосфера; 3.**Чой**, **фосила** (расстояние, промежуток), **мобайн** (промежуток, расстояние, середина), **масофат** (расстояние, дистанция, интервал), **миён** (середина, центр); 4.**Масохат** (площадь, поверхность), **майдон** (площадь), **соҳа** (область, участок), **замин** (земля), **арз** (II.ширина, широта; III. земля), а также данное слово имеет и дополнительные коннотации, связанные со сферой распространения чего-л.; **арса** - область, сфера, поле, арена;

состоянием человека - **холигӣ, ковокии даруни чизе** – пустота; внутренняя пустота.

А также продуктивным способом является сложение слов - лексема+**хона**, при этом слово **хона** (дом) выступает в данном случае в качестве словообразовательного форманта: **-хона: китобхона** – библиотека (**китоб**-книга), **ошхона** - столовая (**ош** - пища), **тарабхона** – увеселительное заведение, ресторан (**тараб** – радость, веселье) и др.

Классики персидско-таджикской литературы часто использовали псевдонимы, которые также имели пространственное значение. Так, с помощью суффикса -ӣ, который, присоединяясь к основе слова, дополнял основное значение семей «этнические и другие названия, указывающие на происхождение лица из какой-либо местности»: **точикӣ** – таджикский (от **точик** - таджик); а также с помощью данного словообразовательного элемента были образованы имена собственные, псевдонимы писателей: **Фирдавсӣ** – Фирдоуси (букв.райский) от **фирдавс** – рай, райский сад, **Ҳофиз Шерозӣ**, **Саъди Шерозӣ**, **Джалаладдин Румӣ**, **Омар Хайям**, **Абуабдулло Рудакӣ**, **Носир Хусрав Қубодиёнӣ**. Псевдоним выбирался в зависимости от места происхождения/рождения или места проживания автора.

Менее продуктивным является префиксальный способ образования лексических единиц. Семантике глагольных приставок в таджикском языке в сопоставительном аспекте посвящена докторская диссертация М.Э. Азизовой «Приставочные глаголы русского языка в сопоставлении с таджикским (структурно-семантический аспект)», которая особое внимание уделяет пространственно-направительному значению русских приставочных глаголов в сопоставлении с таджикским языком [Азизова, 2014],

Префиксы **дар-**, **бар-**, **фуру-** вносят дополнительное значение «направление движения» в семантику основных глаголов со значением движения (**омадан**, **рафтан**, **расидан**, **бурдан**, **овардан**, **гузаштан** в 1 значении). Префикс **дар-** соответствует русской приставке **в-** и указывает на направление внутрь, соединяясь с глагольной основой **омадан** со значением

приходить, образует лексему даромадан со значением входить, въезжать, вступать, проникать. Глагол даровардан образован от основы овардан со значением приближения, в сочетании с префиксом дар- приобретает дополнительный оттенок значения движение внутрь: даровардан – вводить; вносить; ввозить; впускать.

Таким образом, анализ лексикографических источников показал, что ключевые лексемы концепта «Пространство» в сопоставляемых языках, выраженные существительными в русском – пространство, в польском – *przestrzeń*, в таджикском – фазо, являются прямыми номинантами пространства, они частотны и многозначны, содержат от 3 до 5 значений. Архисема «пространство» выполняет функцию основной в словарных единицах рассматриваемого лексико-семантического поля, которое включает ряд ЛСГ с интегральными семами «место», «поверхность», «расположение», «движение», «направление», «измерение», «сфера деятельности» и др.

Сравнивая состав ЛСП «пространство» в сопоставляемых языках, нами было обнаружено, что значение ключевой лексемы в словарях рассматриваемых языков не совпадает: в русском языке пространство, прежде всего, определяется как философская категория, как одна из форм существования материи» (представлено лексемой материя); в польском языке пространство обозначает неограниченное трехмерное пространство, выражено словом *obszar* (ограниченное пространство); в таджикском языке – это, прежде всего, место, реализуется лексемой чо(й), а также макон. Второе значение в русском языке объективируется единицей место, в польском – *miejsce* (место), в таджикском – фалак (небосвод); третье значение: в русском – промежуток, в польском – *powierzchnia* (поверхность), в таджикском – холигй (пустота); четвертое значение: в русском – сфера, в польском – *odległość* (расстояние), в таджикском – неопределенное место (пространство); пятое значение в русском и таджикском языках отсутствует, в польском выражено словом *zjawisko* (явление). ЛСП «пространство» в сравниваемых языках, соответственно, содержит в своем составе ЛСГ со

значениями, присущими для всех рассматриваемых языков, а также ЛСГ со значениями, характерными только для одного или двух языков.

В русском языке ЛСП «пространство» состоит из ЛСГ со значением «формы существования материи»: «время», «движение», «измерение»; «направление», «расстояние»; «промежуток», «неограниченное пространство», «часть пространства», «место», «поверхность, часть поверхности»; «сфера деятельности». В польском языке ЛСП «przestrzeń» включает ЛСГ со значением «неограниченное трехмерное пространство», «ограниченная часть пространства», «величина, размер»; «часть пространства», «место», «территория», «помещение»; «поверхность, площадь»; «расстояние»; «явление, событие». В таджикском языке ЛСП «фазо» представлено ЛСГ со значением «широкое пространство», «место», «дом, местожительство», «направление», «измерение», «сфера деятельности»; «небосвод», «атмосфера»; «пустота»; «неопределенное неограниченное место».

Таким образом, в составе ЛСП «пространство» в сопоставляемых языках совпали следующие ЛСГ: «неограниченное пространство», «место», «измерение, величина». Универсальными для русского и польского языков являются ЛСГ со значением «расстояние», «часть пространства», «поверхность»; для русского и таджикского языков – ЛСГ со значением «направление», «сфера деятельности»; для польского и таджикского языков – ЛСГ со значением «здание, помещение». В составе ЛСП «пространство» в русском языке становятся особыми ЛСГ со значением «формы существования материи»: «время», «движение»; «промежуток»; в польском – «ограниченная часть пространства», «территория», «явление, событие»; в таджикском – «широкое пространство», «небосвод», «атмосфера»; «пустота».

ГЛАВА II. СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКАХ РАЗНОГО СТРОЯ

2.1. Существительное в английском и таджикском языках в роли способа образования пространственных взаимосвязей

Восприятие мира в пространственных категориях – универсальный процесс. Именно пространственные представления, характеризующиеся мировоззренческой наполненностью и культурной обусловленностью, переносятся в другие концептуальные области, например, в сферу временных, иерархических и других отношений. Будучи универсальной смысловой категорией, пространство получает отражение в языке, который является «неотъемлемым компонентом цепи взаимодействий между человеком, обществом, природой» [141, 323].

Исследования другого класса имен – наименований формы предметов («точка-нуқта-point», «линия-хат-line», «круг-давра-circle», «угол-кунҷ-angle»), базирующиеся на геометрических представлениях конфигурационного облика мира, доказывают принципиальную сводимость бесконечного многообразия форм объектов окружающего мира к определенным эталонам геометрической конфигурации в результате категориальной деятельности человеческого сознания [Топорова В.М., 1999]. На материале английского и таджикского языков убедительно демонстрируется тесная связь геометрических представлений с другими типами пространственных представлений (в частности, с основными координатными осями «горизонталь-уфукӣ-horizontal» и «вертикаль-амудӣ-vertical»), а также с иными формами бытия.

Изучение наименований элементов рельефа, для обозначения которых в лингвистической литературе используются термины «географическая» или «ландшафтная лексика», отличается большим разнообразием подходов, осуществляется с разных позиций и преследует разные цели. Предметом изучения становится либо лексико-семантическая группа слов, по-разному

обозначающих один из элементов географического пространства (например, «**возвышенность-баландй-elevation**» [Курьянова Л.А., 2002], либо совокупность лексем, номинирующих отдельные элементы рельефа и формирующих общее понятийное поле «географическое пространство» [Ракитина О.Н., 2005].

В целом же следует отметить, что представленные подходы к анализу языкового материала дополняют и обогащают друг друга: так, если первый подход высвечивает динамику, изменчивость пространственного мышления конкретного этноса, то второй акцентирует национальное своеобразие в концептуализации одних и тех же реалий объективной действительности.

К субстантивной лексике пространственной семантики относятся и топонимы. Их изучение носит ярко выраженный лингвокультурологический характер, поскольку топонимы прямо и непосредственно отражают культуру создавшего их народа. В рамках интересующего нас направления они примечательны тем, что объективируют и закрепляют этническое своеобразие пространственного мышления [Сударь Г.С., 2004], хотя его выявление не всегда входит непосредственно в задачу исследования цитируемых работ.

Концептуализация пространства может осуществляться с помощью различных языковых средств, в том числе существительных с пространственной семантикой, широко представленных в английском языке. Подробная классификация таких существительных предложена в работе В.Л. Ибрагимовой, которая выделяет: «1) существительные обобщенно-пространственной семантики, в которых пространственный компонент представлен в самом их лексическом значении, например: *space* (пространство), *place* (место), *side* (сторона), *direction* (направление); 2) существительные с конкретно-пространственным значением: а) астрономические обозначения – *universe* (вселенная), *earth* (Земля); б) обозначения ландшафтных объектов – *field* (поле), *forest* (лес), *sea* (море); в) обозначения населенных пунктов и их частей – *city* (город), *village* (село),

street (улица); г) обозначения сторон света – *south* (юг), *east* (восток); д) обозначения пути передвижения – *road* (дорога), *path* (тропа); е) обозначения помещений, предназначенных для жилья и различных видов деятельности – *house* (дом), *school* (школа), *church* (церковь); ж) обозначения предметов и приспособлений для осуществления какой-либо деятельности – *table* (стол), *armchair* (кресло); з) названия «вместилищ», емкостей, транспортных средств и т. п. – *jug* (кувшин), *box* (коробка), *train* (поезд)» [70, 21].

Все многообразие пространственных характеристик, отраженных в семантике существительных, позволяет максимально полно представить в языковых формах воспринимаемое человеком онтологическое пространство. Вычленимые сознанием носителей английского языка и представленные в семантике соответствующих единиц, пространственные признаки могут переосмысливаться, подвергаться метафоризации, которую следует признать доминирующей в процессе преобразования пространственной семантики английских существительных. Метафоры такого рода отражают общепринятое значение, являясь достоянием коллективного языкового сознания и выражая социокультурные установки или ценностные ориентиры «культурного» субъекта [91]. При анализе метафорических значений пространственных существительных важным становится выделение аксиологического смысла, поскольку акт оценки является одним из составляющих компонентов чувственно-образного восприятия мира. В смысловой структуре существительных с пространственной семантикой содержатся в скрытом виде семы положительной и отрицательной оценки. Е.М. Вольф называет это квазиоценкой, поскольку аксиологический смысл появляется, если описываемое положение вещей в картине мира говорящих расценивается как хорошее или плохое [45, 32], а метафоризация как способ выражения, вновь познаваемого через уже познанное актуализирует оценочные смыслы. Как отмечает В.Г. Гак, изучение закономерностей переноса понятий из одной сферы в другую, отражающуюся в изменениях

значений слов, существенно для общей теории познания [49, 127]. Изучение таких переносов представляет большой интерес, поскольку в частных закономерностях, касающихся сдвигов в значениях слов, находят выражение особенности не только национальных языков, культур, но и общечеловеческой культуры в целом.

Материалом для нашего исследования послужили данные толковых словарей и словаря синонимов английского языка (см. список источников). Методом сплошной выборки на основе анализа словарных дефиниций было отобрано более 360 существительных, в толкованиях которых присутствуют компоненты **«размер-андоза-size», «шакл-форма-shape», «фосила-расстояние-distance», «худуд-ограничение-limit, «макон-место-place», «чойгоҳ-местонахождение-location»**, указывающие на соотнесенность соответствующих лексем с пространственной сферой. Часть рассматриваемых существительных (70 лексем) может быть использована носителями языка для номинации явлений, характеризующих интеллектуальный, социальный, психологический и другие аспекты жизни человека и общества; в результате анализа были выявлены метафорические и оценочные значения таких единиц. Изучение переносных значений пространственных существительных позволило установить некоторые модели метафорического переноса. Так, анализируемые единицы получают возможность обозначать эмоциональное состояние человека (**рӯҳафтадагӣ-дипрессия-depression, пилла-кокон-cocoon, ҳаво-небеса-heaven, рағкашӣ-судорога-kink, ноилочӣ-тупик-cul-de-suc**); социальные и политические понятия (**сатҳ-ниша-niche, истехком-бастион-bastion, лағжиши замин-оползень-landslide, болобарой-восхождение-ascent, саммит-саммит-summit**); межличностные отношения (**фосила-расстояние-distance, майдони ҳарб-поле боя-battlefield, тарқиш-трещина-rift**); свойства личности, свойства интеллекта (**площадь-майдон-square, гилемча-половик-doormat, кружка-кружка-mug**); морально-этические и нравственные нормы (**хонаи ҳайвон-нора-den, намо-фасад-facade, лона-**

гнездо-nest, сӯроҳӣ-отверстие-hole). Семантические признаки, присутствующие в структуре прямого значения этих существительных, послужили основанием для формирования переносных значений, в которых отражена субъективная оценка носителем языка объектов номинации. Модель «пространство – эмоциональное состояние человека - фазо - холати эмотсионалии инсон - space – the emotional state of a person» реализуется, например, существительным **пилла-кокон-cocoon** – прямое пространственное значение «the covering made of soft smooth threads that surrounds and protects particular insects during the pupa stage as they develop into adult form» – «оболочка из мягких гладких нитей, которая защищает определенных насекомых в период развития из куколки в насекомое» - «ғилофи филаментҳои мулоим ва ҳамвор, ки ҳашароти муайянро ҳангоми рушди зочаи ҳашарот муҳофизат мекунад» (здесь и далее перевод наш. – В. Я.). Семантический признак ‘the covering made of soft smooth threads that surrounds and protects’ служит основанием для метафорического переноса и появления значения «a place or situation in which you feel comfortable and safe, and are protected from anything unpleasant» – «место или ситуация, в которых ты чувствуешь себя комфортно, безопасно и защищен от всех неприятностей» - «ҷой ё вазъе, ки дар он шумо ҳудро бароҳат, бехатар ва аз ҳама мушқилот эмин ҳис мекунад». В сознании носителей языка очень ограниченное замкнутое пространство, создаваемое мягкими и гладкими нитями, ассоциируется с комфортом и защищенностью. В семантической структуре **cocoon** содержится указание на положительную оценку говорящим объекта номинации и наблюдается перенос пространственных признаков на эмоциональную сферу деятельности человека. Модель «пространство → социальная и политическая структура общества» реализована, например, существительным **bastion** – прямое пространственное значение «a part of the wall of a castle that sticks out from it in order to protect it» – «часть стены замка, которая выдается вперед и служит защитой» - «қисми девори қалъа, ки ба пеш баромад ва ҳамчун муҳофизат хизмат мекунад». Семантические

признаки **‘a part of the wall’ – ‘часть стены’ – ‘қисми девор’, ‘sticks out from’ - ‘торчит из’ - ‘мебарояд аз’ ‘protect’ - ‘защищать’ - ‘ҳифз кардан’** служат основанием для формирования переносного значения **«something which keeps or defends especially a belief or a way of life that is disappearing or threatened» – «что-то, что защищает веру, образ жизни, когда есть угроза» - «он чизе, ки эътиқод ва тарзи ҳаётро ҳангоми вучуд доштани таҳдид муҳофизат мекунад»**, которое актуализируется при номинации присвоенной человеком части пространства, осознаваемой как удовлетворяющая определенным требованиям, а именно безопасная и гарантирующая ощущение защищенности, душевного равновесия. В семантической структуре данной единицы содержится указание на положительную оценку говорящим объекта номинации, о чем свидетельствует компонент толкования **‘something which keeps or defends’ - ‘чизе, ки нигоҳ медорад ё муҳофизат мекунад’ - ‘что-то, что хранит или защищает’,** и наблюдается перенос пространственных признаков (**‘вертикальный-амудӣ-vertical’, ‘находится перед-дар пеши чизе қарор доштан’-‘in front of’, ‘ограниченная часть пространства’-‘фазои маҳдуд’- ‘limited space’, ‘нечто, что окружает, огораживает, загораживает’-‘чизе, ки ихота мекунад, девор мепӯшад, мепӯшонад’-‘Something that surrounds, fences, obstructs’**) на социальную сферу деятельности человека. Модель «пространство – межличностные отношения» репрезентируется, например, лексемой distance, прямое пространственное значение которой можно определить как **«the amount of space between two places or things» – «часть пространства между двумя местами или вещами» - «part of the space between two places or things»**. Семантический признак space between, указывающий на разделение, обособление двух объектов, наличие между ними определенного расстояния и отсутствие точек соприкосновения, служит основанием для формирования переносного значения **«a situation in which two people do not have a close friendly relationship» – «ситуация, в которой два человека не имеют близких дружеских отношений» -**

«Холате, ки дар он ду нафар дӯстии наздик надоранд». Компонент семантики **«расстояние» (фосила-distance)** интерпретируется как градуальный признак, указывающий на наличие / отсутствие связи, отношения между людьми, при этом большое расстояние ассоциируется со слабой связью или ее отсутствием, небольшое – с близкими отношениями, дружбой или родством между людьми. В семантической структуре существительного содержится указание на отрицательную оценку говорящим объекта номинации. Модель «пространство – объекты и явления психической сферы субъекта» репрезентируется, например, существительным square, прямое пространственное значение: **«a flat shape with four sides of equal length and four angles of 90°»** – «плоская фигура с четырьмя равными сторонами и углами 90°, квадрат» – «**Фигураи хамвор бо чахор тараф ва кунҷҳои 90°, мураббаъ**». Семантические признаки, присутствующие в структуре прямого значения, а именно: **‘a flat shape’** – ‘плоская форма’ **‘four sides of equal length’** – ‘четыре стороны равной длины’ **‘four angles of 90°’** – ‘четыре угла по 90°’, служат основанием для появления переносного значения **«someone who is considered boring and unfashionable»** – «скучный и старомодный человек» – «**шахси дилгиркунанда ва кухнасурат**». Простая по форме фигура с одинаковыми по длине сторонами и прямыми углами ассоциируется со скучным, старомодным человеком, не принимающим новых идей, несмотря на то, что консерватизм является одной из отличительных черт, присущих английскому социуму. Таким образом, в семантической структуре данной единицы содержится указание на отрицательную оценку говорящим объекта номинации и наблюдается перенос пространственных признаков на интеллектуальную сферу деятельности человека. Модель «пространство – морально-этические представления» репрезентируется, в частности, существительным den, прямое пространственное значение: **«the cave or other lair of a wild animal»** – «пещера или логово дикого животного» – «**ғор ё лонаи ҳайвони ваҳшӣ**». Семантический признак, присутствующий в

структуре прямого значения, а именно: ‘the cave or other lair of a wild animal’ – служит основанием для появления переносных значений: 1) «**a place where people secretly plan or take part in dishonest or illegal activities**» – «место, где люди тайно планируют или принимают участие в нечестной, незаконной деятельности» – «чое, ки одамон пинхонй ба нақша мегиранд ё ба корҳои беинсофона ва ғайриқонунӣ машғуланд»; 2) «**a small cozy room in a house where people can work, read etc without being interrupted**» – «маленькая, уютная комната, где люди могут работать, читать и т. д., не испытывая вмешательства извне» - «як утоқи хурду бароҳат, ки дар он одамон бе даҳолати беруна кор карда, ҳонда метавонанд ва ғайра». Семантические признаки «недоступность», «логово диких животных» мыслятся как отрицательные при наименовании места, где осуществляется деятельность криминального характера, а признаки «ограниченное пространство», «недоступность» – как положительные при обозначении уютной комнаты, где человека никто не побеспокоит, где он сможет уединиться и заняться любимым делом. Таким образом, пространственная семантика существительных является основой для наименования явлений психической, интеллектуальной, социальной и других непространственных сфер. Одной из самых распространенных моделей метафорического переноса является перенос пространственных характеристик в сферу социальных категорий, и чаще всего с отрицательной коннотацией. Анализ метафорических переносов позволил выявить характер восприятия пространства и образы смысловых сфер, именование которых происходит на базе осознания их как пространства. Установление оценочной коннотации метафорического значения дало возможность определить отношение носителей языка к пространству и выявить значимые параметры при его восприятии.

Рассмотрим, опираясь на исследование О.Я. Ивановой «Лингвокультурная специфика словообразовательной категории

локативности (на материале русского и английского языков)», словообразовательные возможности в реализации категории локальности.

«Словообразовательная категория локальности в английском языке формируется тремя словообразовательными подкатегориями: 1) словообразовательной подкатегорией «Пространство» со значением «территория, не имеющая определенных границ, которую можно окинуть взглядом, чаще не освоенная человеком, как земная, так и воздушная и водная»; 2) словообразовательной подкатегорией «Территория» со значением «ограниченная территория, имеющая определенные границы, являющиеся результатом какой-либо деятельности человека, преимущественно земная»; 3) словообразовательной подкатегорией «Сооружения (вместилища событий)» со значением «помещение, которое постоянно и / или сейчас характеризуется по процессуальному или результативному признаку, названному мотивирующим словом». Исходной словообразовательной подкатегорией является словообразовательная подкатегория со значением «Пространство», которая мотивирует остальные словообразовательные подкатегории по принципу фамильного сходства. В то же время данная словообразовательная подкатегория менее активно вербализуется средствами грамматики» [Иванова, 2004].

В вербализации локальности средствами словообразования участвуют (в разной степени) следующие разряды мотивированных лексем:

1. Локативы, входящие в суффиксальный способ словообразования. Они формируют все три субкатегории локативности **«Пространство – фазо – space»**, **«Территория – мухит – area»**, **«Сооружения – сохтмон – construction»**: *reliction* – «земля, обнажённая отступившим морем», «замини холй»; *reservation* – «заповедник», «мамнуьгох»; *pavement* – «тротуар, мостовая», «рохрав»; *shelter* – «пристанище», «убежище», «панохгох»; *observatory* – «обсерватория», «расадхона»; *creamery* – «маслобойня, сыроварня», «чувоз»;

- «Shelter!» muttered Sam. «If this is shelter, then one wall and no roof make a house.» (Tolkien, The Lord of the Rings, p.159).

– Приют! — пробормотал Сэм. «Если это убежище, то одна стена и отсутствие крыши делают дом». (Толкин, «Властелин колец», стр. 159).

- «Therefore I had better leave her sitting on a baker's door-step, out of breath, with no shape at all remaining in her bonnet, and one of her shoes off, lying on the pavement at a considerable distance». (Dickens, David Copperfield, p.252).

– Поэтому я лучше оставляю ее сидящей на пороге пекарни, запыхавшейся, с бесформенной шляпкой, со снятой туфлей, лежащей на тротуаре на значительном расстоянии. (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр.252).

Основными деривационными разрядами, формирующими категорию локальности в английском языке, являются локативы таких способов образования слов, как суффиксальный, префиксальный, сложение слов и основ, конверсия. Наиболее активной мотивирующей базой является субстантивная база.

Пространственные отношения событийности, выражаемые существительными с широким объемным значением и связанные с различными типами ситуаций, выступают в качестве ядра (центра) категории локальности.

Особый слой пространственных отношений связан с обозначением положения предметов относительно друг друга, при этом один предмет выступает в качестве ориентира, по соотнесенности с которым определяется местоположение другого предмета. Таким образом, мы видим, что в языках разного строя существуют разнообразные языковые способы выражения категории локальности.

2.2. Наречия в английском языке как самостоятельные выражения пространственности

Во всех языках существует целый ряд разноуровневых средств для выражения пространственных отношений. Известно, что любой реальный предмет находится в пространстве, в движении, во внутренней и внешней динамике и в связи с другими окружающими реалиями. Предметы и живые существа вступают в определенные пространственные отношения, для выражения которых существуют различные средства [43, с. 41]. Одним из таких средств в современных языках являются наречия с пространственной семантикой. Особенностью данной группы наречий в английском языке является их соотнесенность с субъектом, которая отражает нахождение или движение человека (либо животного). Использование наречий для выражения пространственных отношений теснейшим образом связано с обозначением локализатора, то есть объекта, по отношению к которому локализуется другой объект. Наречия никогда не выступают в роли самостоятельной номинации места. Они имеют двоякую функцию: а) уточняют локализацию, выраженную существительным; б) локализуют предмет при отсутствии словесно выраженного локализатора; это имеет место в двух случаях, когда локализатор оказывается неизвестным, неопределенным или, наоборот, когда он известен говорящим и может, поэтому специально не обозначаться, то есть в данном случае наречия места имеют местоименный, дейктический характер [24, с. 23]. Интерес к теме анализа и глубокого исследования пространственных наречий английского языка обусловлен тем, что наречия являются одной из ярких частей речи, демонстрирующей пространственные отношения и заслуживающей глубокого лингвистического исследования. Они, несомненно, попадали в сферу внимания лингвистов, описывавших грамматический строй языка, но никогда исследование какой-либо тематики, в данном случае пространственности, не является достаточным, потому, что всегда

открываются новые аспекты, требующие научного исследования. В грамматическом отношении наречие неизменяемо, т.е. оно не способно принимать какие-либо словоизменяющие форманты. Непроизводными называются такие наречия, которые не разлагаются на продуктивные морфологические части. Это, прежде всего, собственно наречия. К неизменяемым пространственным наречиям относим следующие: **there** – там, туда – ончо; **here** – здесь, сюда – инчо; **down** – вниз, внизу – (ба) поён; **up** – вверх, наверх – (дар) боло; **far** – далеко – дур; **near** – близко – наздик; и др. К производным пространственным мы относим наречия, которые образуются посредством продуктивных аффиксов *in front* – спереди; *from above* – сверху; *from the East* – с востока, с восточной стороны; *from the West* – с запада, с западной стороны; *from the South* – с юга; *from the North* – с севера, *on the reverse side* – с оборотной стороны, *from the side* – со стороны, с боку, извне, и другие. Как показывает привлеченный к исследованию материал, наречия, служащие для выражения пространственных отношений в английском языке, имеют значения места и пространственного направления. Наречия места представлены в следующих группах.

Актуальным в исследовании категории простарвенности в лингвистике является изучение части речи «наречие», что стало предметом пристального внимания ученых и исследователей-лингвистов. Их изучение осуществляется либо в рамках общей предложно-наречной проблематики (заметим, что у исследователей есть на то основания – границу между этими классами слов провести не так-то просто), либо наречия рассматриваются как особый разряд лексем, по-своему концептуализирующие действительность. При этом исследователи явно или неявно исходят из того, что наречия места объективируют пространственные концепты и задают во многом либо сходные с предлогами параметры пространства (в первом случае), либо иные (во втором случае).

Сопоставительные исследования предлогов и наречий как специализированных средств объективации пространственных концептов в разных лингвокультурах выявляют особенности концептуализации пространства в языковом сознании этноса, приоритетность тех или иных пространственных характеристик из универсального набора когнитивных признаков. В частности, анализ концепта «пространственная ориентация» в русском и английском языках позволил обнаружить, что универсальные концептуальные признаки рассматриваемого параметрического концепта имеют различную степень языковой выраженности и неодинаковые способы их интерпретации в сравниваемых лингвокультурах: в английском языке при определении пространственного расположения объектов отмечаются в первую очередь их объемные характеристики, тогда как в русском языке – открытость / поверхность объектов; в комбинаторной сочетаемости в английском языке максимально представлена «вертикальность», в русском же языке – «горизонтальность» и др.

Особое внимание ученых привлекают пространственно дистанционные наречия – знаменательные и местоименные (дейктические) как средство членения и обозначения пространства в разных языках. Авторы одних работ главным образом интересуют концептуальные основания отраженного в языке членения пространства, авторов других – выявление типологических свойств пространственного дейксиса [156, Юсуфбеков, 1998].

В последние годы в рамках дискурсивно-когнитивной парадигмы проблема дейксиса приобрела новый ракурс исследования – наречие исследуется как средство организации художественного текста.

В современном английском языке довольно хорошо исследованы вопросы выражения пространственности, в том числе и лексика с пространственной семантикой. Морфологическая и семантическая характеристика наречий места содержится в трудах А.И.Смирницкого («Морфология английского языка», 1959); Б.Ильиш («The Structure of Modern

English», 1971); И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой и Г.Г. Почепцова («Теоретическая грамматика английского языка», 1981).

Все наречия, служащие для выражения пространственных отношений в английском языке, так же как предлоги, имеют значения места и пространственного направления.

Наречия со значением места указывают местонахождение предмета, которое может быть как внешним (*down* «внизу-поён», *near* «рядом – наздик», *ahead, before, in front* «впереди – дар пеш», *above, up* «наверху – аз боло», *near* «вблизи – дар назди», *behind* «сзади-аз акиб», *above, up* «наверху-дар боло»), так и внутренним (*inside* «внутри-дар дохил»):

- *He strolled **up and down** the polished floor of the resort, his hands in his pockets, his brow wrinkled, his mouth set.* (Dreiser, Sister Carrie, p.110).

– Он ходил взад и вперед по полированному полу курорта, засунув руки в карманы, наморщив лоб и сжав губы (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 110).

Наречия места делятся на ряд групп:

1) наречия, передающие нахождение предмета внизу (*down, below* – «внизу», *on the ground* – «внизу, на полу, на земле»):

- *Carrie dressed very rapidly, and soon appeared **below**, forgetting everything save the necessities.* (Dreiser, Sister Carrie, p.124).

– Кэрри оделась очень быстро и вскоре появилась внизу, забыв обо всем, кроме самого необходимого (Драйзер, Сестра Кэрри, стр. 124).

2) наречия, выражающие местонахождение предмета наверху (*above, up* – «наверху», *over* – «сверху»):

- *The tables were not so remarkable in themselves, and yet the imprint of Sherry **upon** the napery, the name of Tiffany **upon** the silverware, the name of Haviland **upon** the china, and **over** all the glow of the small, red-shaded candelabra and the reflected tints of the walls **on** garments and faces, made them seem remarkable.* (Dreiser, Sister Carrie, p.36).

– Столы сами по себе не были столь примечательны, и тем не менее оттиск Шерри на подгузнике, имя Тиффани на столовом серебре, имя

Хэвиленда на фарфоре и над всем сиянием маленьких канделябров с красными абажурами и оттенки стен отражали одежду и лица, заставляя их казаться замечательными (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 36).

3) наречия, обозначающие местонахождение предмета вблизи, рядом (*near by* - «вблизи, около, поблизости»):

- *He would visit the local resorts, or those **near by** in Wisconsin, and spend a few stiff, polished days strolling about conventional places doing conventional things.* (Dreiser, Sister Carrie, p.42).

– Он посещал местные курорты или близлежащие курорты в Висконсине и проводил несколько чопорных, изысканных дней, прогуливаясь по обычным местам и занимаясь обычными делами (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 42).

4) наречия, указывающие местонахождение предмета впереди (*ahead, before* - «впереди»):

- *This man was **far ahead** of her.* (Dreiser, Sister Carrie, p.149).

– Этот мужчина намного опередил ее. (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 149).

5) наречия, свидетельствующие о местонахождении предмета позади, вне пределов ориентира (*behind* - «позади, сзади», *outside* - «вне, снаружи»);

- *So I went **outside**, and sat down in the shade in a corner* (Dickens, David Copperfield, p.101).

– Поэтому я вышел на улицу и сел в тени в углу (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр. 101).

6) наречия, имеющие значение местонахождения предмета внутри (*inside* - «внутри»);

- *...but I was so dead sleepy, that when we stopped on the road to take up somebody else, they put me **inside** where there were no passengers...* (Dickens, David Copperfield, p.43).

– ...но мне так хотелось спать, что, когда мы остановились на дороге, чтобы подвезти кого-то другого, меня посадили внутрь, где не было пассажиров... (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр. 43).

7) наречия, выражающие неопределенное местонахождение предмета (*somewhere* - «где-нибудь», *anywhere* - «кое-где», *elsewhere* - «где-либо, где-нибудь», *where* - «где»);

- *This took him to Fifty-ninth Street, which was as good as **anywhere** else.* (Dreiser, *Sister Carrie*, p.163).

– Это привело его на пятьдесят девятую улицу, которая была так же хороша, как и везде (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 163).

- *She felt as if she ought to continue and inquire elsewhere, but the results so far were too dispiriting.* (Dreiser, *Sister Carrie*, p.117).

– Она чувствовала, что должна продолжить и узнать в другом месте, но пока результаты были слишком удручающими (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 117).

8) наречия, свидетельствующие об отвлеченно-обобщенном или неустановленном местонахождении предмета (*there* - «там», *here* - «здесь», *round, around, about* - «кругом, вокруг», *far* - «далеко», *nowhere* - «нигде»):

- *«I guess I'll go out,» he said to himself, and went, strolling **nowhere** in particular, but feeling somehow that he must go.* (Dreiser, *Sister Carrie*, p.174).

– «Кажется, я выйду», — сказал он себе и пошел, никуда особо не прогуливаясь, но чувствуя как-то, что надо идти. (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 174).

Наречия со значением пространственного направления по своей семантике весьма разнообразны. В различных наречных конструкциях выражаются тончайшие нюансы движения предмета по всем линиям координат. Можно выделить следующие оттенки:

1) движение вниз, снизу, понизу, по нижней части поверхности (*from below* «снизу»):

- *He drew near this lily, which had sucked its waxen beauty and perfume **from below** a depth of waters which he had never penetrated, and out of ooze and mould which he could not understand (Dreiser, Sister Carrie, p.156).*

– Он приблизился к этой лилии, которая впитала свою восковую красоту и аромат из глубины вод, куда он никогда не проникал, из ила и плесени, которых он не мог понять (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 156).

2) движение вверх, сверху, поверху (*up, upwards* »вверх, наверх», *above, over* »сверху», *high* «поверху, верхом, высоко»):

- ***High overhead** was the clean blue sky of the new summer, and in the thickness of the shiny green leaves of the trees hopped and twittered the busy sparrows. (Dreiser, Sister Carrie, p.68).*

– Высоко над головой было чистое голубое небо нового лета, а в толще блестящих зеленых листьев деревьев прыгали и щебетали деловитые воробьи. (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 68).

3) движение предмета близ, рядом (*near, about, round* »рядом», *by* »близко, около», *past, by* «мимо»):

- *Beale, coming east on the same drive, had recognised Hurstwood, but not before he was quite **past** him. (Dreiser, Sister Carrie, p.96).*

– Биэйл, ехавший на восток по той же дороге, узнал Херствуда, но не раньше, чем тот проехал мимо него (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 96).

4) движение вперед, спереди (*on, forward, ahead, onward* »вперед», *ahead, in front, before* »спереди», *far* »далеко, дальше»):

- *Hopelessly he turned back into Broadway again and slopped **onward** and **away**, begging, crying, losing track of his thoughts, one after another, as a mind decayed and disjointed is wont to do. (Dreiser, Sister Carrie, p.231).*

– Безнадежно он снова повернул на Бродвей и поплелся вперед и назад, умоляя, плача, теряя след своих мыслей, одну за другой, как это обычно бывает с разложившимся и разрозненным умом (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 231).

5) движение назад, сзади, по задней части предмета, вне пределов ориентира (*back, backwards* »назад», *behind* »сзади, позади чего-либо», *away, apart* »прочь, вне, за»):

- «*I will*» *she answered, **looking back.*** (Dreiser, *Sister Carrie*, p.80).

– Буду, — ответила она, оглядываясь назад. (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 80).

6) движение вовнутрь, в центр, изнутри, с середины по внутренней, по центральной части (*outside* «изнутри»).

7) обобщенно-отвлеченное направление куда-либо, откуда-либо, по какому-либо месту (*there* «туда», *there* »туда», *here* »сюда», *from there* »оттуда», *from here* »отсюда», *right* »направо», *left* »налево»):

- *For his part, the manager was loaded with the care of this new argument until he reached his office and started **from there** to meet Carrie* (Dreiser, *Sister Carrie*, p.98).

– Со своей стороны, менеджер был загружен заботой об этом новом споре, пока не добрался до своего офиса и не отправился оттуда на встречу с Кэрри (Драйзер, сестра Кэрри, стр. 98).

8) неопределенное направление куда-либо, откуда-либо, по какому-либо месту, т.е. направление движения предмета без указания линий координат, или отрицание направления данной группе наречий соответствуют *somewhere, anywhere, nowhere*, которые имеют значение неопределенного направления и употребляются в разных типах предложений: в утвердительном, вопросительном и в лаконичных ответах соответственно.

- «*But, to be sure, he would be idle here—or **anywhere,** in my opinion.*» (Dickens, *David Copperfield*, p.75).

– Но, разумеется, здесь он будет бездельничать — или, по-моему, где угодно. (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр. 75).

Наречия места, выражающие пространственные отношения, являются сложной и весьма богатой различными семантическими оттенками и нюансами грамматической категорией, которая, как и часть речи в целом, отличается по своим морфологическим, синтаксическим и семантическим признакам от других частей речи.

2.3. Местоимения и местоименные слова для выражения пространственных взаимосвязей таджикского и английского языков

Будучи частью универсума человек не мыслит себя вне пространства и времени. Более того, осознание и освоение человеком пространства начинается с себя. Здесь мы сталкиваемся с самой важной для человека особенностью пространства, на которую указывают многие исследователи категории пространства [Галкина: 2007]. Отправной точкой ориентирования в пространстве является человеческое *его-эго* – Я, от него определяются расстояния, направления, перспективы и т.д. Именно человек в процессе своего опыта отбирает наиболее релевантные для него ориентиры в пространстве, в качестве которых могут выступать внешние системы координат и местоположение говорящего субъекта [Wunderlich: 1982].

Ориентация в пространстве и времени, непосредственное восприятие человеком коммуникативной ситуации связаны с дейктическими единицами.

Дейксис представляет собой основной механизм для включения в высказывание информации из нелингвистического контекста речевого общения. В определении Д. Лайонза, под дейксисом понимается локация и идентификация лиц, предметов, событий, процессов и действий, о которых говорят или к которым отсылают относительно пространственно-временного контекста, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участием в нем, как правило, одного говорящего и, по крайней мере, одного адресата [Лайонз 1978: 88].

По Ю.Д. Апресяну, «фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка. С одной стороны, фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства. С другой стороны, ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов естественных языков – **инчо** и **хозир**, а через них – и всех остальных»

[Апресян, 1995: 10]. Следовательно, пространственный дейксис – указание на пространственную локализацию участников коммуникативного акта.

В большинстве языков местоимения исследуются как части речи, такие как существительные, прилагательные, глаголы и так далее. Эта традиция существует с древних времен. Древние грамматики классифицировали слова, которые одновременно представляли имена и их отличия как особый класс слов: «Местоимение – это слово, которое используется вместо существительного для обозначения определенных лиц». [Маловицкий, 1989: 115].

Местоимение в английском и таджикском языках во многом различается своими особенностями, происхождением, составом, ролью, значением, употреблением, морфологическими категориями, а также своими синтаксическими функциями. Вопрос о происхождении местоимений и их принадлежности к той или иной части речи до сих пор является дискуссионным, о них высказываются разные мнения.

Одни из них исходят из представления о морфологических отношениях, объединяющих местоимения с другими именными частями речи, а другие – о семантике и морфологических особенностях местоимений, отличные от других частей речи.

Местоимение как общелингвистическая проблема в таджикском языке остается недостаточно разработанным. Только некоторым разрядам местоимений посвящены специальные работы, такие как исследование А.Л. Бухоризаде Функция местоименных суффиксов в современном таджикском языке [1954], А.Г. Мулкиджаниян Функционирование указательных местоимений в современном таджикском литературном языке [1987] и общая работа М.Н. Наханговой Местоимения в современном таджикском языке [1971].

Особенно необходимо выделить диссертационную работу и монографию Б. Сиёева, посвящённую истории развития местоимений в таджикском языке [Сиёев, 1972] и раздел Местоимение в Академической

грамматике современного таджикского литературного языка, который так же принадлежит перу Б. Сиёева [Сиёев, 1985, 156-171] и где можно найти наиболее полные сведения о значениях и функциях местоимений в таджикском языке.

Местоимениям в английском и таджикском языках посвящены несколько кандидатских диссертаций и более 30 научных статей.

Исследователи таджикского языка при определении местоимений подчеркивают функцию их замещения. Начиная с первого исследователя таджикского языка Сайдризо Ализода, местоимения были идентифицированы как заменители других частей речи. Например, Ш. Ниази характеризовал местоимение «как часть речи, замещающую имя, предмет или прилагательное и в то же время выражающую существительное, прилагательное или прилагательное по отношению к событию» [Ниёзӣ, 137:147].

Более подробное описание местоимений таджикского языка дает М.А. Нахангова: «Местоимение – это часть речи, относящаяся к лицу или предмету и выражающая значение знака в двух грамматических падежах (состояниях) – субъективно-объективном, которые за счет сочетания приставок, суффиксов и изафетов включают соответствующие слова в синтаксическую позицию слова. придаточные предложения и сообщения Этим словам придаются одинаковые слова в функции главного члена предложения, а также в грамматических категориях времени и числа независимо от синтаксической функции, благодаря разряду прилагательных» [Нахангова, 135:122].

В отношении местоимений мы принимаем толкование, приведенное в «Энциклопедическом словаре языкознания»: Местоимение – это семантический лексический класс самостоятельных слов, в содержание которого входит либо отнесение к соответствующей словесной действительности (к ее участникам, состоянию речи или к самой мысли), либо отнесение к связному типу словесной речи с неязыковая реальность (ее

денотативный статус)» [Лингвистический энциклопедический словарь 113:87]. Это описание в полной мере применимо как к таджикским, так и к английским заменителям.

Таким образом, по смысловому соответствию с другими частями речи и грамматическим признакам местоимения, в том числе личные местоимения, во всех изучаемых языках делятся на три группы:

- местоимения-существительные: – ман, ту, вай (ӯ, он), кӣ, чӣ, ким-кӣ, ким-чӣ – я, ты, он (он, она), кто, что, кто-то, что-то.
- местоимения-прилагательные: аз они ман, аз они ту; ин, он, кадом – мой, твой; этот, тот, который.
- местоимения-числительные: чанд, якчанд – сколько, несколько.

По значению местоимения в сопоставимых языках делятся на следующие группы: личные, определенные, притяжательные, вопросительные, относительные, отрицательные, неопределенные, определенные.

К средствам выражения пространственного дейксиса относятся такие единицы, которые содержат указание на местоположение или направление движения относительно некоторого центра пространственной координации. Центром пространственной координации может быть сам говорящий, в этом случае говорят о субъективном дейксисе, или любая другая точка пространства, когда местоположение предметов детерминируется реальной действительностью, безотносительно к субъекту речи, в этом случае говорят об объективном дейксисе.

Традиционно к словам пространственного дейксиса относятся: 1) местоименные наречия места: here – здесь – инҷо; 2) указательные местоимения: this – этот – ин, that – тот – он.

Традиционно к словам пространственного дейксиса относятся: 1) местоименные наречия места: **here** – **здесь** – **инҷо**; 2) указательные местоимения: **this** – **этот** – **ин**, **that** – **тот** – **он**.

Общим в семантике пространственных слов является то, что они характеризуют лица или предметы по признаку удаленности от центра речевого пространства, классифицируя их как «ближний» или «дальний» предметы, например, этот реализует сему «*близость по отношению к говорящему лицу*», тот реализует сему «*отдаленность от говорящего лица*». Но каждый раз в конкретной ситуации местоимения соотносятся с разными местами и разными объектами.

По мнению А.М. Пешковского, «существуют категории, которые можно назвать субъективно-объективными и которые выражают различные отношения самого говорящего и мыслящего к тому, что он говорит и мыслит... Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют именно это субъективно-объективное значение, то есть означает отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» [Пешковский 1938: 163].

В системе местоимений своеобразно выражается отношение человека к окружающему его пространству: выделяются местонахождение человека и направление движения по отношению к говорящему или от него. Направление, в свою очередь, дифференцируется с учетом начального и конечного пункта движения.

К.Е. Майтинская указывает на то, что дейктические системы могут состоять из разного количества членов. По противопоставлению типов указания на степень расстояния наиболее проста двучленная система. Более сложны дейктические системы, в которые входят три, четыре и более местоимений, противопоставленных по указанию на разные степени удаленности [Майтинская 1969: 70].

С точки зрения характера семантики и выполняемых в языке функций И.А.Галкина выделяет три типа относительной характеристики предметов, лиц, событий: а) субъективная указательность (характеристика относительно субъекта речи) – собственно дейктические средства; б) объективная

указательность (характеризация одного объекта, явления относительно другого, т.е. как они соотносятся в объективной действительности) – словестные знаки с дейктической семой; в) внутриструктурное указание (анафорическое, эпифорическое, коррелятивное и др.), указание на части относительно целого (фраз – в предложении, членов – в сочетаниях и т.п.) (Галкина, 2009:6).

Достаточно распространена точка зрения, когда указательность рассматривается только как функция, связанная с отсутствием у местоимений значения, единственная их функция заключается в том, чтобы привлечь или, наоборот, отвлечь внимание от объекта или объектов.

Указательные местоимения занимают сравнительно небольшую нишу среди средств выражения пространственных отношений, тем не менее, это не умаляет их роли среди данных средств.

Функции указательных местоимений весьма многогранны и чрезвычайно важны для языка. При помощи указательных местоимений говорящий выделяет любой предмет из ряда подобных и привлекает к нему внимание собеседника. При их помощи может быть обращено внимание на то, о чем будем речь в дальнейшем (предваряющая функция) и может отсылаться к тому, о чем шла речь ранее (анафорическая функция); указательные местоименные слова относятся к наиболее употребительной лексике: обладая способностью заменять не только отдельные слова, но также и целые предложения и даже большие отрывки текста, они помогают экономно выражать мысли, а, также избегать излишних повторений, т.е. делать речь разнообразной и стилистически обработанной. По мнению Петровой О.В. широко распространенное представление о дейктичности местоимений опирается, по-видимому, на несомненную дейктичность личных и указательных местоимений. Указательные местоимения выражают пространственную соотнесенность выделяемого предмета с говорящим или хронологическую последовательность событий относительно момента речи «ближе» или «дальше» во времени. Указательные местоимения могут

обозначать разные направления на временной оси. В этом качестве они выполняют в предложении синтаксическую функцию обстоятельства времени и подлежащего. В обстоятельственной функции такое словосочетание встречается в 6 раз чаще, чем в функции подлежащего (Петрова, 1989: 30).

Указательные местоимения имеют самые различные локальные оттенки значения: «**this**», «этот», «хамин»; «**that**», «тот», «хамон» (близкий к тому, кому говорится, ср. Take this book «Ин китобро гиред», «Возьмите эту книгу»).

- «*For being quite alone and dependent on myself in **this** rough world again, yes, I fear he did indeed,*»sobbed my mother. (Dickens, David Copperfield, p.12).

– «За то, что я снова совершенно одинок и зависел от себя в этом суровом мире, да, я боюсь, что это действительно так», — всхлипывала моя мать. (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр. 12).

В примере мы видим использование указательного местоимения со словосочетанием, выраженным прилагательным и существительным, которое называет место и время, когда живет пероснаж.

- «*Then, how can you dare,*»said my mother — 'you know I don't mean how can you dare, Peggotty, but how can you have the heart — to make me so uncomfortable and say such bitter things to me, when you are well aware that I haven't, **out of this place**, a single friend to turn to?»– Местоимение **this** указывает и конкретизирует: *вне данного места, не здесь*.

– Тогда как вы смеете, -- сказала моя мать, -- вы знаете, я не имею в виду, как вы смеете, Пегготи, но как вы можете иметь мужество -- причинять мне такое неудобство и говорить мне такие горькие вещи, когда Вы прекрасно знаете, что у меня нет ни одного друга, кроме этого места, к которому я мог бы обратиться? – Место возникновения этой тревоги и конкретизируется: *вне данного места, не здесь*.

- *One thing I particularly noticed in **this** delightful house, was the smell of fish; which was so searching, that when I took out my pocket-handkerchief to wipe my nose, I found it smelt exactly as if it had wrapped up a lobster.* (Dickens, David Copperfield, p.18).

– Одна вещь, которую я особенно заметил в этом восхитительном доме, был запах рыбы; Это было так придирчиво, что, когда я вынул носовой платок, чтобы вытереть нос, я обнаружил, что он пах точно так же, как если бы он завернул омара. (Диккенс, Дэвид Копперфилд, стр. 18).

В данном примере мы снова сталкиваемся с усиливающим признаком предмета, путем использования местоимения **this**: *именно в этом, данном* прелестном доме, персонаж замечал одну закономерность, *именно здесь* пахло рыбой. В словосочетаниях this+N (пространственного значения) указательное местоимение называет место, существующее в объективной ситуации, ограниченное определенными пространственными рамками и выраженное конкретными существительными, обозначающими различные рамки этого пространства.

- *I see myself emerging one evening from some of **these** arches, on a little public-house close to the river, with an open space before it, where some coal-heavers were dancing; to look at whom I sat down upon a bench. I wonder what they thought of me!* (Dickens, David Copperfield, p.88).

– Я вижу себя выходящим однажды вечером из одной из этих арок в маленькую трактирку у реки, с открытой площадкой перед ней, где танцевали угольщики; посмотреть на кого я сел на скамейку. Интересно, что они обо мне подумали! (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр. 88).

- *After all these occasions Mrs. Micawber made a little treat, which was generally a supper; and there was a peculiar relish in **these** meals which I well remember* (Dickens, David Copperfield, p.92).

– После всех этих событий миссис Микобер готовила небольшое угощение, которым обычно был ужин; и в этих трапезах был особый вкус, который я хорошо помню (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр. 92).

- *One of our men, however, informing me on my asking him about **these** places, that they were all close together, I deemed this enough for my object, and resolved to set out at the end of that week.* (Dickens, David Copperfield, p.97).

– Однако один из наших людей сообщил мне, когда я спросил его об этих местах, что все они расположены близко друг к другу, я счел этого достаточным для своей цели и решил отправиться в путь в конце той недели (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр.97).

Словосочетания с **that** указывают на конкретный пространственный объект. Они могут занимать любую позицию в предложении (начальную, конечную, приглагольную), употребляться с предлогом и без. Ядром в этих словосочетаниях могут быть существительные с пространственным значением. Указательное местоимение актуализирует эти понятия в пространстве:

- *«I hope it wasn't the boat that—»«That father was drowned in?»said Em'ly. «No. Not **that** one, I never see that boat.»*(Dickens, David Copperfield, p.20).

– Надеюсь, это была не та лодка, в которой... – Отец утонул? – сказала Эмли. "Нет. Не тот, я никогда не видел ту лодку. (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр. 20).

- *At last she shed tears on **that** subject, and said again that she was «a lone lorn creetur»and everythink went contrary with her».* (Dickens, David Copperfield, p.22).

– Наконец она расплакалась по этому поводу и снова сказала, что она «одинокая, покинутая тварь» и все мысли идут против нее». (Диккенс, Дэвид Копперфильд, стр. 22).

- *In the meantime, I learnt lessons at home. Shall I ever forget **those** lessons!* (Dickens, David Copperfield, p.29).

– Тем временем я учил уроки дома. Неужели я когда-нибудь забуду эти уроки! (Диккенс, Дэвид Копперфилд, стр. 29).

- *The length of **those five days** I can convey no idea of to any one.* (Dickens, David Copperfield, p.33).

– Продолжительность этих пяти дней я не могу передать никому. (Диккенс, Дэвид Копперфилд, стр. 33).

Местоимения выступают в двух аспектах: 1) дейктическом, т.е. указательном – ориентация на экстралингвистическую ситуацию и 2) лингвистическом, ситуативном, т.е. анафорическом.

Так как в этом параграфе мы рассматриваем место и роль местоимения как средства выражения пространственных отношений английском языке, то мы сочли необходимым в компаративистских целях в сравнительно-историческом разрезе языкознания изучить роль указательных местоимений в выражении пространственных отношений на материале древнеанглийского языка.

Пространство каждой материальной системы принципиально незамкнуто, непрерывно переходит в пространство другой системы, которое может отличаться по метрическим и иным локальным свойствам. Отсюда проистекает многосвязность реального пространства, его неисчерпаемость в количественных и качественных отношениях. В процессе расширения знаний об окружающем мире, человек неизбежно переходит от чувственной системы отсчёта к использованию различных языковых средств.

Помимо антропоморфных существительных и прилагательных, являющихся базовой лексикой в реализации пространственных отношений, для обозначения более чёткой ориентации в пространстве привлекаются

различные части речи, например наречия, пространственные прилагательные, глаголы движения, указательные местоимения, предлоги, модели с провербами.

Указательные местоимения занимают сравнительно небольшую нишу среди средств выражения пространственных отношений, тем не менее, это не умаляет их роли среди данных средств.

Термины, выражающие в разных языках понятие «местоимение», восходят большей частью к античным грамматическим терминам – греч. *antonymia* или лат. *pronomen*, которыми обозначались слова, используемые в качестве имён.

В элементах языка вообще и в лексических единицах в особенности находят отражение не только субъективные, но и объективные пространственные и временные характеристики предметов. Соответственно в языковых средствах, в семантике отдельных слов или целых микросистем находят выражение разные виды характеристики предметов, лиц, событий, определение их пространственных и временных связей через отношение друг к другу.

С точки зрения характера семантики и выполняемых в языке функций, можно выделить три типа относительной характеристики предметов, лиц, событий:

1) субъективная указательность (характеристика относительно субъекта речи) – собственно дейктические средства;

2) объективная указательность (характеризация одного объекта, явления относительно другого, т.е. как они соотносятся в объективной действительности) – словесные знаки с дейктической семой;

3) внутриструктурное указание (анафорическое, эпифорическое, коррелятивное и др.), указание на части относительно целого (фраз в предложении, членов – в сочетаниях и т.п.).

Достаточно широко распространена точка зрения, когда указательность рассматривается только как функция, связанная с отсутствием у

местоимений значения. Подобно указательным жестам, слова-указатели лишены значения; единственная их функция заключается в том, чтобы привлечь или, наоборот, отвлечь внимание от объекта или объектов [Collinson 1937: 5]. Иногда отмечается, что местоимения, в ряду других языковых единиц, представляют собой «пустые слова», которые приобретают смысл только во фразе [Tesniere 1959: 86].

Существует, однако, и другая точка зрения, в соответствии с которой местоимения всегда служат знаками определённого концепта, информации, которая независима от контекста и складывается из набора сложно организованных признаков, а указательность понимается как определённый вид значения. Специальные исследования на материале разноструктурных языков неоспоримо свидетельствуют о том, что дейктические элементы возникают лишь на определённом этапе развития абстрактного мышления, ибо можно себе представить языки и без указательных слов. Однако, формируясь, дейктические элементы возникают на базе «назывательных слов». К.Е. Майтинская, описавшая постепенное переосмысление назывательных слов и превращение их в местоимения, полагает, что первым, универсальным для всех языков разделением слов было их деление на назывательные и дейктические категории. Это деление предшествовало всем другим, в том числе и очень древнему разграничению имени и глагола [Майтинская 1969: 123]. Местоимённые же слова возникли на основе полнозначных названий.

По сравнению с другими местоимениями, формирование указательных местоимений оказалось наиболее естественным и лёгким процессом, т.к. особенно характерной для первичных частиц была как раз собственно-указательная функция, в то время как функции, характерные, например, для личных и вопросительных местоимений, были как бы вторичными, редко выступающими [З. С. 107].

Местоимения имеют своё собственное означаемое, причём построенное довольно сложным образом. Его можно представить в виде

комбинации дифференциальных признаков, которые отражают разные аспекты функционирования местоимений и находятся в сложных соотношениях друг с другом. Некоторые из этих признаков отражают собственно местоимённые характеристики и определяют особенности функционирования данной формы как дейктического средства, другие связаны с синтаксической ролью местоимений в именных и глагольных конструкциях (автономность/неавтономность, субъектность/объектность), третьи – с отношением местоимения к категориям замещаемого имени или соотносительного элемента текста (предметность/непредметность, род, одушевленность). Каждая местоимённая форма включает общий для всех местоимений признак, который условно можно назвать признаком «прономиальности», и признак соответствующего местоимённого подкласса, например «персональность» для личных местоимений или «демонстративность» для указательных, а также не менее одного из каждой подгруппы признаков [4. С. 4].

Указательные местоимения являлись и являются предметом частого и всестороннего изучения. Достаточно отметить ставшие классическими работы Е.К. Майтинской (1969), Дж. Лайонза (Lyons, 1977), К. Бюлера (Bühler, 1993), сборники по данной проблематике *Here and there* (1982) *Speech, place and action* (1982), *Essays on deixis* (1983).

В отечественной лингвистике трактовка местоимений как указательных слов была впервые представлена в работах А.А. Потебни (1958) и получила своё дальнейшее развитие (Майтинская, 1969; Вольф, 1974; Уфимцева, 1975; Падучева, Крылов, 1983; Крылов, 1984).

История изучения указательных местоимений в германских языках также значительна и насчитывает несколько десятков специальных работ, которые носят как чисто описательный характер, так и сопоставительный и даже типологический.

Указательные местоимения современного английского являются смешанными, т.к. в их значениях отражены древнейшие функции усиленных и ослабленных указательных местоимений.

В грамматике всех индоевропейских языков отмечаются три различные грамматические подсистемы указаний, или дейксиса (от греч. слова, означающего «указание») 1) «Я – дейксис»; 2) «Ты – дейксис»; 3) «Он или Оно – дейксис» (в нашей системе этот – другой – тот) [5. С. 104].

Теоретические основы разграничения основных видов языкового указания, выражаемого местоимёнными словами, были намечены ещё К. Бругманом, который наряду с понятием общего внутривидового указания выделил трёхчленную дейктическую систему местоименных слов с указанием на сферу говорящего (Ich deixis), адресата речи (Du deixis) и на сферу неучаствующего в акте речи – третьего лица (Jener deixis) [6. С. 321].

По сравнению с системой указания, выделенной К. Бругманом относительно категории коммуникативного лица, К. Бюлер в работе «Теория языка» (1934) расширил поле указания путём выделения из лексических средств слов пространственного и временного дейксиса. Он выделял три типа дейксиса по результатам и форме выражения средствами языка: указание на видимое, на представляемое и на отношение (предшествования, последовательности, корреляции) частей целого речевого высказывания.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию значений, выражаемых указательными местоимениями в древнеанглийском языке [7], мы остановимся на рассмотрении пяти основных пространственных противопоставлений, выделяемых в работе Х. Диссела (Diessel, 1999). Мы проводим исследование языков в соответствии с пятью параметрами: расстояние, высота, видимость, география, движение. Все перечисленные противопоставления Х. Диссел считает дейктическими, т.е. указывающими на положение объекта в пространстве относительно дейктического центра, а именно говорящего.

Иного мнения придерживается Ч. Филлмор, считая дейктической лишь оппозицию по расстоянию [9. С. 51]. Аналогичная трактовка приводится и в работе В.А. Плунгяна (2000). На наш взгляд, лишь три оппозиции, перечисленные Х. Дисселом, можно считать в большей степени дейктическими (а именно расстояние, видимость, высота). Автор считает, что все языки имеют хотя бы два указательных местоимения: указательное местоимение со значением близости (*proximal demonstrative*), обозначающее объект, находящийся рядом с дейктическим центром, и указательное местоимение со значением удалённости (*distal demonstrative*), которое обозначает референта, находящегося на некотором расстоянии от дейктического центра.

К.Е. Майтинская выделяет три признака, связанных с пространственным расположением: противопоставление по расстоянию, противопоставление по разноплановости пространственных направлений и противопоставление по видимости/невидимости [3. С. 79].

В древнеанглийском выделяются две группы указательных местоимений. В одной из них значение указательности в значительной мере ослаблено; во второй оно проявляется в полной мере. В первой группе формы мужского и женского рода в единственном числе (*sē* «тот», *sēo* «та» супплетивны: в именительном падеже корень один, в косвенных – другой, например род. п. *þæs*, *þære*).

Древнеанглийские формы указательного местоимения не вполне соответствуют формам других германских языков; большинство их восходит к и.-е. основе **to*, между тем как в других языках эти местоимения исходят из основы **te*.

Местоимения этой группы сопровождают существительное, не выражая указательности; они очень близки к современному определённомu артиклю *the*, поэтому некоторые лингвисты считают, что они уже являются артиклем. Но *sēo*, *sē*, *þæt* могут употребляться анафорически в значении, близком значению личных местоимений, притом, что артикль не может

замещать существительное или функционировать без существительного. Поэтому несмотря на несомненную близость указательных местоимений этой группы к артиклю, всё же, по мнению И.П. Ивановой, представляется преждевременным считать, что они уже им стали [8. С. 114].

Первая группа указательных местоимений распадается в среднеанглийский период. Супплетивная форма именительного падежа мужского рода *se* выравнивается по аналогии с косвенными падежами: появляется форма *þe, the*. В течение недолгого времени (до середины XII в.) ещё встречаются остатки склонения – *þen, þon* в винительном падеже; в дальнейшем они исчезают, и остаётся неизменяемая форма *the*, являющаяся впоследствии определителем существительного – артиклем.

Форма именительного падежа среднего рода *that* функционирует наряду с *the* до конца среднеанглийского периода; в дальнейшем усиливается его указательное значение и *that* закрепляется в группе указательных местоимений.

В форме творительного падежа среднего рода др.-англ. *þu* гласный редуцировался в XIII в. Внешне эта форма совпала с артиклем и стала компонентом словосочетания со сравнительной степенью прилагательного, в этой функции существует и сейчас (*the more, the better*).

Форма множественного числа – др.-англ. *þā*, с середины XIII в. *Þō* сохраняется в течение среднеанглийского периода.

Вторая группа местоимений *þes, þis, Þēos* со значением «этот», которые употреблялись как чисто указательные, сохраняет флективные формы в течение XI–XII вв. В XIII–XIV вв. происходит обобщение форм; категория рода утрачивается, прежняя форма среднего рода *this* вытесняет остальные формы. Форма множественного числа *Þōs* постепенно исчезает. На юге, наряду с исчезающей формой *thos*, образованы новые формы множественного числа *thise, these*, очевидно, от старых *þis, þes*. Например: *Eal middangeard and Þás windas, and Þás regnas* «вся земля, и эти ветра, и эти дожди» (Blickl. Homl. 51, 19); *þes ys swiðes sunu* «не плотника ли это сын»

(Mt. Kmb. 13, 55); *Ponne sculon hie Bās helle sēcan and Bās grimman grundas* «и должны они тогда пойти в ад, в эти ужасные бездны» (Gen. 407); *Eádweard cyngre gret mine biseopas and mine eorlas, and alle mine Bengas on þam sciren þær Sce Edmund hafaþ land inne freondlice* «король Эдуард дружелюбно приветствует епископов, эрлов и тэнов тех районов, где находится земля монастыря Св. Эдмунда» (Chr. 11, 1044-1065); *He gesēceþ fægre land þonne þeós folde* «он будет искать землю более прекрасную, чем эта» (Cd. 299).

Древнеанглийское указательное местоимение *zeon* «тот» от и.-е. местоимённой основы **ie/*io*, от которой образованы греческое и древнеиндийские относительные местоимения, засвидетельствовано только один раз в предложении *ārīs and gong tō 3 eonre burz* «встань и пойдёшь в тот город» (Past. 17). Из формы род.-дат. п. ед. ч. ж. р. *zeonre* развилось ср.-англ. *yonder* (с развитием смычного *d* между *n* и *r*), которое после предлогов служит указательным местоимением «тот». Например: *At 3 ondere hille hafe I ben* «на том холме я был» (Past. 17), но употреблялось в первую очередь в функции наречия «туда» и атрибутивно, после определённого артикля, в функции прилагательного «тамошний», «там», например: *That dwellyd upon the yonder hille* «который жил на том холме», *Of hire that rometh in the yonder place* «той, которая бродит в том месте» (Chaucer, Canterbury Tales, Knight's Tale, A 1119). В среднеанглийский период *yonder* употребляется и как указательное местоимение, напр. *3 ond gentyl knyzt* «тот благородный рыцарь».

Местоимения указывают на степень удалённости характеризуемого предмета от центра речевой координации и на видимый или невидимый для коммуникантов предмет. В этом случае в большей степени актуализируется сема «указание на неизвестный/известный для общающихся предмет». Например: *And ferde sē cyng him hām* «и поехал себе тот король домой» (Past. 17); *Sē hlaforð nām hit him to his frenden* «этот господин отправился к своим друзьям» (Bd. I, 12); *þā stōwe mid helwarum* «то место с жителями ада» (Mk.

Skt. 4, 5); *Sē dæġ þær āweg cōm* «та долина, которая попала на пути» (Ors.I,I).

Таким образом, в древнеанглийском языке существовало два указательных местоимения – простое и усиленное (сложное). Каждое из них имело полную систему форм, одно из которых указывало на близкое, другое – на удалённое расстояние от говорящего. Из проведённого нами исследования видно, что роль указательных местоимений менее значительна в конкретизации местоположения субъекта или объекта в пространстве по сравнению с наречиями места, глаголами движения и их моделями с превербами.

Единичные случаи употребления в др.-англ. зеон «тот» и сохранение данного корня в форме *yonder* в ср.-англ. период, главным образом в функции наречия, свидетельствуют о том, что, возможно, в дописьменный период древнеанглийского языка существовало больше градаций или по степени удалённости или по степени видимости/невидимости.

Теоретические основы проблемы изучения личных местоимений лингвистами и рассмотрение нескольких точек зрения позволяют сделать заключение, что неоднородность морфологических, синтаксических и семантических признаков является одной из характеристик этого типа слов. Такое положение позволило некоторым ученым полностью исключить местоимения из системы частей речи и выделить их в другие классы слов. Другие исследователи настаивали на признании местоимений отдельной частью речи, ориентируясь при этом на их семантические и синтаксические признаки, т.е. на критерии их отличия от тех, на основании которых они выделяют остальные классы слов. Это говорит о том, что местоимения занимают особое место в системе частей речи в силу принципов, по которым они классифицируются.

Особый статус местоимений в системе всех языков обусловил всестороннее их изучение, что нашло отражение в обширной литературе как по отдельным словам и их группам, так и по классу в целом. Поддерживаем

мнение К.Е. Майтинской, отмечая, что единого мнения о природе класса местоимений нет, поэтому некоторые языковеды понимают сущность местоимений в их лексическом значении (эти слова не называют понятия, относят к ним и т. д.), другие по своим функциям (эти слова заменяют самостоятельные слова), а третьи считают обе эти особенности одинаково важными.

Для описания сущности местоимений на этом этапе разработан ряд подходов. Во-первых, местоимения выводятся из положения теории смещения (детерминации) (или субститутции и репрезентации); во-вторых, согласно теории знака (дейксис); в-третьих, с точки зрения референтной теории. Рассмотрение возможностей не того или иного языкового понятия, а всех языковых понятий объясняется необходимостью системного подхода к проблеме замен, включающих в себя разносторонность и многообразие синтаксико-семантических функций. На наш взгляд, акцентирование внимания на каком-либо аспекте, зависящем от функционирования системы замещения, приводит к невниманию к средствам замещения, нарушению порядка и полноты исследования в рамках самих местоимений.

Традиционное рассмотрение и исследование местоимений как слов-заменителей основано на этимологии термина (греч. *antonymia*, латинское *pronomen*), так как древних грамматиков интересовала именно эта способность слов «используемых вместо имён». Согласно теории замещения, местоимения являются «словами-заменителями» или «субститутами», «заместителями», «внешними формами», реже «репрезентантами» и их основная функция – замещение.

2.4. Предлоги в виде отдельного метода пространственных отношений в науке о лингвистике

Одним из наиболее значимых и интересных с точки зрения семантики средств выражения пространственных отношений в языке являются предлоги. В современной науке о языке изучению семантики лексических единиц уделяется огромное внимание. Однако предлоги как отдельный класс слов долгое время либо находились на периферии проводимых семантических исследований, либо рассматривались как грамматические средства языка с точки зрения формально-лингвистического подхода. Такие исследования, несомненно, внесли огромный вклад в развитие лингвистики, но, вместе с тем, существует и некоторая нехватка знаний в этой области, восполнение которой позволило бы более четко определить статус лексического значения предлогов и его соотношение с грамматическим значением, выявить случаи многозначности и установить разграничения между значениями синонимичных предлогов. Что особенно важно – детальное изучение значения предлогов с использованием когнитивного подхода [Кубрякова 2001, Сазонова 2000] дало бы возможность установить содержание пространственных концептов, актуализируемых предлогами, а также выявить основные характеристики описываемых предлогами денотативных ситуаций.

Наличие такой необходимости побудило целый ряд исследователей, как отечественных, так и зарубежных, обратиться к изучению значимой стороны предлогов. За последние 20–25 лет появилось достаточное количество работ, в которых анализируются как отдельные предлоги, так и целые их группы. В этих работах авторы пытаются установить способы и формы концептуализации и вербализации пространственных отношений в различных языках, раскрывают своеобразие пространственных концептов и устанавливают их биологические, индивидуальные и лингво-культурологические особенности [Богданова 2007; Бороздина 2003, 2009;

Мальцева 2004; Маляр 2002; Маляр, Селиверстова 1998; Селиверстова 2004; Herskovits 1986, 1988; O'Keefe 1996; Syntax and Semantics of Prepositions 2006; Talmy 1988; Tyler, Evans 2003 и др.]. Особую трудность представляет собой понимание термина «значение» в отношении предлогов, так как достаточно долгое время в лингвистике выражение «значение предлога» отождествлялось только с его грамматическим значением. Это было связано, с одной стороны, с различным пониманием природы грамматического значения, а с другой – с недостаточной изученностью значения самих предлогов и их принадлежностью к служебным словам, основная функция которых – оформлять подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании и предложении.

Исследования последних лет, показавшие, что предлоги не только не лишены лексического значения, но и имеют сложную семантическую структуру, позволяют дополнить традиционное определение лексического значения предлогов, которое определяется как «указание на то или иное отношение» [Селиверстова О.Н. 2004] указывала на то, что лексическим значениям предлогов соответствуют некоторые общие понятия, такие как пространство, время, причина и т.д., которые в комбинации с грамматическим значением предлога представляются как отношения с распределёнными актантными ролями, приписываемыми денотатам знаменательных слов.

Среди обязательных условий в изучении значения предлогов находится требование детального исследования их однозначности/многозначности. В исследованиях некоторых авторов [Кибрик 1970] у предлогов постулируется одно значение, обобщающее все возможные семантические варианты. Однозначность предлогов может характеризоваться и в терминах «идеального значения», которое затем подвергается адаптационным сдвигам [Herskovits 1986]. Однако необходимо отметить, что идея многозначности предлогов получает всё большее распространение в работах зарубежных и отечественных лингвистов [Бороздина 2003, 2009; Мальцева 2004; Маляр

2002; Маляр, Селиверстова 1998; Селиверстова 2004; Syntax and Semantics of Prepositions 2006; Tyler, Evans 2003].

С признанием многозначности предлогов становится актуальной задача определения характера связей между значениями одного и того же предлога, иными словами – выявление структуры многозначного слова. Существует мнение о том, что значение многозначных предлогов строится по принципу радиально организованной категории с прототипическим значением в её центре [Lakoff 1987]. Кроме того, отдельные значения предлога могут формироваться под влиянием преобразования пространств, изменения типа непространственных отношений, перехода контекстных вариантов в отдельное значение, разграничения членов микросистемы. Такой тип многозначности не следует отождествлять с «идеальным значением» и «функциональными вариантами», которые выделяет А. Герсковиц [Herskovits 1988]. Многозначность может строиться и на видоизменении исконной геометрической «фигуры» [Маляр, Селиверстова 1998].

Ещё одним фактором, влияющим на употребление предлога и его значение, является выбор способа концептуализации денотата, характерного для того или иного языкового сообщества, который предшествует собственно выбору языковой единицы.

К числу проблем, затрагивающих семантику пространственных предлогов, относится проблема определения содержания тех концептов, которые актуализируются предлогами в сознании носителей языка. Значение предлога может выходить за рамки геометрии и топологии и должно описываться с учётом тех функциональных связей, которые существуют между объектами [Бороздина 2003, 2009; Мальцева 2004; Маляр 2002; Селиверстова 2004; Vandeloise 1994].

Вышеуказанные специфические черты предлогов учитывались нами при исследовании группы английских и русских предлогов «удаления» (из, от с, out of, from, off). В качестве примера в статье приводятся результаты анализа семантики, а также характеристик описываемых денотативных

ситуаций одного из наименее исследованных английских предлогов – предлога off.

Исследуемый предлог происходит от стоящего под ударением наречия of. С XV века он стал отдельным словом и приобрел современную графическую форму, при этом частично сохранив исконное значение of: отделение, отдаление (от, с, прочь с, подальше от чего-либо) в сочетании с понятием определенной поверхности [Аксененко 1956].

В работе Е.А. Рейман [Рейман 1982] указывается, что предлог off выражает отношение удаления с основы, с поверхности, опоры, отношение дезаппликации. Основа может быть и нематериальной, например, тема разговора. Положительной стороной такого определения является указание не только на пространственные отношения между референтом (X) и релятумом (Y), но и на существование функциональной связи между объектами: Y служит опорой для X.

Для выявления основных характеристик, описываемых предлогом денотативных ситуаций мы прибегли к опросу информантов (15 носителей английского языка из США). Информантам предлагалось оценить возможность/невозможность использования исследуемого предлога в высказываниях (1–16) с различными видами релятума. Опрос показал, что в первом значении – «указание на удаление X с поверхности-опоры» (off 1) предлог устанавливает следующие ограничения на употребление релятума: Y (или какая-либо его часть) должен быть таким объектом, который способен выполнять функцию опоры. Во втором значении – 'указание на нахождение за пределами поверхности-плоскости Y' (off 2) данный предлог может использоваться практически с любым релятумом.

(1) Paul jumped off the house – Пол спрыгнул с дома.

(2) Paul jumped off the forest – Пол спрыгнул с леса.

(3) Paul jumped off the corner (of the room) – Пол спрыгнул с угла (комнаты).

(4) Paul jumped off the tunnel – Пол спрыгнул с туннеля.

- (5) Paul jumped off the border – Пол спрыгнул с границы.
- (6) Paul jumped off the crowd – Пол выпрыгнул из толпы.
- (7) Paul jumped off the country – Пол спрыгнул с поля.
- (8) Paul jumped off the water – Пол спрыгнул с воды.
- (9) Paul was off the house – Пола не было дома.
- (10) Paul was off the forest – Пол был вне леса.
- (11) Paul was off the corner (of the room) – Пол был за углом (комнаты).
- (12) Paul was off the tunnel – Пол был вне туннеля.
- (13) Paul was off the border – Пол был за границей.
- (14) Paul was off the crowd – Пол был вне толпы.
- (15) Paul was off the country – Пол был за границей.
- (16) Paul was off the water – Пол был вне воды.

В предложениях (1)–(8) off используется в первом значении. Все информанты отметили высказывания (2, 3, 6, 7) как невозможные, так как представленные в этих предложениях релятивы не могут выполнять функцию опоры, хотя у некоторых из них есть реальная или воображаемая поверхность.

Контекст предложений (9)–(16) позволяет использовать предлог off во втором значении, при этом не было установлено ограничений на употребление релятива. Все предложения получили достаточно высокую оценку информантов (12 из 15 опрошенных). В качестве дополнения к предложенной формулировке off 2 информанта отмечали, что off указывает на отсутствие возможности оказания Y влияния на X. Анализ корпуса примеров с исследуемым предлогом показал, что off вводит представление о двухмерной поверхности. Предлог актуализирует ту поверхность Y, которая может быть опорой. При этом говорящий абстрагируется от реальных пространственных характеристик трехмерного Y, выделяя в нем только одну из поверхностей, на которой находится X. (17) Just as the monster wave curled in solemn majesty to fling its bulky weight upon the beach most of the swimmers slid back into the trough behind; others slipping off their boards seized them in

their hands, and plunging through the watery waste, swam out to repeat the amusement... [Ballantyne, 151] .

В семантике предлога off присутствует указание на перемещение по поверхности Y сверху вниз.

(18) ...being afraid of rolling off the narrow ledge [Murdoch, 213].

боясь скатиться с узкого уступа [Мердок, 213].

(19) His arm was very very slowly sliding off the parapet. [Murdoch, 213].

Его рука очень-очень медленно соскальзывала с парапета. [Мердок, 213].

(20) He rolled off the heap of sand [Ballantyne, 74].

Он скатился с кучи песка [Баллантайн, 74].

Интересны случаи употребления off со словами, обозначающими транспортные средства. Так, в английском языке некоторые транспортные средства, являющиеся в реальности трехмерными объектами, концептуализируются как двухмерные плоскости (/on the buss).

(21) He got off the bus and began to walk quickly past the rows of semi-detached houses [Murdoch, 77].

Он вышел из автобуса и быстро пошел мимо рядов двухквартирных домов [Мердок, 77].

В значении удаления референта с поверхности релятума, лишения X его опоры, X может выступать как пациенс. X крепился к опоре, плотно к ней прилегал, но под действием внешней силы X удаляется с нее.

(22) A tremendous wave broke on our stern, tore the rudder off, and left us on the mercy of the winds and waves [Ballantyne, 14].

Значение предлога может указывать на нахождение X за пределами плоскости Y (локатив) (off 2).

Значение предлога может указывать на нахождение X за пределами плоскости Y (локатив) (off 2).

(23) ...when the captain hailed us in a low voice from the schooner which lay not more than 5 or 6 hundreds yards off the shore [Ballantyne, 142].

...когда капитан тихим голосом окликнул нас со шхуны, находившейся не более чем в 5 или 6 сотнях ярдов от берега [Ballantyne, 142].

В следующих примерах *Y* – локатив, поверхность, граничащая с плоскостью, в которой находится *X* на расстоянии от линии пересечения этих плоскостей.

(24) He saw the bar not far off the road. (Из кинофильма) – Он увидел бар недалеко от дороги. (Из кинофильма).

(25) ...to keep the bullets off him [Orwell, 11] – ...чтобы уберечь его от пуль [Оруэлл, 11 лет].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что английский предлог *off* характеризуется многозначностью. Помимо указания на удаление *X* с поверхности *Y* и нахождения *X* за пределами *Y*, *off* имеет значение удаления референта с релятума, где последний выполняет функцию опоры для *X* (the coat fell off the nail). Некоторые случаи употребления английского предлога *off* наглядно демонстрируют различные способы концептуализации одних и тех же объектов в разных языках (to get off the bus / выйти из автобуса).

Предлоги таджикского языка делятся на первичные и вторичные. По своей синтетической функции предлоги обозначают: а) пространственные и временные отношения; б) непосредственные и невременные отношения, т.е. имеющие объективные, относительные и адресатные значения.

К первому разряду предлогов относятся:

Предлог – **аз**, обладающий локальным, темп оральным, объектным и другим значениями. Во всех значениях этого предлога имеется понятие источника и принадлежности: а) исходный пункт действия в пространстве: *Аз хона омадам.* – *Пришёл из дома, I came from home*; б) прохождение действия через какой-либо предмет: *Аз кӯча гузашта рафт.* – *Он прошел по улице (через, сквозь) Went across the street*; в) исходный пункт во времени: *Аз он рӯз сар карда.* – *Начиная с того дня... From that day*; г) источник приобретения информации: *Аз бозор як кило себ харидам.* – *На базаре купил один килограмм яблок, I bought a kilo of apples at the market*; д) источник, из

чего сделан предмет: *Хона аз чӯб сохта шудааст.* – Дом построен из бревен, *The house is made of wood*; е) источник сравнения: *Ман аз шумо зиёдтар намедонам.* – Я знаю не больше вас, *I don't know more than you*; ж) принадлежность: *Ин китоб аз он шумост.* – Эта книга ваша: *This book is yours*; и) источник чувства страха: *Вай аз саз метарсад.* – Он боится собак, *She is afraid of dogs*.

Предлог **ба**, указывающий на направление действия в пространстве. Этот предлог, в основном, употребляется: а) с глаголами динамического передвижения: *Вай ба мактаб меравад.*– Он идёт в школу, *She goes to school*; б) для указания адресата действия к которому направлена деятельность лица, предмета: *Ман ба рафиқам ёрӣ расондам.* – Я помог товарищу, *I helped my friend*. *Муаллим ба талабагон вазифа дод.* – Учитель дал задания ученикам, *The teacher gave the students a task*.

Предлог **дар**, употребляющийся, когда действие или состояние происходит внутри предмета, внутри временного понятия: *...дар мактаб будам.* –был в школе... *I was at school*. *Дар тирамоҳ борони сард меборад.*– Осенью идут холодные дожди. . *In autumn it rains cold*.

Предлог **бар**, указывающий на местонахождение предмета действия или состояния на какой-либо поверхности или направлении к поверхности: *Дастонамро ба синаам мондам.* – Руки скрестил на груди. *I put my hands on my chest*

Предлог **бар** носит несколько архаичный характер. Употребляется в основном в поэзии. В современном таджикском языке все больше уступает место предлогу **ба**.

Предлог **то**, обозначающий предел в пространстве и во времени: *Мо то Москва бо катора рафтем, баъд то Рига бо самолёт парвоз кардем.* – Мы до Москвы поехали поездом, потом до Риги полетели самолетом. *We took a train to Moscow, then flew to Riga*. Иногда предлог **то** в сочетании с предлогом **аз** образует конструкцию **аз... то**, указывающую на отрезок пространства или времени, где происходит действие: *Аз ин ҷо то Ҳисор*

қўзачаҳои қатор. – Отсюда до Гиссара кувшинчиков ряд шагал . From here to Hissar a series of pots

Для закрепления понятия предела двух точек к конструкции **аз... то** прибавляется постпозиция предлога **ба**: *Аз бозор то ба хона гурбат карда рафт. – С базара вплоть до самого дома шел и ворчал. He wandered from the market to the house*

Ко второму разряду предлогов относятся:

Предлог **бо**. Этот предлог является, как и вся подгруппа предлогов, непространственным и не временным предлогом. Он обозначает: а) современность действия или состояния: *Бо бародарам ба саёҳат меравам. – Вместе с братом едем в путешествие, I am traveling with my brother;* б) орудийность, т.е. средство, при помощи которого выполняется действие: *Заминро бо трактор меронанд. – Землю пахут трактором, The land is plowed by a tractor;* в) противоположность действия: *Бо душман ҷангидан. – Воевать против врага, Fight the enemy.*

Предлог **барои**, который иначе называется изафетным. Он обозначает цель, назначение действия: *Ман барои писарам велосипед харидам. – Я купил сыну велосипед, I bought a bicycle for my son.*

Предлог **ҷуз** в таджикском языке малоупотребительный. Его в основном заменяет сложноименной предлог **ғайр аз, ба ғайр аз**: *Ҷуз ман ҳеҷ касс набуд. – Кроме меня никого не было, There was no one but me..* Предлог **ҷуз** в литературном языке имеет варианты **ба ҷуз аз**.

Предлог **бе** указывает на отсутствие какого-либо свойства качества или предмета: *Бе ҳаяљони дилу шавқе ба сар. – Без особой тревоги в душе.*

Кроме основных предлогов, в таджикском языке имеются первичные и вторичные предлоги, функция которых заключается в конкретизации значения первичных предлогов. Эти предлоги называются изафетными, так как с первичными предлогами и управляемыми словами они составляют единое изафетное сочетание. Эти предлоги обычно употребляются с первичными предлогами пространственного временного значения.

Например: 1) **болои** с предлогом **аз** указывает на поверхность предмета, откуда берется что-либо: *Аз болои миз китобро гирифтам. – Взял книгу со стола, I took the book off the table.* С предлогом **ба** указывает на движение предмета, действия на поверхность чего-либо: *Ман ба болои бом баромада, сӯхторро тамошо мекардам. – Я, поднявшись на крышу, смотрел пожар, I went up to the roof and watched the fire.* Предлог **дар** указывает на местонахождение предмета на поверхности предмета: *Дар болои бом одамони бисёре ҷамъ шуда буданд. – На крыше дома собралось много людей, A large crowd had gathered on the roof.*

Предлог **болои** указывает на общую поверхность, в свою очередь это понятие конкретизируется другими предлогами. Если имеется в виду плоская поверхность, употребляется предлог **рӯй**, если имеется в виду более заостренная поверхность, употребляется **сари**, если же имеется в виду последняя точка заостренной поверхности употребляется **нӯги**. В некоторых случаях между предлогами **боло** и **рӯи** можно поставить знак равенства, но **сари** и **нӯги** различаются: *болои миз, рӯи миз.* Но когда говорим: *Духтар рӯи ҳавлиро об мезанад, The girl is watering the yard. Девушка поливала двор – предлог рӯи нельзя заменить предлогом болои.*

Предлог **бари** близок к предлогу **болои**, но далек от предлога **рӯи**: *сари кӯч – болои кӯч – на гору; болои девор, сари девор – на заборе.*

Предлог **нӯги** (кончик, макушка) употребляется особо: *Ба нӯги сим чӯб баромад. – Поднялся на макушку столба, A stick came out of the end of the wire.*

Предлог **беруни** с предлогами **аз**, **ба**, **дар** указывает на действие, происходящее в наружной части предмета: *Аз беруни хона овози одамони бегона шунида мешуд. – Снаружи дома слышались чужие голоса (голоса чужих людей). Outside, the voices of strangers could be heard.*

Предлог **баробари** очень часто употребляется с предлогом **дар**, с **аз**, **ин**, **ба** – реже. Он употребляется в значении напротив: *Дар баробари шумо ман*

чизе гуфта наметавонам.— Я не могу ничего сказать против Вас. Дар баробари шумо ман чизе гуфта наметавонам

Предлог **бахри**— в основном употребляется с первичным предлогом **аз**: *Аз баҳри чӣ омадӣ?— Ради чего пришел? What did you come for?* В таджикском языке предлог **бахри** часто заменяется предлогом **барои** (ради, для).

Предлог **пушти** с предлогом **аз, ба, дар** употребляется в значении направления, местонахождения предмета, действия. Значение предлога зависит от семантики глагола: *Аз наси дарахт намудор шуд.— Показался из-за дерева, He appeared from behind the tree.*

Предлог **пеши** — имеет те же функции, что и предлог **пушти**, только в обратном значении: *Ба пеши шумо омадам. — Пришел к Вам. I came to you I came to you.*

Предлог **чои** употребляется с предлогом **ба**: *Ба чои Шумо ман шарманда шудам. —Мне за вас стало стыдно. I am ashamed of you.*

Предлог **даруни** употребляется с основными предлогами **аз, ба, дар**, указывает на источник направления и местонахождения действия: *Аз даруни хона. — Из комнаты, From inside the house. ба даруни хона — в комнату, into the house, дар даруни хона — в комнате. Indoors.* Функции предлога **даруни** сопоставляются предлогу **берун**.

Предлог **зери** иногда **таги** указывают на местонахождение предмета под чем-либо, источник приобретения из-под чего-либо: *ба таги миз — ба зери миз — под стол; to under the table ,дар таги миз, under the table ,дар зеримиз — под столом, below; аз зери миз — аз таги миз — из под стола. from under the table - from under the table*

Предлог **миёни** близок предлогу **даруни**, однако имеет специфические семантические особенности. Предлог **миёни** более конкретно указывает на местонахождение предмета внутри чего-то, посреди чего-то: *Дар миёни ҳавлӣ як дарахти тути калоне истода буд. — Посреди двора стояло большое тутовое дерево. In the middle of the yard stood a large mulberry tree.*

Предлог **назди** употребляется с предлогами **аз, ба, дар** в значении около, мимо: Аз назди ман гузашта рафт. – Прошел мимо меня.

Предлог **пахлӯи** близок предлогу **назди**. Употребляется в значении **рядом, около**.

В ряде работ предлоги рассматриваются в функционально семантическом аспекте [Аникина 1975, Рейман 1982, Барамыкова 1990, Гонсалес, 1991] и с точки зрения структурно-семантических оппозиций [Мхитарян 1981:22]. В рамках сравнительного языкознания проводится сопоставительный анализ употребления предлогов в генетически родственных языках [Терентьев 1977, Преображенский, 1981], а также неродственных языках [Костромин 1992].

И. Ньютон считал, что пространство – это «нечто первичное, само достаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нём находящимися». Для Лейбница пространство – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей». Крайней точки зрения на пространство придерживался родоначальник немецкой классической философии И. Кант, который считал, что пространство, как и время, врождённая, априорная «форма созерцания», присущая сознанию; без этих форм невозможен никакой опыт. В «Советском энциклопедическом словаре» категории пространство и времени отмечены следующим образом: «Пространство и время – всеобщие формы существования материи; пространство – форма сосуществования материальных объектов и процессов характеризует структурность и протяжённость материальных систем» [Советский энциклопедический словарь, с. 1067].

В семантической структуре языка имеется целый ряд средств с пространственными значениями, выражающие семантику пространственности принадлежащие к различным языковым единицам. Семантическая категория, лежащая в основе данного единства, может быть выражена любыми языковыми средствами: морфологическими,

синтаксическими, словообразовательными, лексическими и любыми их сочетаниями. В сопоставляемых языках имеется целый ряд средств с пространственными значениями, выражающие семантику пространственности и принадлежащие к различным частям речи.

Среди способов выражения семантики данного поля могут быть отмечены следующие способы: дискретные и не дискретные, эксплицитные и имплицитные, прямые и косвенные, собственно языковые и представляющие собой сочетание языковых средств и элементов речевой ситуации. Формальная неограниченность, присущая ФСП, влечет за собой формальную полноту.

Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и осознается человеком. Пространственные локативы – это первичные и обязательные признаки любой ситуации. Ситуация является таковой благодаря наличию в эксплицитном и имплицитном виде пространственной координаты. Пространственная координата обычно имеет пресуппозитивный характер. Для отнесения высказывания к локальным наличие локатива в структуре предложения обязательно, а чтобы его назвать пространственным, необходимо обозначить координату не только грамматически, но и лексически.

Пространственные отношения – функционально-семантическое поле, в состав которого входят разнообразные лексические, морфологические, словообразовательные и синтаксические средства. В которых данная категория «находит свое воплощение и свою конкретно-языковую и конкретно-речевую реализацию» [Васильев 1971, 65], а сама категория «пространственности» является «коммуникативно-семантической категорией, которая по-разному обнаруживает себя на различных уровнях языка» [Селивестрова 1985, 82].

В семантической структуре языка имеется целый ряд средств с пространственными значениями, выражающий семантику пространственности и принадлежащий к различным языковым единицам.

Семантическая категория, лежащая в основе данного единства, может быть выражена любыми языковыми средствами, морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими и любыми их сочетаниями. В сопоставляемых языках имеется целый ряд средств с пространственными значениями, выражающий семантику пространственности и принадлежащие к различным частям речи.

Далее мы рассматриваем регулярные и окказиональные английские соответствия таджикских составных предлогов с пространственным значением. Предлоги «ба пеши» и «ба назди» и их английские соответствия:

I. Регулярные соответствия **ба пеши/ба назди - to**.

Предлоги «**ба пеши**» и «**ба назди**» являются эквивалентными «to», когда речь идёт о движении в направлении объекта, причем имеется в виду достижение цели. Рассматриваемые таджикские предлоги очень близки по значению. Они употребляются чаще всего с глаголами движения.

***Рафтан** - Ў, медонист, ки ту **ба пеши** у меравӣ [С.Айни Одина25]*

– *But she knows you go **to** her [S.Ayni 24].*

– *Но она знает, что ты идешь к ней [С. Айни, 24].*

***Омадан**- Бисёр афсус, ки ту рузи сешанбе вақти шаб **ба пеши** ман омада натавонистӣ [Войнич Э.Занбӯр. 8].*

– *I was sorry you couldn't come **to** me on Tuesday evening [Voynich.Gadfly. 16].*

– *Мне было жаль, что вы не смогли прийти ко мне во вторник вечером [Войнич. Овод. 16].*

В следующем предложении употреблены и **ба пеши** и **ба назди**. – из стилистических соображений.

4. *Пагохи рузи дигар се нафари онҳо **ба назди** ман омада гуфтанд, ки мо дар бораи сухбати оиди руза бисёр фикр карда, бо як таклифи махфи ба пеши ту омадем [Даниел Дефо Робинзон Крузо 58].*

- ... three of them came **to** me the next morning, and told me they had been musing very much upon what I had discoursed with them of the last night, and they came to make a secret proposal to me... [Daniel Defo Robinson Crusoe 60].

- ...трое из них пришли ко мне на следующее утро и сказали мне, что они очень много размышляли над тем, что я говорил с ними прошлой ночью, и они пришли, чтобы сделать мне секретное предложение ... [Дэниел Дефо Робинзон Крузо 60].

Баргаиштан - Павка **ба неши** модараи бе хабар баргаиш [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 72].

- Pavel came back **to** his mother with no news to report [N.Ostrovsky How the Steel was Tempered 72].

- Павел вернулся к матери без известий [Н.Островский Как закалялась сталь 72].

... дигар **ба назди** одамони худатон баргаиштани ту мумкин нест, [Стивенсон Чазираи Чавоҳирот 195].

- ...you cannot go back **to** your own lot... [Stevenson Treasure Island 195].

- ...ты не можешь вернуться к своим... [Остров сокровищ Стивенсона 195].

... Фрайди **ба назди** ман давида омад [Даниел Дефо Робинзон Крузо 71]

...Fridy came running in **to** me [Daniel Defo Robinson Crusoe 71].

...Ко мне прибежал Птяниқа [Даниэль Дефо Робинзон Крузо 73].

Также употребляются эти предлоги с глаголами, обозначающими не движение субъекта, а перемещение объекта действия:

Бурдан - ... маро **ба назди** дустии худ бурда бо ӯ шинос кард [Даниел Дефо Робинзон Крузо 56].

- I was recommended **by** good honest man [Daniel Defo Robinson Crusoe.56].

- ... отвел меня к своему другу и представил его [Даниэль Дефо Робинзон Крузо 56].

- *Маро рост ба пеши ӯ бубар [Стивенсон Ҷазираи Ҷавоҳирот 29].*

- *Lead me straight up to him [Stevenson Treasure Island 29].*

- *Веди меня прямо к нему [Stevenson Treasure Island 29].*

Фиристондан—

Дар ҳол Корчагинро ба пеши ман фиристед [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 8]!

- *«Send Korchagin to me at once [N.Ostrovsky How the Steel was Tempered 17]!»*

— « Пришлите ко мне сейчас же Корчагина [Н.Островский Как закалялась сталь 17]!»

Ба назди ман чавонони наврасро фиристон [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 414]

- *Send the youth to me, those with the least experience [N.Ostrovsky How the Steel was Tempered 272].*

- *Пришлите ко мне молодежь, малоопытных [Н.Островский Как закалялась сталь 414].*

Различие между обоими таджикскими предложениями можно видеть в следующем: **ба пеши** (в наших материалах) встречается чаще, чем **ба назди**:

Предлог **ба пеши** в таджикском языке обозначает преимущественно движение в направлении конкретного пространственного сектора, расположенного перед объектом -целью движения, в то время как **ба назди** обозначает движение скорее в направлении пространственной сферы в близи объекта - цели движения (это различие особенно ярко выступает между **дар пеши** и **дар назди**; нередко, однако, различие между **ба пеши** и **ба назди** практически неощутимо, и они приближаются к функции **ба**.

Ба пеши в отличие от **ба назди** может употребляться с глаголами состояния (истодан, нишастан), когда состояние — результат, предел действия:

У пагоҳиҳо, пеш аз он ки ба пеши суратҳои муқаддас истад, то хеле вақт; шустушуй мекард [Марк Твейн, Саргузашти Том Сойер 11].

– Before going to the icon corner in the morning, he would carefully wash [Mark Twain, The Adventure of Tom Sawyer 11].

– Перед тем, как пойти утром в уголок с иконами, он тщательно умывался [Марк Твен, Приключение Тома Сойера 11].

*Том шамеша дар Чипсайд **дар назди** Сутуни май ва ё дар бозорҳо бисёр чизҳои тамошобобро дида хеле вақт ба онҳо нигарон шуда меистод.* [Марк Твен Шоҳзода ва Гадо 6].

– Tom was always worried about Chipside **near the** May Column or at the markets when he saw a lot of sights. [Mark Tveyn, The Prince and the Beggar 6].

– Том всегда беспокоился о Чипсайте возле Майской Колонны или на рынках, когда видел много признаков. [Марк Твейн, Принц и нищий 6].

I. Нерегулярные соответствия ба пеши/ба назди

а). Более редкие соответствия ба пеши.

Ба пеши - at.

*Павка **ба пеши** Лещинский омада истод.* [Н. Островский Обухов Ефим Пугачёв].

Pavka stood at Leschinskiy gate.[Ostrovsky N. How the Steel was Tempered.].

Павка стоял у Лещинских ворот. [Островский Н. Как закалялась сталь.].

Выбор таджикского предлога вызван употреблением глагола движения - омадан. в то время как в английском подчеркивается точка остановки.

Ба пеши - to.

*Акнун, бача- гуфт **ӯ**, -маро ба пеши капитан бубар.*[Р. Стивенсон Чазираи Чавоҳирот 20].

- Now, boy, he said, take me to the captain.[R. Stivinson Island 20].

- Теперь, мальчик, - сказал он, - отведи меня к капитану. [Р. Остров Стивенсон 20].

Лекин, вақте ки ман ба димоғи Дарахтзор баробар шудам, фаҳмидам, ки гарчанд дар ҳақиқат соҳил аз ман фақат якчанд ярд дур бошад ҳам, ман ночор аз назди вай гузафта меравам. [Стивенсон Ҷазираи Ҷавоҳирот 173]

-But when I got to the top of the tree, I realized that even though the beach was only a few yards away from me, I had to walk past it. [Stevenson Treasure Island 169].

- Но когда я добрался до вершины дерева, я понял, что хотя пляж был всего в нескольких метрах от меня, я должен был пройти мимо него. [Остров сокровищ Стивенсона 173].

Ба пеши - beside.

Мактабдор тахтачаро ба пеши падарам ҳаво дод. [Садриддин Айни Мактаби Кӯҳна 5]

*- The teacher threw the board **beside** of my father [Sadriiddin AynI Old School 5].*

- Учитель бросил доску рядом с моим отцом [Садриддин Айни Олд Скул 5].

Дар ин вақт ба пеши дариҷаи мактаб, ки дар тарафи даруни он мактабдор менишаст, омада дарро тақ-тақ кард [Садриддин Айни Мактаби Кӯҳна 25].

- At that moment, he came beside door at the school, where the student was sitting, and knocked on the door. [Sadriiddin AynI Old School 25].

- В этот момент он подошел к двери школы, где сидел ученик, и постучал в дверь. [Садриддин Айни Старая школа 25].

Ба пеши - before.

Карима ба пеши оина рафта, муйҳояиро бо ифтихор дуруст кард.[Н. Назмиддинов 168]

- Karima went before the mirror and proudly straightened her hair. [N. Nazmiddinov 168]. – В этих трёх примерах в английском и в таджикском – различные способы конкретизации положения в пространстве.

- Карима подошла к зеркалу и гордо поправила волосы. [Н. Назмиддинов 168].

Ба пеши - towards.

Духтар хомӯшона ва бо ҷиддият сараширо ҷунбониду бо дасташ ба пеши пояш ишора намуд.[Максим Горький Ҳикояҳо].

*The girl shook her head quietly and seriously and pointed **towards** her feet with her hand. [Maxim Gorkiy Stories].*

Девушка тихо и серьезно покачала головой и указала рукой на свои ноги. [Рассказы Максима Горького].

В английском и в таджикском языках некоторые ситуации не вполне совпадают: в английском более подчеркнут характер, способ действия (to shuffle - экспрессивное слово со значением «волочить», «шаркать»).

Ба пеши - into.

Ба пеши – к – into.

- Оҳ! Бале, ман ба пеши поят меафтану таъзим мекунам, шохдухтари мағрур (М.Торзи, 52).

– Oh! Yes, I fall into your feet and bow down, proud princess! (M.Torzi, 52).

– Ой! Да, я припадаю к твоим ногам и кланяюсь, гордая царевна! (М.Торзи, 52).

Ба пеши – в сторону – in.

Ҳама тозон ба пеши ӯ рафтанд (Н.Островский Обу тоб ёфтани Пўлод 31.).

- The others began to run, in his direction (N.Ostrovsky, How the Steel was Tempered, 31).

- Все побежали, в его сторону (Н.Островский, Как закалялась сталь, 31).

В двух последних примерах выбор английского предлога определен глаголом и именем (to run in some direction, to tumble... in to one's place).

В ряде случаев глагольное управление вызывает соответствие таджикской конструкции с ба пеши и английского беспредложного оборота. Это встречается, например, в тех случаях, когда рафтан соответствует to join, to see, to call on, т.е. когда фактически значение движения не передано.

Ё худ, ба пеши ҳиндуён меравад .

- *No-better still, he would join the Indians.*

- *Нет, а еще лучше, он присоединится к индейцам.*

То ҳатто кас мехост, ки ба ягон ҷо равад, то ки чӣ навъ ба пеши пои духтар афтодани Лойко Забарро набинад,- гарчи он духтар Радда бошад ҳам.[М.Горкий Ҳикояҳо 33].

One even wanted to go somewhere to see how Loiko Zabar had fallen at the girls feet, even though she was Radda.[M.Gorkiy Stories 33].

Одному даже захотелось пойти куда-нибудь посмотреть, как Лойко Забар упала к ногам девушки, хотя она и была Раддой. [Рассказы М.Горького 33].

Соответствие **рафтан / to call on** с точки зрения английского языка идиоматично: он может даже рассматриваться как компонент аналитического слова наподобие **to get up**.

Бачагон ба мактаб равона шуданд, кампир бошад шитобон ба пеши миссис Гарпер рафт [T.T.C. 142)]

- *The children left for school, and the old lady to call on Mrs. Harper [T.T.S.142].*

- *Дети ушли в школу, а старушка зашла к миссис Харпер [Т.Т.С.142].*

Иногда мы встречаем более сложное соответствие глагольных валентностей:

Таърих акнун ба пеши мо вазифаи наздиктаринеро мондааст [Л.Ч. 144].

- *History has now confronted us with an immediate task [L.W.144].*

- *Теперь история поставила перед нами непосредственную задачу [L.W.39].*

Стилистически обусловленная неточность перевода - отсутствие глагола в таджикском и наличие глагола в английском - естественно обуславливает появление прямого дополнения:

- *Ман ба пеши модарам меравам [Н. Островский 58].*

- *I will go to my mother [N.Ostrovsky 58].*

- *Я пойду к маме [Н.Островский 58].*

Б. Более редкие соответствия ба назди.

Ба назди - before.

Павел ба назди Лейтинант омада истод. [Н. Островский 59].

- Pavel presented himself before Leytinant [N.Ostrovsky 59].

- Павел представился Лейтинанту [Н.Островский 59].

Здесь употребление предлога в таджикском вызвано присутствием глагола движения - омадан.

Ба назди - towards.

Одамкӯш ба назди онҳо гӯё ба меҳмонӣ омадааст, зеро ки ӯро вакилон даъват намуда буданд [Ҷонатан Свифт Саёҳати Гулливер 58]

- Murder had come towards visit them because he had been invited be the deputies. [J.Swift Gullivers Travels 58].

- Убийца приехал к ним в гости, потому что его пригласили в депутаты. [Дж. Свифт Путешествия Гулливера 58].

В английском точнее характеризуется цель действия.

Ба назди near.

Қариб ним рӯз ман обисарди нӯшидани ва дору гирифта ба назди капитан даромадам [Р. Стивенсон Ҷазираи Чавоширот 20]

*-For about half a day I drank cold water and took medicine and went **near** the captain [R. Stevenson Island 20].*

- Примерно полдня я пил холодную воду и принимал лекарства и подошел к капитану [Р. Остров Стивенсон 20].

Ман туро гуфтам, ки ба назди вай нарав (инфр.).

*- I told you not to go **near** her [M.40]. В английском - архаическое сочетание.*

- Я сказал тебе не подходить к ней [М.40]. В английском - архаическое сочетание.

Ба назди - into.

Дар ихир ман қарор кардам ки ба назди девори чӯбин равам. [Р. Стивенсон Ҷазираи Чавоширот 140].

- Eventually, I decided to go **into** the wooden wall. [R. Stevenson Island 140].

- В конце концов, я решил войти в деревянную стену. [Р. Остров Стивенсона 20].

Муовини капитан ба сӯи заврғи давида, бо ёрии маллоҳи онро аз болои девораи каида ба баҳр партофтанд [Даниел Дефо Робинзон Крузо 38].

- The deputy capitan ran to the boat and, with the help of the sailors, pulled it over the wall and threw it into the sea [Daniel Defo Robinson Crusoe 38].

- Заместитель капитана подбежал к лодке и с помощью матросов перетащил ее через стену и бросил в море [Даниил Дефо Робинзон Крузо 38].

Формальное несоответствие глаголов (овардан - put) и объектов (ман - place) вызывает употребление неэквивалентных предлогов.

Ба назди – in front of

Намедонам, хучаини азиз! Ман дар канори крават истодани ҷавонеро, ки **ба назди** писарак омада буд, дида будам [Марк Твейн Шоҳзода ва Гадо 86]

- I do not know, dear master! I saw a young man standing by the bed standing **in front of** the boy [Mark Twain, Prince and the Poor 86].

- Не знаю, дорогой мастер! Я увидел молодого человека, стоящего у кровати перед мальчиком [Марк Твен, Принц и нищий 86].

- Павка ҳамон Лейтинантро **дар назди** робо чандин бор дида буд. [Н. Островский Обутоб ёфтани Пулод 36].

- Pavka saw the same Lieutenant **in front of** the robot several times. [N. Ostrovsky How the Steel was Tempered 36].

- Павка несколько раз видел одного и того же лейтенанта перед роботом. [Н. Островский Как закалялась сталь 36].

тоже вызвано различием синтаксического строя, а именно тем, что в английском между come (омадан) и father (падар) помещается инфинитив to spend: от него и зависит with, в то время как ба назди зависит от омадан.

Ба таътили тобистона ба назди падараш омадааст [Н. Островский 59] –
- *Now, she's come to spend the summer with her father [N.OSTROVSKY 59].*
- *Сейчас приехала к отцу на лето [Н.Островский 59].*

Предлоги «дар пеши» и «дар назди» и их английские соответствия:

I. Регулярные соответствия «дар пеши» и «дар назди».

Дар пеши - **before** Дар пеши – **in front of** Дар пеши/дар назди - **by** Дар пеши/дар назди – **at**.

Местонахождение вблизи предмета различно детализируется в таджикском и английском языках. В таджикском языке дар пеши обозначает положение перед объектом, дар назди - положение с любой стороны вблизи объекта; однако, дар пеши более употребителен и встречается и с обобщённым значением. В английском **at** обозначает расположение в определённой точке вблизи объекта, **by** - расположение в особой близости от объекта, **before** расположение одного объекта перед другим, **in front of** – расположение одного объекта непосредственно напротив другого, на незначительном расстоянии, без контакта, возможного при **before**. Засвидетельствованы следующие отношения:

Своеобразие дар пеши проявляется в том, что оно, в отличие от дар назди чаще всего соответствует **before**, а также соответствует **in front of**, которому дар назди никогда не соответствует.

Соответственно **дар пеши - before**, во-первых, чаще всего встречается с одушевленными предметами, т.е. с лицом, в том числе — часто с местоимениями.

– Он вақт ман монанди ҳозира мисли гусфанд дар пеши қассоб беяроқ; намеистодам-ку [СТИВИНСОН Ҷ.Ҷ. 1.183].

– Then I should not have been, as no wamere fleeting sheep before this butcher [Stevenson .Treasure Island 1.183].

– Тогда я не должен был быть, как никакая бродячая овца перед этим мясником [Стивенсон. Остров Сокровищ 1.183].

– Павка дар пеши оташдон даричааш кушода сари ду по истодааст. [Н.Островский Обу тоб ёфтани Пулод.].

– Pavka is standing on two legs before the fire with the door open. [N. Ostrosky How the Steel was Tempered].

– Павка стоит на двух ногах перед огнем с открытой дверью. [Н. Остроский «Как закалялась сталь»].

Это соответствие особенно часто употребляется в сочетании *before eyes*: Ногоҳ ҳама чизҳо дар пеши чашмаш ранги худро гум карда, тира гашт [Низомӣ Ганҷавӣ Лайли ва Мачнун 182]. – Suddenly a grey mistrose before his eyes [Ganjavi N. Layla and Majnun]. Данное соответствие (дар пеши - before) встречается при указании на местонахождение перед объектами, которые нельзя считать сооружениями: Дар пеши гулхани сузон капитан Смоллет мехобид [Стивенсон Ҷазираи Ҷавоҳирот 189]. – Before a big fire lay capitan Smollet [Stevenson .Treasure.Island. 240]. Соответствие дар пеши — **before** зафиксировано в переносном значении: «Рабочее Дело» баромада дар пеши сотсиал-демократияи рус «озодии танқидро» талаб мекунад [Лондон.Ҷ. 4.131]. – Rabocheye Dyelo comes before Russian Social-Democracy, demains «freedom»of criticism [London.J.23]. Мо факат дар пеши «ҳисшавандагии» латифаҳои мушаххас ғуломвор сар ҳам мекунему халос [Лондон Ҷ.176]. – We only cring easslavishly before the «palpableness»of concrete results [London.J.77]. В таком же значении зафиксировано соответствие дар назди - **before**:

- Артём **дар назди** паравозе, ки ба он ҳезум бор карда шуда буд, онҳоро бетоқатона интизори мекашид [Островский Н. 131].

- Artyom was waiting impatiently for them **before** the plane loaded with firewood. [Ostrovsky N. 131] .

- Артем с нетерпением ждал их **перед** загруженным дровами самолетом. [Островский Н. 131].

Во-вторых, соответствие дар пеши – **in front of** употребляется, когда один предмет располагается напротив другого, т.е. по близости, однако без контакта:

- *Майор фаҳмид, ки дар пеши у як одами мутаасиб ва эҳтимол девонае истодааст [П.Д.292].*

- *The major was convinced that the man in front of him was a fanatic or a lunatic [P.S.239].*

- *Майор был убежден, что человек перед ним фанатик или сумасшедший [П.С.239].*

Дар пеши пешонаи сиёҳи танур, дар болои нимкати паҳнусто Циганок нишаста буд [Г.Б.26].

- *On a bench in front of the black mouth stove sat Tsiganok [G.Ch.26].*

- *На скамейке перед черной горловиной сидел Цыганок [Г.Ч.26].*

Близость пребывания к некоторой точке выражается соответствиями дар пеши/дар назди - **by** и дар пеши/дар назди - **at**.

Дар **пеши** - **by**. Таджикский ограничивает употребление этого соответствия значением расположения перед предметом, английский - значением непосредственной близости:

- *Пас аз чанд, дақиқа Павел дар пеши кати у нишаст [Островский 238].*

- *A few moments later Pavel was sitting by his bed [Ostrovsky.238].*

- *Через несколько минут Павел уже сидел у своей кровати [Островский.238].*

Дар хонаи девонбеги ҳавлӣ дар пеши гулхан нишаст [Стивинсон.Ҷазираи.ҷавохирот. 189].

- *...sitting by the fire in the houseleeper's room [Stevenson.Treasure .1sland.53].*

- *...сидя у огня в комнате для ночлежки [Stevenson.Treasure .1sland.53].*

Дар **назди** - **by**. В отличие от предыдущего соответствия, таджикский обуславливает здесь значение близости вообще (а не именно расположение перед объектом):

- Майор фаҳмид, ки дар пеши у як одами мутаасиб ва эҳтимол девонае истодааст [П.Д.292].

- The major was convinced that the man in front of him was a fanatic or a lunatic [P.S.239].

- Майор был убежден, что человек перед ним фанатик или сумасшедший [П.С.239].

Дар пеши пешонаи сиёҳи танур, дар болои нимкати паҳнусто Циганок нишаста буд [Г.Б.26].

- On a bench in front of the black mouth stove sat Tsiganok [G.Ch.26].

- На скамейке перед черной горловиной сидел Цыганок [Г.Ч.26].

Близость пребывания к некоторой точке выражается соответствиями дар пеши/дар назди - by и дар пеши/дар назди - at.

Дар пеши - by. Таджикский ограничивает употребление этого соответствия значением расположения перед предметом, английский - значением непосредственной близости:

- Пас аз чанд, дақиқа Павел дар пеши кати у нишаст [Островский 386].

- A few moments later Pavel was sitting by his bed [Ostrovsky.238].

- Через несколько минут Павел уже сидел у своей кровати [Островский.238].

Дар хонаи девонбеги хавлӣ дар пеши гулхан нишаст [Стивинсон.Чазираи Чавоҳирот. 189].

- ...sitting by the fire in the housekeeper's room [Stevenson.Treasure .1sland.53].

- ...сидя у огня в комнате для ночлежки [Stevenson.Treasure .1sland.53].

Дар назди - by. В отличие от предыдущего соответствия, таджикский обуславливает здесь значение близости вообще (а не именно расположение перед объектом):

- Тоня дар назди тирезаи кушод рост меистод [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 78].

- Tonya was standing by the open window [N.Ostrovsky How the Steel wasTempered 78].

- Тоня стояла у открытого окна [Н.Островский Как закалялась сталь 78].

- Шояд баъзе одамон қобил нестанд ҳусни тавваҷҷӯҳи ононеро, ки ҳамроҳашон зиндагӣ мекунанд, ба дастоварданд ва дар назди онҳо тамоми бемазмунии табиати худро фаҳмид. [О. Балзак Падар Горио 26].

- Perhaps some people are incapable of gaining the attention of those who live with them, and by them understood all the absurdity of their nature. [O.Balzac Father Goreo 26].

- Возможно, некоторые люди неспособны добиться внимания тех, кто с ними живет, и под ними понимается вся нелепость их натуры. [О.Бальзак Отец Горео 26].

- Дар ҳақиқати ҳол ин хел фазилатҳоро надоранд ва барои ҳамин меҳроҳанд муҳаббат ё ҳурмати одамони бегонаро ба даст оваранд ва дар ин ҳол чунин хатаре ҳаст, ки ягон вақт дар назди ин одамон наст ва разил шуда мемонанд. .[О. Балзак Падар Горио 30].

- In fact, they do not have such qualities, so they want to gain the love or respect of strangers, and there is a danger that they will be humiliated by the eyes of these people. [O.Balzac Father Goreo 30].

- На самом деле у них нет таких качеств, поэтому они хотят завоевать любовь или уважение незнакомцев, и есть опасность, что они будут унижены в глазах этих людей. [О.Бальзак Отец Горео 30].

- Духтари дуҷум ҳам дар назди падараи пагоҳонӣ ва баъд аз чанд рӯз бо либоси базмнӯши савори карета бегоҳӣ омад. .[О. Балзак Падар Горио 30].

- The second daughter also came to her father in the morning and a few days later in the evening in a carriage. . [O.Balzac Father Goreo 30].

- Вторая дочь тоже приезжала к отцу утром и через несколько дней вечером в карете. . [О.Бальзак Отец Горео 30].

Дар пеши - at. Выражает местонахождение в определенной точке перед каким-либо объектом, в большинстве случаев - с хорошо ограниченными в пространстве объектами, прежде всего, с сооружениями (и их частями):

- *Ҳиссиёти диндорӣ ким чӣ хел як зиндагии ояндаеро дар пеши назари ин духтар рондашуда ҷилвагар меҳост, у падараширо дӯст медошт ва ҳар сол ба хонаи вай рафта, хабари гуноҳомурзии модарашро расонданӣ мешуд, аммо ҳар сол дари хонаи падараширо доимо баста медид. [О. Балзак Падар Горио 30].*

- *The sense of religiosity made her want to live at the future, she loved her father and wanted to go to her house every year to tell her about her mother's sins, but every year she kept the door closed. [O.Balzak Father Goreo 30].*

- *Чувство религиозности заставляло ее хотеть жить будущим, она любила своего отца и хотела каждый год приходить к нему домой, чтобы рассказать ей о грехах матери, но каждый год она держала дверь закрытой. [О.Бальзак Отец Горео 30].*

- *Дар пеши ин гуна мусибат тамаъкорӣ ва худписандӣ тоб наоварда ақиб гашта, ба тараҳҳум ҷой медиҳанд.[О. Балзак Падар Горио 27].*

- *In the face at such calamities, greed and selfishness will not tolerate and they will turn back and take pity on them. . [O.Balzak Father Goreo 27].*

- *Перед лицом таких бедствий жадность и эгоизм не потерпят и повернутся назад и сжалятся над ними. . [О.Бальзак Отец Горео 27].*

В соответствии дар назди - **at** в таджикском нет обобщённого средства указания на пребывание в точке вблизи предмета, в английском же здесь конкретизация в зоне близости:

*Асп дар деҳаи боло монда буд, чунки **дар назди** «Бенбоу»-и куҳнаи мо барои аспҳо ҷо набуд [Стивинсон. Ҷазираи. Ҷавоҳирот 13].*

- *We had no stabling **at the olf** «Benbow»[Stevenson.Treasure Island 13].*

- *Лошадь оставили в верхней деревне, потому что рядом с нашим старым Бенбоу не было места для лошадей. [Стивенсон. Остров Сокровищ 13].*

Рассмотрение соотношения таджикских и английских предлогов особенно наглядно видно на следующей серии примеров с одним и тем же объектом - «окном» (тиреза - window).

Монтанелли **дар пеши** тиреза хомуш нигоҳ карда истод [Виноградов.В. 277].

- He stood **by** the window silent [Vinogradov.V.290].

- Монтанелли молча стоял у окна. [Виноградов.В.277].

- Дуруст, гоҳо порчаи абри сиёҳ чун чини доимии ҷанби Арбоб Камол намудор шудааст, ки дар назди Одинаи бечора тираву торик мекард, сабти фурсате офтоби оламтоб дар шароити, ки духтарони Шарқ кӯшиши пардаи сиёхро аз рӯйи худ хоҳанд андохт, аз зери абри сиёҳ баромада ба олам равнақу шуқуҳи дигар медод.[Садриддин Айнӣ Одина 8]

- True, sometimes a piece of black cloud appears as a permanent china on the side of Arbob Kamol, darkening by poor Odina, recording a moment of sunshine in a situation where the girls of the East will try to remove the black veil from their faces, come out from under the black cloud gave another splendor.[Sadriddin Ayni Odina 8].

- Правда, иногда кусок черной тучи появляется как перманентный фарфор на стороне Арбоб Камола, затемняя бедной Одиной, фиксируя миг солнечного сияния в ситуации, когда девушки Востока будут пытаться снять с лица черную пелену, вышедший из-под черной тучи дал другое великолепие. [Садриддин Айнӣ Одина 8].

- Ба қавли худҳошон, бисёртарини онҳо чанд вақт пеши табибони қуҳнаи ҷойдорӣ ва дуохонон рафта пули бисёро ба ройгон сарф кардаанд, оқибат шифо наёфта ночор шуда дар назди духтур омаданд. [Садриддин Айнӣ Одина 97].

- According to them, most of them spent a lot of money for free in front of the old local doctors and beggars, and eventually they did not recover and had to go at the doctor. [Sadriddin Ayni Odina 97].

- По их словам, большинство из них тратили огромные деньги бесплатно перед старыми местными врачами и попрошайками, и в итоге так и не поправились и были вынуждены идти к врачу. [Садриддин Айнӣ Одина 97].

- Дар байни бозча ва бино, дар пеши он, ҷўйчаина он қадар чуқури бо сангреза фарш кардашуда ва бараши ба қадри як туаз воқеъ буд.[Балзак ПадарГорио 7].

- Between the garden and the building, between it, there was a ditch, paved with stones, and the bar was the size of a tuaz.[Balzak Father Goreo 7].

- Между садом и домом, между ним, был ров, вымощенный камнями, и брус размером с туаз. [Бальзак Отец Горео 7].

В последнем случае near передает общее значение близости, не столь непосредственной, как при **by**.

II. Нерегулярные соответствия дар пеши и дар назди.

Дар пеши / дар назди - near. Near здесь передает общее значение близости (ср. русск. «у», «около», «вблизи»)

- Дар пеши хобҳоги ў лорди якум, мутасаддин шокї либосҳои пурзинат нўшида истода буд [Марк Твейн Шоҳзода ва Гадо 89].

- Near his bedroom was the first lord, a shocking man dressed in a robe. [Mark Twain [The Prince and Poor 87].

- Возле его спальни стоял первый лорд, эпатажный мужчина, одетый в мантию. [Марк Твен [Принц и нищий 87].

- Марг як марги фоҷианок дар пеши ин се нафар бадбахт истода буд[Марк Твейн Шоҳзода ва Гадо 100].

- Death was a tragic death near these three unfortunate people [The Prince and Poor 100].

- Смерть была трагической смертью рядом с этими тремя несчастными людьми [Принц и нищий 100].

- Андоми торики касе дар пеши ҷойхобаи намудор шуд ва овозе ба ў гуфт: [Марк Твейн Шоҳзода ва Гадо 89].

- A dark figure appeared near his bed and a voice said to him: The Prince and Poor 103].

- Возле его кровати появилась темная фигура, и голос сказал ему: Принц и нищий 103].

Англисони дигарро ба дохили вилоят, дар назди султони бедодгари мавриён фиристодаанд, аммо маро, ки ҷавони ҷусту ҷалоке будам, капитани киштии роҳзанон ба ғуломии худ нигоҳ дошт. [Даниел Дефо Робинзон Крузо 18].

- Other Englishmen were sent into the province, near the tyrannical king of the Mauritians, but I, a young man, was kept in captivity by the captain of a pirate ship. [Daniel Defo Robinson Crusoe 17].

- Других англичан отправили в провинцию, к деспотичному королю мавританцев, а меня, молодого человека, держал в плену капитан пиратского корабля. [Даниэль Дефо Робинзон Крузо 17].

Дар пеши /дар назди - beside. Beside в значении «рядом с», «около», «близ» выражает значение «сбоку от». При этом, естественно, дар назди, обозначая всю «зону близости» менее точен, чем beside, указывающий на «сектор сбоку»; соответствие **дар пеши - beside** формально вообще не допустимо, так как эти предлоги обозначают различные сектора в «зоне близости»; они становятся эквивалентными при расширительном, метафорическом употреблении, когда указывают на всю «зону близости».

- Лекин ӯ дар назди ман дигар кори мекардагӣ надошт, илова бар ин, ман хотирҷамъ набудам, ки нони ӯро ҳамешагӣ дода метавониста бошам. [Даниел Дефо Робинзон Крузо 33].

- But he had nothing beside to me, and I was not sure I would give him my bread forever... [Daniel Defo Robinson Crusoe 33].

- Но у него не было ничего, кроме меня, и я не был уверен, что отдам ему свой хлеб навсегда... [Даниэль Дефо Робинзон Крузо 33].

- Оқибат ман аз фосилаи ягон понздаҳ мил дар пеши рӯямон пайдо шудани хушкии дарозрӯяро дидам, ки димоғавор хеле ба дарунҳои баҳр даромада рафта буд. .[Даниел Дефо Робинзон Крузо 29].

- Eventually, from a distance of about fifteen miles beside us, I saw a long, dry land that had sunk deep into the sea... [Daniel Defo Robinson Crusoe 29].

- В конце концов, с расстояния около пятнадцати миль рядом с нами я увидел длинную, сухую землю, которая глубоко погрузилась в море. . [Даниэль Дефо Робинзон Крузо 29].

- Арбоб дар пеши у ба зону афтода дастони уро мебусид [Стивинсон. Ҷазираи Ҷавохирот.133].

- The squire dropped down beside him on his knees and kissed his hand [Stevenson Treasure Island.133].

- Сквайр опустился рядом с ним на колени и поцеловал ему руку [Stevenson Treasure Island.133].

Обращает внимание выбор английского предлога в выражении «у стола» - «**beside the table**» (ср. «за столом – **at the table**):

Занбур дар пеши stole, ки болаши аз гулҳои бисёре нур буд, менишаст [B.3.115].

– The Gadfly was sitting **beside** at table covered with flowers and ferns [V.G.115].

– Овод сидел рядом за столом, покрытым цветами и папоротниками [B.Г.115].

Beside - дар пеши отмечает иное, несколько «не рабочее» положение относительно стола, чем характерное рабочее положение, передающееся at.

Дар пеши / дар назди - to. В английском языке предлоги указывают на адресат, к которому направляются, или предлагаются речь, условие, действие и т.п.

Шубҳа нест, ки ин бача дар пеши ягон касхизматгор бадааст. [Марк Твейн Шохзода ва Гадо 142]

-There is no doubt that this guy is bad **to** any servant.[Mark Twain, The Prince and the Poor 142].

- Нет сомнения, что этот парень плохо относится к любому слуге. [Марк Твен, Принц и нищий 142].

...Соответствие **дар пеши - to** зарегистрировано исключительно в публицистическом тексте.

Ман фаҳмидам, ки як ҷанги зӯри тан ба тан дар пеши аст ва милтиқи худро аз назар гузарондам [Р. Стивенсон Ҷазираи Ҷавоҳирот 131].

- I realized there was a violent hand-to-hand battle and to checked my rifle [R. Stiwenson Treasure Island 129].

- Я понял, что шла ожесточенная рукопашная схватка, и проверил свою винтовку [Р. Остров сокровищ Стивенсона 129].

В этом примере - «to» не предлог, а показатель инфинитива.

Дар пеши / дар назди - with.

Данное соответствие употребляется, когда речь идет о расположении одного лица вблизи другого, т.е. о «совместности» двух лиц:

- Ҳангоме ки хизматгор омадани меҳмонро арз карданӣ шуда дар назди графиня рафт [О.Балзак Падар Горио 56].

- When the servant wanted to announce the arrival of the guest, he went with the countess [O.Balzak Father Gorio 56].

- Когда слуга хотел объявить о прибытии гостя, он пошел с графиней [О.Бальзак Отец Горио 56].

- Рӯзе мо дар пеши димогаи баланде лангар партофтем. [Даниел Дефо Робинзон Крузо 23].

- One day we anchored with a tall tree. [Daniel Defo Robinson Crusoe 23].

- Однажды мы бросили якорь у высокого дерева. [Даниэль Дефо Робинзон Крузо 23].

Приводим пример более сложного соответствия, в котором близость двух лиц («он» & «Стручков») закодирована в английском как формальное управление глагола to leaves mth.with smb:

У халтаи ашӯи худро дар пеши Стручков ниҳода [П.Д, 240] ...

- He left his kit-bag with Struchkov [P.S. 240].

- Он оставил свой вещмешок у Стручкова [П.Д. 240].

Часто таджикскому дар пеши в английском соответствует беспредложная конструкция в случаях -когда дар пеши в английском передается описательным способом.

- То соати нух, онҳо дар пеши майхона овора шуда гаштанд [Т.Т.С.231]
- They hung about the neighborhood of the tavern until after nine [T.T.S.231];
- Они слонялись по окрестностям таверны до девяти [Т.Т.С.231];
- когда дар пеши мо соответствует we have, this is.
- Дар пеши мо яке аз ақидаҳои шиноси социал-демократияи революционии байналхалқӣ истодааст [Л.Д.Т.65].
- This is one of the familiar propositions of international revolutionary Social-Democracy [L.T.T.65].
- Это одно из известных положений международной революционной социал-демократии [Л.Д.Т. 65].

Дар пеши - under.

Это неадекватное соответствие встречается при передаче идиомы «под носом у», то же самое с (куст, бутта):

...дар пеши Комил ба замин дароз кашид [М. Назмидинов 69 Одам ва Соҳилҳо].

- ...fell sprawling himself **under** Komil's nose [M. Nazmiddinov 66].

- ...растянулся под носом у Комила [М. Назмиддинов 69 Люди и Берега].

– Павкаро, ки **дар пеши** бутта нишаста буд, дид [Островский Обу тоб ёфтани Пулод 61].

- He noticed Pavel who was sitting **under** a bush [Ostrovsky How the Steel was tempered 61].

- Не заметил Павла, сидевшего под кустом [Островский Как закалялась сталь 61].

Соответствие дар пеши - зарегистрировано в идиоме on the phone (у телефона), дар пеши телефон.

Лейтенанти калон худаи **дар пеши** телефон [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 45].

– Senior Lieutenant **on** the phone [N. Ostrovsky How Steel was tempered 45].

– *Старший лейтенант по телефону [Н. Островский Как закалялась сталь 45].*

Соответствие **дар пеши** / **дар назди** - **against** употребляется, когда один предмет, находясь вблизи перед другим, представет на фоне другого предмета:

*Ту **дар пеши** дар хобида маро посбонӣ мекунӣ. [Марк Твеин Шоҳзода ва Гадо 82].*

*- You are guarding me **against** of the door. [M. Twain 82].*

- Ты охраняешь меня у двери. [М. Твен Принц и нищий 82].

*Ман коматамро рост гирифта **дар назди** девор меистодам [Стивенсон Ҷазираи Ҷавоҳирот 207].*

*- I stood straight up **against** the wall [Stevenson Treasure Island 207].*

- Я стоял прямо у стены [Stevenson Treasure Island 207].

Зафиксировано соответствие **дар пеши** / **дар назди** – **around**. В английском, в отличие от таджикского, здесь выделяется узкая зона вокруг объекта, таджикское дар пеши в этом случае метафорично, дар назди - менее конкретно.

*Ў Павкаи **дар пеши** бутта нишастагиро фақат акнун медид. [Островский Обу тоб ёфтани Пулод 46].*

*- He could only see Pavka sitting **around** the bush [Ostrovsky How Steel was Tempered 46].*

- Он видел только Павку, сидящую в кустах [Островский Как закалялась сталь 46].

- Дар пеши курсича барф об шуда буд [П.Д.48]

- Around the bench, the snow was melting [P.S.48].

- Вокруг лавочки таял снег [P.S.48].

*Челонгари азаматҷусса **дар пеши** ин салдатчаи назарногир ночор монда буду чи кор кардани худро намедонист [Островский Обу тоб ёфтани Пулод 75].*

- The giant plumber was helpless **around** this insignificant soldier and did not know what to do. [Ostrovsky How the Steel was tempered 75].

- Гигантский сантехник был беспомощен рядом с этим ничтожным солдатиком и не знал, что делать. [Островский. Как закалялась сталь 75].

Дар пеши / дар назди - outside. Это соответствие употребительно, когда подчёркивается расположение одного объекта за пределами другого (но - на близком расстоянии).

- Холява дар пеши дар посбонї мекард [Островский Обу тоб ёфтани Пулод 57].

- Kholyava on guard out side the door [Ostrovsky How the Steel was tempered 54].

- Дар назди дума офицере, ки дар остинаш банди на сафед дошт [Р. 10-3.197].

- ...Outside the Duma an officer with a white armband was tearing down posters from the wall [R.10 D.204].

- ...У Думы офицер с белой повязкой срывает со стены плакаты [Р.10 Д.204].

Соответствие **дар пеши назар - in** встречается в идиомах:

Ду самолёте, ки имруз задааст, дар пеши назари ҳама ба замин ғалтиданд [П.Д.377].

- The two planes that he had shot down fell into the scrub and burned there in the sight of all [P.S.305].

- Два сбитых им самолета упали в кусты и сгорели там на глазах у всех [P.S.305].

- Натиҷаи сиёсии думравӣ **дар пеши** назарамон истодааст [Ленин.99].

- The political result of this khvostism staves us **in** face [Lenin 99].

- Политический результат этого хвостизма поражает нас [Ленин 99].

- Хусусан вазифаи пешвоён ҳамин мешавад, ки ҳама вақт **дар пеши** назар дошта бошанд (Ленин 143)...

- It is in particular the duty of the leaders to keep **in** mind that that [Lenin38].

В соответствии дар назди - **about** английский предлог употребляется в значении «при себе»:

- *Натиҷаи сиёсии думравӣ дар пеши назарамон истодааст [Ленин.99].*
- *The political result of this khvostism staves us in face [Lenin 99].*
- *Хусусан вазифаи пешивоён ҳамин мешавад, ки ҳама вақт дар пеши назар дошта бошанд (Ленин 143).*
- *It is in particular the duty of the leaders to keep in mind that the... [Lenin 143].*
- *Особенно обязанность руководителей иметь в виду то, что... [Ленин143].*

В соответствии дар назди - **about** английский предлог употребляется в значении «при себе»:

- *Дар назди ман ғайр аз корд, чуб ва тамокудон дигар чизе намонда буд [Даниел Дефо Робинзон Крузо.89].*
- *In a word, I had nothing about me but a knife, a tobacco - pipe, and a little tobacco in a box [Daniel Defo Robinson Crusoe 89].*
- *Одним словом, у меня не было с собой ничего, кроме ножа, табакерки, трубки и немного табака в ящике [Даниил Дефо Робинзон Крузо 89].*

Зафиксировано и такое неточное соответствие как дар назди - **over**.

Дар он вақте ки Бунчук дар назди тоси кабудгаштаи мисин рост истода дасту руяширо мешуст (Ш.Д.) ...

- *While Bunchuk was washing over a greenish copper bowl [Sh.Q.28].*
- *Пока Бунчук мыл зеленоватую медную чашу [Ш.Д.28].*

В этом примере различная характеристика одной и той же ситуации. Предлоги «аз пеши» и «аз назди» и их английские соответствия. Регулярные соответствия **аз пеши**. Основное значения предлога аз пеши:

- движение мимо какого-нибудь предмета;
- конкретное значение «отделения» или «удаления» от предмета, из положения вблизи предмета.

В первом случае эквивалентом аз пеши, который чаще всего употребляется с глаголами «гузаштан» являются by:

...аз пеши тиреза гузашта истода, гуфт [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 24].

- Passing by the window on his way to the gate [N.Ostrovsky How the Steel was Tempered 24].

- Проходя мимо окна на пути к воротам [Н.Островский Как закалялась сталь 24].

- ...Айнан дар ҳамин вақт аз пешинҳо Полли хола мегузашт [Т.Т.С.206].

- ...Just as Aunt Polly, talking briskly with a friend, passed by [T.T.S.206].

- ...В тот момент, когда тетя Полли, оживленно разговаривая с подругой, прошла мимо [Т.Т.С.206].

В случае же удаления от предмета аз пеши соответствует from.

- Полентовский аз пеши стол коммунист шуда рафт [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 356].

- Polentovsky walked away from the presidium table a member of the Communist Party [N.Ostrovsky How the Steel was Tempered 356].

- Полентовский отошел от стола президиума член коммунистической партии [Н.Островский Как закалялась сталь 356].

- ...бинобарин бо хаячон аз пеши тиреза дур шуд [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 41].

- ... and turned quickly away from the window [N.Ostrovsky How the Steel was Tempered 41].

- ...и быстро отвернулась от окна [Н.Островский Как закалялась сталь 41].

Соответствие аз пеши - from зарегистрировано и в переносном смысле:

- Аз пеши дарвоза чаранг – чаранги чарх шунида шуд [Н. Островский Обу тоб ёфтани Пулод 107].

- From the door came clicking of a wheel [N.Ostrovsky How the Steel was Tempered 107].

- Из двери стало слышно, как стучало колесо [Н.Островский Как закалялась сталь 107].

б). Более редкие соответствия «аз пеши» и «аз назди».

Аз пеши - out of. - Ман ҳамаи ин чизҳоро дар назди рул аз пеши боцман дуртар мондам [Стивенсон Қазираи Чавохирот 174].

- With these, I came on deck, put down my own stock behind the rudder - head and well out of the coxswain's reach [Stevenson Treasure Island 174].

- С этим я поднялся на палубу, положил свой запас за руль - головой и далеко от досягаемости рулевого [Остров сокровищ Стивенсона 174].

Это соответствие, как следует из конкретного значения английского предлога, употребляется в том случае, когда движение изнутри связано с пересечением границы объекта (антоним into). В данном случае объект имеет абстрактный характер «the coxswain's reach», в таджикском для передачи этого значения аз пеши уточнено обстоятельством дуртар.

Аз пеши - before (по-видимому, в тех случаях, когда близость не столь подчеркнута, примечательно выступающее при этом значение, напоминающее русское «перед»).

- I realized that this process had taken me with it, so I decided not to waste my energy before the tug-of-the-head and to reach the Tree Garden, which I liked very much.[Stevenson Treasure Island 171].

- Ман фаҳмидам, ки ин чараён маро бо худ гирифтааст, бинобар ин қарор додам, ки аз пеши Буксир- Калла нагузошта, қувватамро бухуда сарф накарда, як зӯр зада ба димоғи Дарахтзор расам, ки вай ба назари ман хеле хуш менамуд.[Стивенсон Ҷазираи Ҷавохирот 171].

- Я понял, что этот процесс увлек меня за собой, поэтому решил не тратить силы перед рывком за голову и добраться до Сада деревьев, который мне очень понравился. [Остров сокровищ Стивенсона 171].

Соответствие аз назди - by, близкое по значению аз пеши - by, употребляется в речи значительно реже. Отличие аз назди от аз пеши подобно отличию ба назди от ба пеши: в первом случае рассматривается движение от/через «зону» более или менее близкую к объекту, в другом случае имеется в виду, прежде всего, движение через сектор (или от него), расположенный перед объектом.

- Ў аз назди қаср гузашта, овози рақсро шунид (инфр.)

- He passed by the palace and heard the sound of dancing

- Он проходил мимо дворца и слышал звуки танца

- У аз назди масофаи масчиде гузашт (инфр.)

- He passed by the cathedral tower.

- Он прошел мимо башни собора.

Кроме того, отмечены следующие единичные соответствия:

Аз назди - from (...to).

- Чони беҳад дароз аз назди як гуруҳ бо гуруҳи дигар гузашта [Стивинсон Чазираи Чавохирот 101].

- Long John was hard at work going from group to group [Stivinson Treasure Island 101].

- Долговязый Джон усердно работал, переходя от группы к группе [Stivinson Treasure Island 101].

Аз назди - at.

Мо аз назди купрукчае мегузаштем [Стивинсон Чазираи Чавохирот 39].

- We were just at the little bridge [Stivinson Treasure Island 38].... (здесь at связано по значению со статистическим to be, в то время как в таджикском употреблении аз назди объясняется присутствием глагола движения «гузаштан») - Мы только что были у маленького моста [Остров сокровищ Стивинсона 38].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование было посвящено исследованию вопросов и проблем выражения пространственности в языках различного строя, а также выявлению морфологических, синтаксических и лексических средств, выражающих пространственные отношения в языках разного строя. Основной целью настоящего исследования явилось системное исследование структурно-семантических, категориально-грамматических и функциональных особенностей пространственности; установление их системных связей, различий и сходства в семантическом и структурном аспектах, реализаций пространственных отношений в языках различного строя.

Результаты нашего исследования составляют основу системы окончательных обобщений. Он объединяет семантическую и прагматическую природу лексико-грамматических средств выражения пространственных отношений в языках разных систем.

Пространство как научная категория отражает свойства материальных явлений: быть где-то, быть каким-то образом локализованным, иметь какую-то форму. Есть два разных подхода к определению пространства: пространство - это бесконечноеместилище вещей, арена для движения тел; пространство - одна из первых реальностей бытия, которую человек воспринимает и дифференцирует.

Пространственные обозначения часто восходят к названиям объектов, созданных или увиденных человеком. Биопрограмма человека включает в себя такие механизмы и системы восприятия, одна из которых «отвечает» за противопоставление фона и фигуры (предметов и всего, что им противостоит), а другая - за дифференциацию места объекта от направления вашего движения, если в наблюдаемой человеком ситуации этот объект двигается или показывает другие визуальные изменения в своем внешнем виде.

Наше восприятие пространства, осознание пространства и понимание

пространства обязательно включают в себя некоторые ограничения.

Пространственные слова применимы во всех случаях, когда тема сообщения получает пространственную интерпретацию и используются для описания самых разных типов пространств. В качестве примеров «ограничивающих слов» можно назвать частицы (*даже-ҳатто-even, только-фақат-only, единственно-танҳо-merely, самостоятельно-мустақил-solely, только-фақат-just, но-вале-but, единственно-танҳо-alone*).

Количественные свойства физических объектов, наполняющих окружающее нас пространство, выражаются, в частности, с помощью значений геометрических (пространственных) размеров: *высота (height), габариты (dimensions, space limitations, passages), глубина (depth), дальность (distance, radius, range, amplitude), длина (length), объем (volume, extent, size), периметр (perimeter), площадь (square, space, surface, place)* и др.). Размеры характеризуются значительным разнообразием и довольно свободным выбором единиц измерения.

В английском языке характеристика взаимного расположения предметов/объектов передается с помощью статических предлогов позиции, указывающих на положение предмета. Предлоги пространственной координации, актуализированные в их значениях, составляющие статическое положение, служат обозначением положения предметов или хода действия. Например, предлоги *at* «у, в», *on* «на», *in* «в» в английском языке указывают просто *на местоположение объектов*. такие как, например, *before* «перед-пеш», *near* «у-назди, возле-назди», *around* «вблизи-атрофи», *after* «за-баъд», *opposite* «напротив-муқобил», *between* «между-байни», *along* «вдоль-қад», *round* «вокруг-гирди», характеризуются как ориентированные или относительные предлоги.

Указательные местоимения занимают сравнительно небольшую нишу среди средств выражения пространственных отношений, тем не менее, это не умаляет их роли среди данных средств. Указательные местоимения имеют

самые различные локальные оттенки значения: *«this»*, *«этом-хамин»*; *«that»*, *«том-хамон»* (близкий к тому, кому говорится, ср. **take this book** «возьмите эту книгу – хамин китобро гир(ед)», **that** «тот-вай, он» и т.д.).

Для выражения пространственных отношений в английском языке служат также наречия, которые имеют значения места и пространственного направления. Наречия со значением места указывают местонахождение предмета, которое может быть как внешним (*down* «внизу-поён», *near* «рядом-назди», *ahead*, *before*, *in front* «впереди-рӯ бу рӯи», *above*, *up* «наверху-дар рӯи», *near* «вблизи-назди», *behind* «сзади-ақиб», *above*, *up* «наверху-аз боло»), так и внутренним (*inside* «внутри»). Наречия делятся на ряд групп, наречия со значением пространственного направления по своей семантике весьма разнообразны.

Концептуализацию категории пространства можно осуществить с помощью различных лингвистических средств, включая имена с пространственной семантикой, широко представленные в английском языке. В этом случае имена с пространственной семантикой можно условно разделить на: 1) имена обобщенной пространственной семантики, в которых пространственная составляющая представлена в собственном лексическом значении, например: *space-пространство-фазо*, *place-место-макон*, *side-сторона-тараф*, *direction-направление-самт*; 2) существительные с конкретно-пространственным значением: а) астрономические обозначения – *universe-вселенная-коинот*, *earth-земля-замин*; б) обозначения ландшафтных объектов – *field-поле-майдон*, *forest-лес-беша*, *sea-море-бахр*; в) обозначения населенных пунктов и их частей – *city-город-шаҳр*, *village-село-деҳа*, *street-улица-кӯча*; г) обозначения сторон света – *south-юг-ҷануб*, *east-восток-шарқ*; д) обозначения пути передвижения – *road-дорога-роҳ*, *path-путь-роҳ*; е) обозначения помещений, предназначенных для жилья и различных видов деятельности – *house-дом*, *school-школа-мактаб*, *church-церковь-калисо*; ж) обозначения предметов и приспособлений для

осуществления какой-либо деятельности – *table-стол-миз, armchair-кресло-кресло*; 3) названия «вместилищ», емкостей, транспортных средств и т. п. – *jug-кувшин-куза, box-коробка-куттй, train-поезд-қатора*.

Самый большой материал дает использование предлогов в местном аспекте их значений, хотя не все предлоги употребляются с одинаковой частотой. Естественно начать с самых распространенных предлогов. В связи с большим объемом материала в работе «предлоги анализируются только в составе глагольно-именных комплексов. Термин» сочетание слов «в широком смысле также используется как синоним, поскольку рассматриваемые конструкции анализируются в основном на основе семантических связей глагола, образующего их. Синтаксические функции членов глагольных предложений (или глагольных комплексов) не являются существенными для определения значений предлогов. различие между типами сказуемого, но также и синтаксические функции именительного падежа сложного глагола не разграничены. Глагольный член предложения в большинстве примеров представлен личными формами, но иногда также именными-V (причастие, герундий, инфинитив).

Что касается предлогов, то только те, кто не ссылаясь на собственное значение, но и те, кто отстаивал свою семантическую независимость, пытались внести оговорки в свои определения.

Роль предлога не ограничивается формальной синтаксической функцией указания, какое слово грамматически подчинено другому. Семантическая роль предлога очень широка, он сообщает свое значение отдельному предложению, а через него часто и целому предложению, что конкретизирует и обобщает отношения между значимыми словами.

Исследование предлогов и выражаемых ими отношений совершенно определённо показывает существование отношений между отдельными системами. При исследовании значения предлогов становится ясно, что не только каждый отдельный предлог имеет своё значение, но и группы

предлогов образуют малые системы, а все предлоги – одну большую систему.

Несмотря на все богатство словесной и именной лексики в составе словесных предложений, можно выделить определенные отношения, выражаемые предлогами. Каждый предлог обладает достаточной смысловой независимостью, но это не мешает ему быть элементом системы.

Значения английских предлогов, рассматриваемые в их пространственном аспекте, также образуют свою собственную систему, представленную как отдельными предлогами, так и группами предлогов.

Система выражения местной ориентации с помощью предлогов в английском языке имеет вполне определенную структуру, то есть определенную сеть связей и отношений. В неполной форме, в которой эта система представлена в данной работе (не были учтены редкие предлоги, составные предлоги), она состоит из семи компонентов, каждая из которых образует некую небольшую подсистему, члены которой также связаны между собой определенные отношения.

Между всеми компонентами системы в целом существует взаимодополняющая взаимосвязь, они дополняют друг друга, наиболее общим образом отражая факт локальной ориентации объектов. В каждом компоненте системы, в каждой небольшой подсистеме существуют как сложные взаимосвязи элементов, так и положительные рабочие отношения; Группы предлогов организованы в микросистемы бинарных семантических противопоставлений. Например, бинарно противопоставлены: **on- off, over-under, inside – outside** и пр. а вместе эти бинарные оппозиции связаны комплетивным отношением и образуют подсистему «Соположение элементов действительности». Другая подсистема «Расположение объектов по уровням» здесь представлена только парой с бинарной оппозицией (**above- below**). Подсистема «Расположение с разной степенью удалённости» выражена группой элементов **at- by- near** без отношения противопоставления, только с комплетивной семантической связью.

Подсистема «Пространственная протяжённость элементов действительности «построена на отношении аппозитивном, с одной стороны (**as far as и over**), и отношении генерализации между этими предлогами и предлогом — с другой.

Интересно отметить, что выражение как темп; оральной» ориентации, так и локальной, ориентации» с помощью «предлогов» в английском языке имеет системный характер. Однако в каждом случае существует своя система. Принципы структурной организации аналогичны, но сами структуры не совпадают.

По результатам проделанной работы, можно сказать, что предлоги **on**, **in**, встречаются как в публицистической, так и художественной литературе гораздо чаще, чем остальные предлоги английского языка. Согласно частному словарю и Энциклопедии английского языка Д. Кристала [II, 6, 213]; самым наиболее часто встречающимся предлогом является предлог «in» в английском языке и предлог «дар» в таджикском языке.

В данной работе рассматривалось такое понятие как синонимика предлогов, и анализ проводился на примере предлогов как английского, так и таджикского языков. Некоторые предлоги синонимичны, а некоторые - антонимичны (ср. англ, **out in the room»берун аз хона / дар дохили хона», up / down the street»аз тарафи болои куча / аз тарафи поёни куча**). При этом / антонимичности имеются не между всеми употреблениями, отношения синонимичности, а только между частью употреблений предлогов. Каждый из предлогов задает собственное, присущее именно ему отношение; взаимодействуя с контекстом, это отношение может задавать ситуацию похожую; на ситуацию, задаваемую другим предлогом.

Синонимический эффект в определённых контекстах могут давать, даже предлоги; противоположные: по; смыслу в других, контекстах. С. англ. Предложения: He filled in his registration' card и He filled out his registration - card: каждое из; которых, может, быть переведено как «Ў варақаи сабти номер пур кард». Дело в том, что ситуация заполнения карточки может быть

описана; как выдача; информации; в дополнение к уже имеющейся в бланке (out) или как «вставка» информации в пустые пространства (in). Предложные системы разных языков не сводятся одна к другой; поскольку значения предлогов разных языков совпадают лишь.

частично, и множество сущностей; способных входить в задаваемое предлогом отношение различается от языка к языку. В частности, разным предлогам одного языка в определённых контекстах в другом языке может соответствовать, один и тот же предлог. например, английские предлоги at, in оба соответствуют таджикскому дар: to beat the supermarket «дар бозор будан (делать покупки)» и to be in the supermarket «дар бозор будан (находится в помещении магазина)».

Значение конкретного предлога можно мыслить, как сложную систему, где абстрактное значение предлога уточняется за счет семантических элементов контекста, в котором фиксируется области применимости предлога.

Разнообразие сравниваемых языков (английский - таджикский) накладывает свой отпечаток; структурно-смысловая организация пространственных предлогов. С точки зрения структурной и семантической организации предлогов различия между языками сводятся к следующему: - наличие омонимов внутри класса таджикских предлогов, образующих разные падежи, и отсутствие подобного явления в английском языке из-за отсутствия в нем чехлов.

Следует отметить, что анализ и исследования в лингвистике различных языков на предмет предлогов все еще продолжаются и остаются малоизученными, поскольку функциональная интерпретация использования пространственных предлогов остается не совсем ясной. В частности, неясно, происходит ли это только в контекстах, описывающих пространственные отношения человека и артефакты, которые он использует, или же более широкий диапазон сцен может быть концептуализирован как обладающий функциональными характеристиками. Если мы принимаем точку зрения,

согласно которой функциональная информация принадлежит семантике предлогов, то также остается неясным, как эта информация сочетается с перцепционной информацией, формируя значение пространственных лексем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдурахмонов, У. Таҳаввулот ва тафовутҳо дар баҳши замоири пайвастаи забони дарӣ ва шоҳаҳои он // У. Абдурахмонов // Паёми Донишгоҳ. Баҳши суҳаншиносӣ. – Душанбе, 2002. - №1 – С. 41-45.
2. Абдурахмонов, У. Таҳаввулот ва тафовутҳои замоири шахсии забони дарӣ ва шоҳаҳои он // Маҷмӯаи мақолати “Ёде аз гули сурх”. – Душанбе: ТГНУ, 2003. – С. 65-86.
3. Авлиёева, П.Т. Семантические особенности притяжательных местоимений в английском и таджикском языках // П.Т. Авлиёева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). Актуальные вопросы филологии. – Душанбе: РТСУ, 2015. - №4(51) С. 234-242.
4. Адмони Л.Г. Полевая структура частей речи (на материале числительных) // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. – Л.: АН СССР. 1965, – 236 с.
5. Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. - М.: Изд.лит. на иностр. яз., 1956. – 320 с.
6. Аникина Н.В. Формальное распознавание смысла английских многозначных предлогов/ Н.В. Аникина. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1985. 22с.
7. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. М.: Языки русской культуры. Восточная лит-ра РАН, 1995. – 686 с.
9. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М: Наука, 1974. – 367с.
10. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, №1. – С. 76-83.

11. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. - Л.: Просвещение, 1979. 259 с.
12. Арзуманов С.Д. Забони тоҷики. - Сталинобод: Маориф, 1951.-416с.
13. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. - М., Издательство литературы и ин.яз.,
14. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. М., 19
15. Артыкова Х.А Артыкова Х. А. Пространственные и временные значения, выражаемые первообразными предлогами русского языка и их эквиваленты в таджикском языке. Автореф. и диссер. канд.филол. наук, Душанбе -1969. – 26 с.
16. Артыкова Х.А. Пространственные значения русских первообразных предлогов и соответствия им в таджикском языке. Известия А.Н. Тадж. ССР, отделение общественных наук, -Душанбе, 1961, №4.
17. Артыкова Х.А. Пространственные и временные значения, выражаемыми первообразными предлогами русского языка и их эквиваленты в таджикском языке: дис. ... канд. филол. наук, – Душанбе, 2007. – 180 с.
18. Артыкова Х.А. Пространственные и временные значения, выражаемыми первообразными предлогами русского языка и их эквиваленты в таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2007. – 24 с.
19. Артыкова Х.А.-Первообразные предлоги русского языка, употребляющийся с дательным падежом и их эквиваленты в таджикском языке // Изв. АН Тадж. ССР (Отд.общ.наук.Вып.4(27), 1961-С. 35-41.
20. Арутюнова Н.Д. Проблемы связности прозаического текста. Сб. статей “Память В.В. Виноградова, изд. МГУ. 1971. – 26 с.
21. Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448с.

22. Арутюнова Н.Д., Шатуновский И.Б. Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека. Дубна, 1999. – 520 с.
23. Ахмедова Н.К. История развития наречий в таджикском языке // Зинаҳои хирад. – Душанбе, 2006. №3(4). – С. 5-8.
24. Ахмедова Н.К. Качественные наречия, образованные от прилагательных в английском, таджикском и русском языках // Известия академии наук Республики Таджикистан. Отд. общественных наук. 2008. - №2. С. – 91-96.
25. Ахмедова Н.К. О морфологической характеристике наречия в русском, английском таджикском // Актуальные проблемы сопоставительной типологии, теории и практики перевода. Душанбе: ТГНУ, 2007. – С. 21-27.
26. Ахмедова Н.К. Происхождения и способы образования наречий в русском и английском языках // Актуальные вопросы филологии. Душанбе: РТСУ, 2007. – С. 85-89.
27. Ахмедова Н.К. Сопоставительный анализ глагольных наречий в английском и таджикском языках // Сопоставительный анализ как метод изучения и преподавания иностранных языков. - Душанбе: РТСУ, 2007. – С. 29-31.
28. Ахундов М.Д. Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени. – М. : Наука, 1974. – 253 с.
29. Ахундов, М. Д. Концепции пространства и времени. Истоки, эволюция, перспективы / М. Д. Ахундов. – М.: Наука, 1982. – 259 с.
30. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография. – Тамбов–Москва: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – 264 с.
31. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М.: Изд. иностр. лит. 1955. – 416 с.
32. Барамыкова Т.В. Английские предлоги в функционально-семантических аспектах (на материале технических текстов по специальности «лёгкая промышленность»): дис. канд. филол. наук. – Киев, 1990. – 170 с.

33. Баринава И.В. Семантика предлогов, выражающих временные отношения в современном английском языке. Дисс... на соискание ученой степени канд. фил. наук М., 1999. – 212 с.
34. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1975. - 156 с.
35. Бархударов Л.С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. - М.: Высшая школа, 1973. - 423 с.
36. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - 446 с.
37. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 382 с.
38. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики -М.: Высшая школа, 1986. - 159с.
39. Блумфилд Л. Язык. - М.: Прогресс, 1968. - 606 с.
40. Бозидов Н.Пуркунандаи бавосита дар забони адабии ҳозираи тоҷик. дисс. номзоди фанҳои филология Сталинобод, 1960.-250 с.
41. Бондаренко В.С. Пространственные отношения, выражаемые с помощью предлогов. Уч.зап. МГПИ, 1954, т.33, Каф.русс. яз., вып.3, с.19-41. – 399.
42. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. – М.: Учбедгиз, 1961. – 75 с.
43. Бондарко А.В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – Л.: Наука, 1967. – 107 с.
44. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. – 229 с.
45. Борковская И.Б. Предлоги в английском языке. Выражение объективных отношений. М. 1973.
46. Борковская И.Б., Рейман Е.А., Успенская Н.В. Предлоги в английском языке. - Л.: Наука, 1973. - 128 с.

47. Буранов Д. Сравнительная типология английского и тюркского языков. - М.: Высш. шк. 1983. - 267 с.
48. Бурлакова В.В. К вопросу о лексическом значении предлогов. Исследования по английской филологии. – Л.: ЛГУ, 1971. – 262.
49. Буранов Ж.Б. Инглиз ва узбек тиллари киёсий грамматикаси. - Тошкент: Укитувчи, 1973. - 284 с.
50. Бурханов, Г.С. Соответствие английских и таджикских составных предлогов с временным значением / Г.С. Бурханов // Вестник национального университета. Выпуск 2. – Душанбе: Деваштич, 2004. – С. 149-154.
51. Бурханова Г.С. Анализ английских соответствий таджикских составных предлогов с абстрактным значением // Материалы республиканской научно теоретической конференции. Преподавания русского иностранного языков в вузах Республики Таджикистан. Душанбе: Нодир, 2004. – С.137-141.
52. Бурханова Г.С. Соответствие английских и таджикских составных предлогов временным значением // Вестник национального университета. Выпуск 2. – Душанбе: Деваштич, 2004. – С.149-154.
53. Бурханова Г.С. Сопоставительный составных предлогов с пространственными значениями в английском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук – Душанбе, 2005. – 26с.
54. Бэдэру Д.В Упражнения по граммате английского языка для аспирантов.- Кишинёв: Штиница, 1977.- С.165.
55. Виноградов В.А. Категориальная типология и языковой тип // Тезисы научных докладов д-ра филол. наук. -М: 1993. с.
56. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов. Лексиология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 162-189.
57. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.).-М.: Высшая школа, 1986.-783 с.

58. Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо. Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98–106.
59. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. - М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1960. - 399 с.
60. Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1831. 2–12е изд. СПб. 1835–1874.
61. Всеволодова М.В. Способывырождения временных отношений в современном английском языке.- М.: Московский государственный университет. 1975.- 283 с.
62. Гадайбаева У.А. Функционально-семантическое поле темпоральности в английском и таджикском языках: Дис. канд. филол. наук. – Душанбе, 2007. – 161 с.
63. Газизова Л.В. Пространственно-временные динамические предлоги со значением «движение из исходного пункта» в английском языке: Автореф.дис.канд.филол.наук. – Уфа, 1999. – 30 с.
64. Гайденок П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. - М. : пер СЭ; СПб.: унив. Кн. , 2000. 456 с.
65. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени. М.: Либроком, 2010. – 448 с.
66. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 367-395.
67. Гак В.Г. Сопоставительная лексикалогия: На материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977.-262 с.
68. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков.
69. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высшая школа, 1965. – 378 с.
70. Гак, В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – С. 127-134.

71. Галкина И.А. Наречия места как средство выражения пространственной ориентации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 4 (67). –С. 41-44.
72. Гарская Л.В. Структурно-семантическое исследование группы английских существительных, обозначающих части суток и времени года в сопоставлении с русским языком: Автореф.дис.канд.филол.наук. – М.: 1976. – 23 с.
73. Гонсалес-Фернандес. Самоучитель испанского языка. – М.: Высшая школа, 1991. – 320с.
74. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. К. 1. Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.
75. Грамматикаи забони тоҷикӣ. - Сталинобод: Нашр. давл. тоҷ., 1956. – 232 с.
76. Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. М.: 2004. – С. 746.
77. Грюнберг А.Л. Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.
78. Гурина А.В., Корнева В.В. Вербализация концепта «возвышенность» в русском и испанском языках // Дайджест – 2004: Дипломные работы ф.-та РГФ ВГУ / Под ред. Н. А. Фененко. – Воронеж: ВГУ, 2005, Вып. 5,
79. Джамshedов П.. Англо-таджикский словарь / П.Джамshedов, Толиби Рози (Шарипов). – Душанбе: Пайванд, 2005. – 1202 с.
80. Джамshedов П.Д. Проблемы глагольной типологии. - Душанбе: Дониш, 1984.- 158 с.
81. Джамshedов П.Д. Сопоставительный анализ английских глагольных форм Continuous и таджикского муайяни. Душанбе: Душанбинский гос.пед. интим. Т.Г.Шевченко, 1973. - 118с.
82. Джамshedов П.Д. Типологиям муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ. Душанбе: Минвуз, 1978. - 178 с.

83. Дудочкина О.Г. Пространственная динамическая семантика предлогов “across”, “over”, “through” \ О.Г. Дудочкина. Автор. Дисс. канд. филол. наук.
84. Дустмуродов Р.Ш. Воситаҳои ифодаи пешояндҳои забони англисӣ – пешоянди ат дар забони англисӣ ва мувофиқати он бо пешояндҳои дар ва бар дар забони тоҷикӣ // Паёми донишқадаи молия ва иқтисоди Тоҷикистон. – Душанбе, 2015. – С. 269-275. (ҳаммуаллиф – Туйғунов Н.).
85. Есперсен О. Философия грамматики. - М.: Изд. иностр. лит. 1958. - 404 с.
86. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык - М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956. 350 с.
87. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Душанбе: Ирфон, 1973. - 450с.
88. Закарян А.А. Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке. Автореф. канд. дис. - М.: 1986
89. Закарян А.А. Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке: Автореф. канд. дис. филол. наук. - М., 1982. - 25с.
90. Залеман К.Г., Жуковский В.А. Краткая грамматика новоперсидского языка. – Спб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. – 100 с.
91. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., Изд-во МГУ, 1976. – 307с.
92. Зернов Б.Е., Варшавская А.Н., Чахоян Л.П. Спорные вопросы английской грамматики. - Л.: Изд. Ленинг. ун-та, 1988. - 208с.
93. Ибрагимова В.Л. Отражение в языке категории пространства. Исследования по семантике: семантика слова и фразеологизма. – Уфа : Изд-во БГУ, 1986. – С. 18–26.
94. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285с.
95. Ильиш Б. The Structure of Modern English – Л.: Просвещение; Издание 2-е. 1971. – 366 с.
96. Ильиш Б.А. Значения предлогов в современном английском языке. // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. 1958. - Т.157. - С.3-13.

97. Исматуллаев М.Ф. Обстоятельство и его виды в современном таджикском литературном языке: Автореф.дис.канд.филол.наук.- Душанбе ,1971-43 с.
98. Камолова А.Р. Первичные предлоги таджикского языка и их функциональные эквиваленты в английском языке. Автореф. диссер. канд. филол. Наук. М., 1971.
99. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1966. С. 130.
100. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Соч. в 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 381-426.
101. Кант И. Применение связанной с геометрией метафизики в философии природы // Кант И. Указ соч. Т. 1. М., 1963. С. 324.
102. Карамхудоев Н. Бартангский язык, Душанбе 1973.
103. Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. АН. ТаджССР. – Душанбе 1983.
104. Карамшоев Д. Шугнано-рушанский словарь. Москва, 1991, Том 2.
105. Категоризация мира: пространство и время: материалы конференции. – М.: МГУ, 1997.
106. Кацнельсон С.Д. Типология языка и языковое мышление. - Л.: Наука, 1972.- 216 с.
107. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н. Д.Арутюнова, И. Б.Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 151–162.
108. Корнева В.В. Пространственные отношения как отражение национальной картины мира / В.В. Корнева // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж, 2002. С. 371-379.
109. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.
110. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. - М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1961. - 265 с.

111. Крылова е.в. Пути перехода предложено-иенных сочетаний и отыменные составные предлоги в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. - М., 1970. - 20 с.
112. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. - 156 с.
113. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение в речи. – М.: Наука, 1991. - 240 с.
114. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 2004. - №4.
115. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука 1978. 11 с.
116. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004, 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
117. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
118. Курбанов Х. Причастия в рошорвском языке (к характеристике шугнано-рушанской группы памирских языков, синхроннотипологические исследования на материале языковых систем), М., 1972, 270-276 с.
119. Курьянова Л.А. Изменения в составе и дистрибуции лексем понятийного поля «возвышенность» от старофранцузского к современному языку // Вестник СПбГУ. Сер. 2, 2002, вып. 4 (№ 26), С. 51-59.
120. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / Д. Лайонз. М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
121. Лапшина, М. Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте) / М. Н. Лапшина. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1998. – 336 с.
122. Латифов А. Чонишинхо асилтарин калимаҳои забон // Маводҳои конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ // Маводи конференсияи

байналмилалӣ «Масъалаҳои мубрами таҳқиқоти муқоисавӣ-типологии забонҳо ва усулҳои муосири таълими забонҳои хориҷӣ» (14 апрели соли 2018). – Душанбе, 2018. – С. 93-96.

123. Лашкарбеков Б.Б. О говорных различиях ваханского языка. – Исследования по грамматике языков народов СССР. М., 1975, 72-83с.

124. Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 441.

125. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

126. Литвинов П.П. 100 английских предлогов. - Москва: Айрис Пресс. – 2004.

127. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. – 310 с.

128. Маловицкий, Л.Я. Личные местоимения современного русского языка в коммуникативном аспекте. Л. Я. Маловицкий // Русские местоимения: семантика и грамматика. Сб. науч. тр. - Владимир, 1989. - С.105-111.

129. Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Munchin, Verlag Otto Sagner, 1998

130. Мамадасламов М.С. Выражение пространственно-временных отношений в системе предлогов и послелогов в разносистемных языках (на базе шугнанского, немецкого и таджикского языков): дис. ... док. филол. наук специальность: 10. 02. 19. – Душанбе, 2012. – 430 с.

131. Мамадасламов М.С. О пространственно-временных функциях предлогов в шугнано-рушанской группе памирских языков// О предлогах шугнано-рушанской группы памирских языков. –Душанбе: Дониш, 1999. 3-7с.

132. Мамадасламов М.С. Пространственно-временны отношения предлогов и послелогов в разносистемных языках // Вестник Хорогского университета. Серия 2. Гуманитарные науки. №8. – Хорог, 2003. – С...

133. Мамадасламов М.С. Пространственно-временные предлоги разносистемных языках // Вестник Хорогского университета. Серия 2. Гуманитарные науки. №5. – 2003. – Хорог, 2003. – С.26-32.
134. Мамадасламов М.С. Словообразовательные функции локативно-временных предлогов в образовании местоименных наречий(МН) шугнанского языка и его диалектов. Там же 15-34с.
135. Мамадасламов, М. С. Выражение категории пространственной на материале предлогов шугнанского и немецкого языков // Вестник Хорогского государственного университета им. М. Назаршоева. Серия 2. Гуманитарные науки, 2006. – №8. – С. 146-152.
136. Мамадасламов, М.С. Системы пространственно-временных предлогов в сопоставляемых языках // Известия АН РТ. Отделение общественных наук. – Душанбе, 2018. – № 2 (250). – С. 172-175.
137. Мамадназаров А. Морфологические особенности личных местоимений в таджикском и английском языках / Международная конференция «Грамматические категории в контрастивном аспекте». Москва: МГПУ, 11-14 мая 2016 . – С. 157-163.
138. Мамадназаров А. Семантические особенности притяжательных местоимений в английском и таджикском языках. Материалы Республиканской научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и сотрудников ТНУ, посвященной «25-летию Государственной независимости РТ». – Душанбе, 2016. – С. 441-442.
139. Мамадназаров А. Семантические особенности указательных местоимений в английском и таджикском языках (в соавторстве) // Вестник Таджикского национального университета. 2016, №4/3(203). – С. 115-119.
140. Мамчур Е.А. Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.) и др. – М. : ИФРАН, 2014. – 108 с.
141. Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. 2-е издание. 2010. – С. 210-230.

142. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. - М.Л.: Изд. АН СССР, 1978.- 387 с.
143. Миньяр – Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. –М.: Воениздат, 1980. 237с.
144. Мирзаджанова М.К. О семантическом анализе локальных предлогов и выражаемых ими отношений в английском и таджикском языках Вестник Таджикского государственного университета права бизнеса и политики. – Душанбе, 2011. №3(67). – С. 325-330.
145. Мирзаджанова М.К. Семантика предлога at и глагольных сочетания с предлогом at // Вестник Таджикского национального университета Серия Филология. – Душанбе, 2008. №2 (61). – С. 94-96.
146. Мирзаджанова М.К. Семантико-сопоставительный анализ локальных предлогов в таджикском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук – Душанбе, 2011. – 155 с.
147. Мирзаджанова М.К. Семантический анализ синонимичных предлогов over, above // Вестник Таджикского государственного университета права бизнеса и политики. – Худжанд, 2008. №4. – С. 198-203.
148. Мирзаджанова М.К. Семантическое микрополе «траектория движение в английском и таджикском языках II Актуальные вопросы филологии – Душанбе, 2009. Вып. 3. – С. 133-137.
149. Мирзоабдинова С. Пешояндҳои шеваи хуф. Тез. доклад. конф. Молодых ученых и специалистов Тадж. ССР, Душанбе, 1974.
150. Мирзоабдинова С. Шеваи Хуфи забони рушони, Душанбе: Дониш, 1983.
151. Мирзоджанова. М.К. Семантико-сопоставительный анализ локальных предлогов в таджикском и английском языках: Автореферат дис. канд. филол. наук.- Душанбе, 2011-24 с.
152. Мирзоев А. Ибораҳои феълии замон дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1972. - 255 с.
153. Москальская О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. –М.: Наука, 1981а. – 183 с.

154. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксика / О.И. Москальская. – М.: Высш. школа, 1981б. – 173 с.
155. Музаффарова, Г. Сопоставительное исследование местоимений в английском и русском языках // Актуальные проблемы методики обучения иностранным языкам на современном этапе: Материалы респ. науч.-практ. конф. – Душанбе, 2010. – С. 132-135.
156. Муродов Б. синтаксические особенности отрицательных местоимений в английском и таджикском языках. Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет. – Душанбе: РТСУ, 2017. – №2(58). – С. 224-229.
157. Муродов Б.Р. Баъзе хусусиятҳои маъноии ҷонишинҳои манфӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ. Паёми ДМТ 2017, №4/4. – С. 118-123.
158. Мыльникова, И.А. К вопросу о синонимии немецких предлогов при выражении пространственных отношений И.А. Мыльникова // Вопросы анализа специального текста: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 1 Уфа, 1973.
159. Назарзода, С. Лингвистическое изучение классических письменных памятников. / С. Назарзода. – Душанбе, 2004. – 333с.
160. Назарзода, С. Сангинов, А. Каримов, С. Султон, М. Ҳ. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 1 / зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, М. Ҳ. Султон. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2010. – 950 с.
161. Назарзода, С. Сангинов, А. Каримов, С. Султон, М. Ҳ. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 2 / зери таҳрири С. Назарзода, А. 174 Сангинов, С. Каримов, М. Ҳ. Султон. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2010. – 1095 с.
162. Нарский И.С. Западно-европейская философия XVII века. М.: Высшая школа, 1974. – 379 с.

163. Нарумов Б.П. Вырождение пространственных отношений предлогами в сочетании с существительными (на материале романских языков). АКД.М.
164. Нахангова, М.А. Местоимение в современном таджикском языке. Дис. канд. филол. наук/ М.А. Нахангова. -Ленинград, 1971. -163 с.
165. Неменова Р.Л. Пешояндҳо ва пасояндҳо./ Грамматикаи забони тоҷикӣ. - Сталинобод: Академия Наук ССР Таджикистан, 1956. С.107-135
166. Неменова Р.Л. Предлоги в таджикском языке. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. - 39 с
167. Ниёзӣ, Ш.Н. Оид ба ҳиссаҳои номии нутқ дар забони тоҷикӣ/ Ш.Н. Ниёзӣ // Ахбороти шуъбаи фанҳои ҷамъиятӣ. 1954, №5, - С.147-152.
168. Ниёзмӯҳаммадов Б. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Лексикология, Фонетика ва Морфология. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 450с.
169. Ниёзмӯҳаммадов Б., Ниёзӣ Ш. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Қисми 2. Синтаксис. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон. 1952. – С. 147-152.
170. Николаев И.Л. Изучение русских предлогов и предложных конструкций в восьмилетней школе. - Сталинобод: Учпедгиз, 1961. - 38с.
171. Новикова А. Лингвистическое толкование художественного текста. –М.: 1979. – 123 с.
172. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.–Л., 1936. С. 30.
описания. -М .: Наука, 1990. – С.7.
173. Панфилов В.З Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы её исторического развития \ В.Я.1976 №4.
174. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. М., 1938. – 452 с.
175. Плунгян В. Г. Предлоги как ключ к поэтическому миру: над и под у Ахматовой // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004, С. 319–332.

176. Преображенский А.В. Дисс. канд. филол. наук. Л., 1991. – 215 с.
177. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. – 432с.
178. Пупынина Е.В. Механизмы формирования концепта «пространство» синонимичными существительными абстрактной семантики: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Белгород, 2004. – 21 с.
179. Ракитина О.Н. Национально-культурная коннотация как семантическая категория (на материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 23 с.
180. Расторгуева В.С. Новоиранские языки. М., 1967.
181. Рахимова Т.Р. Наречие и его роль в английском и таджикском предложении / Муаммоҳои таълими забонҳои хориҷӣ дар муассисаҳои олии касбӣ: Вазъи купунӣ на дурнамо: маводи конференсияи ҷумҳуриявӣ илмӣ-амалин онлайн” (Хучанд, 20 декабри соли 2020) – С.319-324.
182. Раҳимова Т.Р. Ҷойн зарф дар ҷумлаҳои англисӣ на тоҷикӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (илмҳои филологӣ), №5, – Душанбе, 2020. – С. 137-144.
183. Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 210 с.
184. Рейман Е.А. Английские предлоги. Значение и их функции. Л., 1988.
185. Реформатский А.А. К вопросу о фономорфологической делимитации слова\\ Морфологическая структура слова в языке различных типов . Москва-Ленинград:АН СССР,1963
186. Романова А.В. Семантические и функциональные связи предлогов пространства и времени в современном английском языке: Дис. Канд. фил. Наук. – Л., 1974. – 142 с.
187. Русская грамматика. -М.: Наука, 1980. Т. Синтаксис С. 78–86.

188. Садирова Б.Д. Семантическая стратификация пространственных предлогов в разноструктурных языках. Актуальные вопросы филологии. – Душанбе, 2014.
189. Садирова Б.Д. Сравнительно- сопоставительный анализ предлогов, выражающих временные отношения в таджикском и английском языках // Вестник Российской- таджикского (славянского) университета. Сер.: филология. – Душанбе, 2012 №3 (38)
190. Садирова Б.Д. Значения и функции предлогов, выражающих временные отношения в английском языке // Вестник Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни. Сер.: Филология. – Душанбе, 2011. №4 (40). – С. 63-71.
191. Сазанов А.А. Четырехмерный мир Минковского. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1988. — (Пробл. науки и техн. прогресса). 224 с.
192. Саидмамадов А.А. Семантическая стратификация пространственных предлогов в разноструктурных языках. Актуальные вопросы филологии. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 21-29.
193. Сапаров М.А. Об организации пространственно-временного континуума художественного произведения // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 85-103.
194. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт
195. Селиверстова О.Н. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация / Гипотеза в современной лингвистике. – М.: Наука, 1980. – С. 262-319.
196. Селиверстова О.Н., Сулейманова О.Н. Эксперимент в семантике. – М.: АН СССР. Серия литературы и языка, 1988. – 200 с.
197. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание: Пер. с нем. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 400 с.
198. Сепир Э. Язык - М., 2000

- 199.Скрынникова И.В. Вербализация концепта “пространственная локализация” в англоязычной лингво-культуре: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 23 с.
200. Слюсарева Н.А. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
- 201.Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. – М.: 1970
- 202.Смирнова Т.Н. Система предлогов в языке. – Сталинабад: АН Тадж. ССР / Отд. Общ. Наук. Вып. 1, 1958. – С. 65-83.
- 203.Собирова М. Характеристикаи семантикии пешояндхо дар луѓати теории забони ҳозираи тољик. Диссертация барои гирифтани унвони илмии номзади илмҳои филология, Душанбе, 1972.
- 204.Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики М., 1933
- 205.Степанов Ю.С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике// Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. М.; Калуга: Эйдос, 2007. 19-26с.
- 206.Степанова З.М. Национально-культурная специфика некоторых пространственных концептов (на материале предлогов французского и русского языка) / З. М . Степанова // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы 3-й Всероссийской конференции (Пенза, 13–17 мая 2003 г.) /Отв. ред. А. В. Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В. Г. Белинского. Администрация г. Пензы, 2003, С. 21–31.
- 207.Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М.: Высш. Шк., 1978
- 208.Степанова Ю.С Основы общего языкознания.-М.: Просвещение, 1975
- 209.Сударь Г.С. Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2004. – 19 с.
- 210.Тагаева Т. ФСП количественности в английском и таджикском языках. Душанбе 2006. – 133 с.

211. Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 1999. – 175 с.
212. Улуг-заде Э. С Предложные сочетания // Изв. Ан. Тадж.ССР / Отд.общ. наук.-1959.-Вып. 1 (19). – С.3-14.
213. Усманов К. Наречия как средство связи в сложноподчиненных предложениях английского и таджикского языков // Масоиلى мубрами забоншиносии типологӣ, германӣ на методикаи таълими забонҳо хориҷӣ. – Хучанд, 2014 (в соавторстве).
214. Успенский В. А Структурная типология языков – М.: Наука, 1956. – 286 с.
215. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. М., 1986. Т.4.
216. Фефилов А.И. Феномен языка в философии и лингвистике. Учебное пособие. 2014. – 56 с.
217. Фефилов А.И. Язык как результат и как средство деятельности сознания. – М.: 1988. – С. 183-185.
218. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 541.
219. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Изв. АН / Сер. лит. и яз. 1999. –Т.58. №4. – С. 28-38
220. Ҳайбатов Н.В. Пешояндҳои самт дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ // Паёми Донишқадаи соҳибкорӣ ва хизмат, №13. 2005. – С. 215-220.
221. Чернышев А.Б. Предлоги векторного движения таджикском, английском и французском языках как маркеры датива: сопоставительный анализ // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы сопоставительно-типологического исследования языков и современные методы обучения иностранных языков» (14 апреля 2018 г.). – Душанбе, 2018. – С. 218-223.
222. Ҷӯраев Х.А. Роҳҳои ифодаёбии категорияи грамматикаи зарф дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ / Х.А. Ҷӯраев, М. Саидҷимол, Р.

Қурбоналӣ // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ дар мавзӯи «Масъалаҳои мубрами филологияи муосир ва технологияи таълими забонҳои хориҷӣ дар мактаби оӣ». – Душанбе: Матбааи ДДОТ ба номи С. Айни, 2017. – С. 336-340.

223. Шамне Н.Л. Теоретические основы разработки алгоритма эколингвистического мониторинга. Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12–14 апр. 2010 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 323–327.

224. Элназаров Б.Д. Инкори имплитсисти дар ҷумлаҳои саволии забонҳои тоҷикӣ ва русӣ. // Ошӯни меҳр. – Хучанд, 2016. – С. 209-216.

225. Элназаров Б.Д. Оид ба ташаккули калимаҳои инкорӣ бо воситаи аффиксҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва русӣ // Оинадори ҳусни сухан. – Хучанд, 2015. – С. – 235-239.

226. Элназаров Б.Д. Пешванди инкории без- (без-)/бе дар забонҳои тоҷикӣ ва русӣ // Номаи донишгоҳ. Бахши илмҳои филологӣ. – Хучанд, 2016. – №1 (46). – С. 112-119.

227. Элназаров Б.Д. Ҷумлаҳои қисманинкорӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва русӣ // Оинаи маърифат: – Хучанд, 2017. – С. 289-297.

228. Юсуфбеков Ш.П. Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. – М.: “Азбуковник”, 1998. – 152 с.

229. Юсуфбеков Ш.П. К вырождению пространственно- временных отношений местоимёнными наречиями в шугнанском языке // Тезисы докладов конференции молодых учёных Саанкт-Петербургского Института лингвистических исследований. СПб, 1992

230. Юсуфбеков Ш.П. Указание на пространство и время средствами дейксиса в шугнанском языке // Семантика, типология, социоллингвистика. М., 1991

231. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.

232. Ястребова Н.Е. Национальные особенности понятий «пространство» и «время» [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 218-221. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/ (дата обращения: 16.02.2014).
233. Jacken Dorf. Semantic structures Cambridge (Mass), 1990.

СЛОВАРИ

234. Толковый словарь английского языка // Под ред. Хореби.- Ставрополь, 1004.
235. Русско-таджикский словарь // Под ред. М.С. Асимова.- 1985.-523с.
236. Словарь русского языка // Под.ред. СИ. Ожегова-М., 1984-814с.
237. Таджикско-русский словарь // Под.ред. М. В. Рахими и Л.В.
238. Англо-таджикский словарь // П.Джамshedов, Толиби Рози (Шарипов). – Душанбе: Пайванд, 2005. – 1202 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

239. Мирзоев А. Ибораҳои феълии замони дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе. 1972
240. Айнӣ С. Ёддоштҳо. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1954. – 427 с.
241. Полевой Б. Достони марди ҳақиқӣ. С. Сталинобод. 1951
242. Ленин В. И. Асарҳо. Сталинобод. 1956
243. Ленин В. И. Давлат ва революция. Сталинобод. 1954
244. Войнич Э. Замбур. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1952. –11 с.
245. Дефо Д. Робинзон Крузо. Сталинобод. Нашриёти давлатии Тоҷикистон. 1936. – 281 с.
246. Войнич Е., Занбур. 1961 Г.Б. – М.: Горький. Бачаги. 1951

247. Ленин В.И. Асарҳо. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1956. – 519 с.
248. М. Твен. Саргузашти Том Соьер. Сталинобод. 1951
249. Н. Островский. Обу тоб ёфтани пулод. Сталинобод. Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1960. – 426 с.
250. Низоми Ганҷавӣ. Лайли ва Мачнун. Душанбе: Ирфон, 1982. - 368 с.
251. Р. Стивенсон. Ҷазираи ҷавохирот. Сталинобод. Нашриёти давлатии Тоҷикистон. 1958. – 257 с.
252. Ч. Айтматов Чимила. Сталинобод. 1961
253. Э. Хемингуэй. Муйсафед ва баҳр. Душанбе. 1963
254. В. Polevoy. A Story of a Real Man. Moscow. 1964
255. Collinson W.E. Indication: A study of demonstratives, articles and other indicators. Baltimore, 1937. 242 p.
256. D. Defo. Robinson Cruso. Moscow. 1960
257. D. Wunderlich, “Sprache und Raum”, Studium Linguistik, 1982, 12, S. 1-19; 13. S. 37-59.
258. E. Hemingway. The Old Man and the Sea. Moscow. 1963.
259. E. Volynich. The Gadfly. Moscow. 1956
260. G. Aitmatov. Jamila. Moscow. 1960
261. Galsworthy. The Man of Property. Moscow. 1961
262. М. Горький. Childhood. Moscow. 1968
263. М. Twain. The Adventure of Tom Sawed. Moscow. 1956
264. N. Ostrovsky. How the Steel was tempered. Moscow. 1964
265. R. Stevenson. The Treasure Island. Moscow. 1958
266. Revolution. Moscow. 1947
267. Tesniere L. Elements de syntaxe structurale. 1959. 247 p.
268. The Program of the CPSU. Moscow. 1961
269. V. I. Lenin. The State and the Revolution. Moscow. 1961
270. V. I. Lenin. Two Tactics of Social Democracy in the Democratic